

И. В. ДОЛЖЕНКО

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ
РУССКИХ КРЕСТЬЯН
ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

ЕРЕВАН

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ի. Վ. ԴՈԼԺԵՆԿՈ

ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՌՈՒՍ
ԳՅՈՒՂԱՑԻՈՒԹՅԱՆ ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ
ԵՎ
ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԿԵՆՑԱՂԸ

(XIX դ. վերջ—XX դ. աղիւղը)

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

И. В. ДОЛЖЕНКО

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ РУССКИХ
КРЕСТЬЯН ВОСТОЧНОЙ
АРМЕНИИ

(конец XIX—начало XX вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1985

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящей работы является изучение хозяйственной и общественной жизни русских крестьян Восточной Армении в конце XIX—начале XX вв.

Этнографическое исследование этнических групп русских, попавших в силу социально-политических условий в инонациональную среду, выдвигает целый ряд проблем. Большой интерес представляет вопрос сохранения или изменения отдельных сторон традиционного уклада переселенцев: в новых условиях одни традиции изменяются, другие исчезают, третьи, наоборот, начинают доминировать. Актуальность подобной работы обусловлена и тем, что при исследовании локальных групп русских, проживающих в иной этнической среде, встает вопрос о характере и сущности культурно-хозяйственных взаимовлияний между русскими и местными жителями, причем возникают вопросы двойного рода: с одной стороны, влияние русских на окружающее население и, с другой,—заимствования в культуре переселенцев. В настоящее время, когда происходит постоянное сближение наций и народностей, проблема исследования культурно-бытовых взаимодействий различных этнических общностей стала одним из актуальных направлений в современной этнографии, имеющих помимо научного важное прикладное значение.

При изучении рассматриваемых аспектов следует учитывать множество факторов: численность переселенцев, длительность проживания, особенности расселения, степень культурной, конфессиональной и языковой близости с местным населением, характер и интенсивность контактов.

В целом исследование русского крестьянства Восточной Армении имеет важное значение для разработки

ряда общих и конкретных проблем как восточнославянской, так и армянской этнографии.

В настоящей работе автор сконцентрировал внимание на исследовании основных миграционных потоков русских крестьян в Восточную Армению, особенностей хозяйственного и общественного развития русских в процессе приспособления к новым природным, социально-экономическим и политическим условиям с учетом как этнических традиций и специфики религиозного состава переселенцев, так и характера культурно-бытовых связей с местным армянским населением. Наличие среди переселенцев православных и сектантов обусловило определенную разобщенность внутри этнической группы русских Восточной Армении.

Географические рамки исследования охватывают русские поселения, расположенные в настоящее время на территории Армянской ССР и входившие в прошлом в состав Восточной Армении. Хронологические же рамки (конец XIX—начало XX вв.) выбраны не случайно: письменные источники наиболее полно освещают последнюю четверть XIX в., а полевые материалы дают возможность восстановить картину прошлого в лучшем случае на конец XIX в., наиболее достоверно—на начало XX в.

В дореволюционной этнографической литературе интересующие нас вопросы нашли слабое отражение. Некоторые сведения по истории возникновения русских поселений мы находим в статьях этнографа-беллетриста С. Максимова и историка К. Бороздина¹.

Небольшие историко-этнографические описания, посвященные русским переселенцам Восточной Армении, встречались в местных периодических изданиях в виде небольших статей-очерков, путевых заметок, корреспонденций, авторами которых являлись краеведы—учителя, представители духовенства, топографы. Эти работы, описательные по своему содержанию, ценны тем, что их авторы непосредственно наблюдали жизнь русских крестьян. Среди этих описаний информативностью выделяются статьи С. Бунятова². Будучи священником, он пять лет прожил среди русских крестьян Борчаллинского уезда и писал сообщения на основе личных впечатлений, привлекая иногда и статистический

материал. Автор касался многих сторон хозяйственной жизни переселенцев, обращая внимание на различия в сельском хозяйстве русского и армянского крестьянства.

Определенную ценность представляют некоторые публикации о русских переселенцах, содержащиеся в «Кавказском календаре», в которых приводятся сведения о численности и вероисповедании русских Эриванской и Тифлисской губерний, бытовые описания, обстоятельный очерк А. Оверина о рыболовстве на озере Севан и др³.

Хозяйственной деятельности русского населения уделяла внимание газета Кавказского общества сельского хозяйства, основанного в 1850 г.⁴

Важными для изучения социально-экономических процессов, происходивших в районах, заселенных русскими, являются различного рода экономико-статистические обследования, помещенные в «Памятных книжках Эриванской губернии»⁵, «Сельскохозяйственных обзорах по Закавказью»⁶, в «Военно-географическом и статистическом описании Кавказского военного округа» Вышинского⁷.

Незаменимым источником при изучении крестьянского хозяйства русских переселенцев являются «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края»⁸, которые содержат поездные описания хозяйства государственных крестьян, составленные на основании обследования по определенной программе. Правда, статистические материалы приводятся по селениям и обществам в целом, а не по отдельным крестьянским дворам, что не позволяет выявить различия в уровне экономической состоятельности отдельных групп крестьянства и не отражает действительной картины крестьянского землевладения, особенностей хозяйственного уклада. В 1887—1889 гг. на основании этих томов были написаны и изданы монографии под общим заголовком «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края»⁹, в которых нашли отражение и сведения о русских переселенцах Восточной Армении.

Интересными данными о размере и характере сбы-

та продуктов животноводства, о количестве скота у крестьян отличаются исследования, помещенные в «Материалах для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе»¹⁰, второй том которых содержит ценные сведения о приемах скотоводства, распространенных среди русского крестьянства в последней четверти XIX в.

Ряд вопросов, касающийся экономического развития русского крестьянства Борчалинского уезда Тифлисской губернии, освещен в работе А. М. Аргутинского-Долгорукова¹¹, в которой помимо материалов Тифлисского губернского статистического комитета использованы также сведения, собранные путем опроса крестьян, местной интеллигенции, лиц, хорошо знавших условия жизни этого района.

В советское время этнографическое изучение русского населения Восточной Армении началось лишь в последнее время. В 1960-ые годы появились работы, посвященные вопросам религиозного изучения сектантов Закавказья, в которых интересующие нас вопросы нашли лишь косвенное отражение¹². Среди них следует выделить статьи К. И. Козловой и исследования А. И. Клибанова с широким привлечением различных источников, часть которых автор ввел в научный оборот впервые. В работах «История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.—1917 г.)» и «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем»¹³ отдельные главы посвящены социальным и экономическим противоречиям в молсканских и духоборческих общинах Закавказья, в том числе и Восточной Армении. Автор показывает, что религиозно-социальные общности были приспособлены к интересам капиталистического накопления, и в недрах различных русских сект, в том числе и молоканства, закладывались и развивались новые явления общественно-экономического развития. В свете этого становятся более ясны мотивы, лежавшие в основе широкого переселенческого движения сектантов в Восточную Армению. Архивные документы, приводимые А. И. Клибановым в работе «Народная социальная утопия в России. XIX в.»¹⁴, дополняют данные, выявленные нами в местных архивах, а в отдельных случаях по-

могут определить происхождение русских крестьян отдельных селений Восточной Армении.

В последние годы появились работы исторического характера, посвященные вопросам переселенческой политики царизма в отношении русских крестьян Восточной Армении. А. Х. Айтян в своем исследовании наряду с другими вопросами попытался проследить процесс образования русских селений Восточной Армении, однако отдельные выводы автора, на наш взгляд, нуждаются в уточнении¹⁵. Заслуживает внимания монография Д. И. Исмаил-Заде «Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX—начало XX вв.)»¹⁶, в которой автор на основе глубокого анализа огромного фактического материала создает картину возникновения русских поселений на территории всего Закавказья. Приводимые в исследовании материалы о политике царской администрации по отношению к русским крестьянам в XIX—начале XX вв., численности русских в Закавказье представляют интерес для нас и подтверждают, что создание русских селений в Восточной Армении являлось частью переселенческой политики царизма, проводимой в Закавказье, а также в других регионах Российской империи. В работе автор, уделяя особое внимание роли русских крестьян в хозяйственном освоении Мугани, дает общую характеристику экономической и социальной жизни русских крестьян Закавказья, однако интересующие нас вопросы получили лишь общее отражение, что объясняется, видимо, недостаточностью опубликованных материалов.

Таким образом, в работах как дореволюционных, так и советских авторов вопросы этнографического изучения русских крестьян Восточной Армении не были предметом специального исследования. Данное исследование призвано восполнить пробелы в этнографическом изучении русского населения Восточной Армении в конце XIX—начале XX вв.

Одним из основных источников для настоящей работы послужили архивные документы центральных государственных исторических архивов Армянской и Грузинской ССР и Центрального государственного военно-исторического архива СССР (далее ЦГИА АрмССР, ЦГИА ГССР, ЦГВИА СССР), многие из которых

введены в научный оборот впервые. Особую ценность для нас представили в ЦГИА АрмССР фонды Управления земледелия и государственных имуществ Эриванской губернии и Карсской области (ф. 133) и Эриванского губернского статистического комитета (ф. 125); в ЦГИА ГССР—фонды Комиссии по устройству поселений в Закавказском крае (ф. 222), Канцелярии наместника кавказского (ф. 4), Департамента государственных имуществ Главного управления наместника кавказского (ф. 240) и Тифлисской палаты государственных имуществ (ф. 241); в ЦГВИА СССР—фонд Белоключинского военного поселения штаба отдельного военного корпуса (ф. 731).

Документы содержат богатый фактический материал по истории переселения русских в Закавказье, политике царизма по отношению к ним, взаимоотношениям между русскими и коренным населением, данные о состоянии сельского хозяйства—о земледельческих культурах, размерах и качестве запашки, посевах, количестве скота, земледельческих орудиях. К сожалению, сведения экономического характера имеются лишь по отдельным русским селениям, что не позволяет провести полный сравнительный анализ развития хозяйственных комплексов по разным уездам Восточной Армении.

Следует отметить, что подавляющее большинство архивных документов составляют бумаги, исходившие от официальных лиц и учреждений, которые нередко носят тенденциозный характер, поскольку отражали взгляды правительства на переселенцев, на их роль в новом регионе, а поэтому требуют критического к ним отношения.

Небольшой фонд Никитинского сельского управления ЦГИА Армянской ССР (ф. 140) ярко иллюстрирует сложные внутриобщинные отношения русских крестьян Эриванской губернии в конце XIX—начале XX вв. В документах опеки, завещаниях прослеживается характер имущественного расслоения среди русских крестьян.

В работе использованы также документы законодательного и юридического характера¹⁷, на основании которых можно воссоздать картину взаимоотношений правительства с сектантами, переселившимися в Вос-

точную Армению, социально-бытовой статус переселенцев и, в некоторой степени, ход переселения, не забывая при этом, что им присущ нередко односторонний подход к рассматриваемым фактам, отражающий политику самодержавия и господствующей церкви.

Избранные хронологические рамки работы позволили использовать в качестве основных источников не только письменные сведения, но и полевой этнографический материал, собранный автором в течение ряда лет во время индивидуальных поездок в Гугарский, Севанский, Разданский, Степанаванский, Калининский и Красносельский районы Армянской ССР, т. е. в те районы, где проживали в прошлом и проживают в настоящее время компактные группы русского сельского населения.

Основными видами полевых работ являлись беседы с информаторами, преимущественно старшего поколения, и личные наблюдения автора. При сборе полевого материала большое внимание уделялось изучению хозяйства и общинного быта как в дореволюционный, так и в послереволюционный периоды до коллективизации. Разработанная автором программа для сбора полевых этнографических материалов позволила выявить основные черты хозяйственного, общественного быта русского населения¹⁸. Экспедиционные материалы дополняют данные письменных источников ценными сведениями о различных сторонах экономической и социальной жизни русских крестьян, например, о сортах сельскохозяйственных культур, формах землепользования, об обычаях самоуправления, а при изучении отдельных отраслей ремесленного производства и промыслов, аграрных обрядов, обычаев соседской взаимопомощи, общинных праздников и др.—полевые данные явились основным источником, поскольку эти вопросы почти не отражены в литературе. Там, где это представлялось возможным, полевой материал сопоставлялся с письменными и архивными данными, что позволяло убедиться в достоверности и репрезентативности имеющихся в нашем распоряжении сведений.

ГЛАВА I

ИЗ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

С 1801 г. началось присоединение Восточной Армении к Российской империи, завершившееся в 1828 г. Вхождение части Армении в состав России было актом большого прогрессивного значения. Оно избавило армянский народ от угрозы физического истребления, от опустошительных вторжений иноземных захватчиков и объективно гарантировало армянскому народу его дальнейшее развитие¹. По сравнению с Персией и Турцией Россия находилась на более высоком уровне социально-экономического и культурного развития, и, войдя в состав Российской империи, Восточная Армения была включена в орбиту более развитых экономических отношений, что создавало благоприятные условия для роста ее сельского хозяйства, торговли, ремесел, промышленности. Ф. Энгельс справедливо указывал в одном из писем К. Марксу, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»².

Однако если в первой трети XIX в. в политике царизма по отношению к Закавказью, в частности к Восточной Армении, преобладало внешнеполитическое направление, то после присоединения этого региона к России в кругах царской администрации сложился определенный взгляд на экономическое значение нового региона, заключавшийся в превращении этого района в рынок для российского торгового капитала и источник сырья для развивающейся российской промышленности. Это и обусловило то, что «экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое,—писал В. И. Ленин,—а вполне это экономи-

ческое завоевание не закончено и поныне»³. Говоря о значении окраин в развитии капитализма в России, В. И. Ленин рассматривал Кавказ в целом как «колонию» России в «экономическом смысле». Он в этой связи отмечал, что «юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»⁴.

Присоединение Восточной Армении поставило перед царским правительством ряд задач политического, социального и экономического характера. В соответствии с внешнеполитическими и экономическими целями царское правительство создало в Восточной Армении целую сеть военно-полицейских, административно-судебных и хозяйственных учреждений, посредством которой новый регион был включен в политическую и административную систему Российской империи⁵. Важное место занимал вопрос об упрочении своего положения во вновь присоединенном районе. Решение этого вопроса царское правительство видело и в привлечении в этот край русского населения.

Появление русских в пределах Восточной Армении пережило несколько этапов. Первый этап отражал особенности политики царского правительства в Закавказье, в частности в Восточной Армении, и был связан с соображениями военно-стратегического порядка. Второй этап, в результате которого произошло увеличение сельского русского населения Восточной Армении, был обусловлен как задачами внутренней жизни страны, так и экономическим значением нового региона.

Аналогичная картина наблюдалась при освоении других окраин России, например, Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана, где первые потоки в переселенческом движении состояли из казаков, военных поселян⁶.

1. ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Первые шаги в переселении русских в Закавказье были сделаны еще до окончательного присоединения Восточной Армении к России. В 1816 г. было принято решение о создании постоянных штаб-квартир в местах

стратегического значения, а при них «образовать роты женатых солдат, которые вели бы, развивали и последовательно улучшали полковое хозяйство»⁷. Власти рассчитывали, несомненно, что этот указ будет способствовать привлечению во вновь присоединенные районы семей солдат, а следовательно, и увеличению русского населения, которое, принося свои хозяйственные навыки на новые места поселения, тем самым будет способствовать более быстрому вовлечению этого региона в экономическую систему Российской империи. Однако реализация этого указа в жизнь не принесла желаемых результатов, поскольку число таких штаб-квартир было незначительно и не могло повлиять на создание большого массива русского населения. К тому же многие военные чины, выйдя в отставку, стремились вернуться на родину⁸.

После присоединения Восточной Армении царские власти вновь обратились к идее создания военных поселений в Закавказье, что явилось частью общей политики царизма по обеспечению безопасности вновь присоединенных областей. Основывая военные поселения в Закавказье, правительство преследовало цель увеличить число русских поселенцев, способствовать развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности края и «положить, наконец, прочное основание к сближению с племенами, до сего нам чуждыми» (указ от 10 октября 1838 г.)⁹.

Военные поселения явились особой формой организации и содержания армии, при которой солдаты должны были сочетать военную службу с крестьянскими работами, т. е. военные поселенцы должны были нести военную службу, содержать себя своим земледельческим трудом, а также добывать нужный для армии фураж.

Военные поселения создавались за счет женатых и отставных солдат, которые обеспечивались всем необходимым для несения военной службы. В течение полутора лет всем поселенцам, включая и детей, выдавали от казны пособие в виде провианта. Кроме обеспечения военных поселенцев продовольствием, ружьями, порохом, свинцом, каждой семье для покупки волов, земледельческих орудий, семян отпускалось единовремен-

но 160 руб.¹⁰ В Закавказье каждому хозяйству военных поселенцев выделяли 15 дес. пахотной земли¹¹. Г. Бунятов приводит следующие сведения об образовании военных поселений в Закавказье: «...из всех женатых рекрутов 89-го набора и женатых солдат в Закавказском крае сформированы были женатые роты при полках. Рекрутские жены стали прибывать на казенный счет в полковые штаб-квартиры. Женатым солдатам давались от казны казенная одежда—серый кафтан с инициалами «В. П.» (военный поселенин), пакет, подсумок, ружье и патроны, причем отводились им огородные и сенокосные места»¹². Так возникли русские поселения в Армении—Джелал-оглы русские (ныне Степанаван), Гергеры русские (с. Пушкино), Новопокровка (с. Куйбышево) и отчасти Привольное. Последнее было основано частично за счет отставных нижних чинов, частично за счет крестьян-переселенцев из центральных губерний России. В начале 1860-х гг. отставные солдаты с семьями поселились также в с. Новоалександровка¹³ (ныне с. Максим Горький). Подтверждение этому находим у А. Д. Ерицова: «Из шести русских казенных селений в Лори Гергеры русские и Джелал-оглы русские расположены при штаб-квартирах и состоят из женатых нижних чинов, число коих благодаря благоприятным условиям местоположения и значительности наделов в последние двенадцать лет более чем удвоилось прибывшими извне новыми служилыми солдатами. Селения Привольное и более позднего происхождения Новоалександровка состоят частью из переселенцев из внутренних губерний, частью же—из отставных нижних чинов, постоянно прибывающих»¹⁴.

Таким образом, большинство русских поселений, расположенных на севере Восточной Армении, были основаны либо полностью военными поселенцами (Джелал-оглы русские, Гергеры русские, Новопокровка), либо отставными нижними чинами и крестьянами православного вероисповедания из внутренних губерний России (Привольное, Новоалександровка).

Первые жители военных поселений были родом из Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Полтавской, Пензенской, Московской и Харьковской губерний¹⁵.

Кроме русских, в военных поселениях Закавказья, в том числе и Восточной Армении, осела часть казаков и государственных крестьян украинского происхождения. Появление их было законодательно оформлено рядом указов, первые из которых относились к началу 1830-х годов¹⁶. Действие их было направлено на увеличение численности военных поселений за счет казаков, однопольцев, отставных казаков и казенных крестьян с Украины. Эти же цели преследовали и указы 1850-х годов о переселении казаков с семьями из Полтавской, Черниговской, Харьковской губерний¹⁷, часть которых была поселена в с. Боржом Горийского уезда Тифлисской губернии, откуда в 1858 г. 26 семей переселились в Восточную Армению, основав с. Николаевка (ныне с. Кирово)¹⁸.

Военные поселения возникали возле штаб-квартир полков. Из описания общего вида военные поселения в Закавказье предстают «прекрасно обстроенными, с густо разросшимися старыми садами, с хорошо вымощенными и содержащимися в порядке улицами. Среди такой штаб-квартиры красуется обыкновенно полковая церковь, близ нее дом командира полка, полковые службы, лазарет, мастерские, школа, клуб, иногда и театр; солдаты помещаются в казармах, выстроенных длинными флигелями, женатые же живут в отдельных домиках»¹⁹. Отставные солдаты с семьями основывали слободки около штаб-квартир²⁰.

В течение всего года военные поселенцы проходили военное обучение. Жизнь поселенцев подчинялась суровому режиму и подвергалась строгой регламентации. Жилища и другие постройки возводились в таких поселениях по единому плану, за чем строго следило начальство²¹. Даже браки заключались по предписанию начальства²². За малейший проступок поселенцы подвергались жестоким наказаниям. Наказание розгами было обычным явлением²³. В отдельных случаях за недостойное поведение лишали звания военных поселенцев и отправляли на службу в линейные батальоны²⁴. Детей военных поселенцев зачисляли в кантонисты с семилетнего возраста. Они, получая от казны провиант и одежду, обучались военным приемам, маршировке. С 18-летнего возраста их переводили в резервные части,

II
Р 549990
а по достижении двадцати лет—на службу в полки Кавказской армии. Сыновья военных поселенцев, рожденные до поступления их отцов на службу, по достижении двадцати лет зачислялись в военные поселенцы²⁵.

Занятия муштрой, несение караулов, выполнение различных строительных работ не оставляли военным поселенцам времени для ведения своих хозяйств, что самым неблагоприятным образом сказывалось на их экономической состоятельности.

Военный поселенец не являлся распорядителем продукта, который он получал со своего надела: половину он обязан был отдавать в «запасный магазин». Крестьянам, переведенным на положение военных поселенцев, запрещалось торговать. Они не могли отлучаться в город по хозяйственным делам и теряли право самостоятельно распоряжаться своим хозяйством. Значительные расходы на военные поселения, которые несло государство, себя не оправдывали. Поэтому после 1848 г. новые военные поселения в Закавказье уже не возникали²⁶. «Многолетний опыт доказал,—писал кавказский наместник князь А. И. Барятинский,—что поселения эти не выполняют цели их учреждения, что некоторые из них по неплодородию земли, первоначально для них отведенной, не могут вовсе оставаться на своем месте и что вообще управление ими лишь отягощает военное ведомство»²⁷.

В 1851 г. военные поселения Восточной Армении—Джелал-оглы, Гергеры, Привольное—были переданы в ведение Министерства государственных имуществ. С переходом в гражданское ведомство военные поселенцы, служившие в войсках, приравнивались в правах к отставным нижним чинам, а остальные поселенцы—к сельским обывателям²⁸.

Таким образом, в результате определенного курса правительственной политики, в основе которого лежали соображения военно-стратегического характера, в первой половине XIX в. на севере Восточной Армении сложился целый ряд русских поселений, многие из которых были основаны как военные. Это обстоятельство, несомненно, сыграло определенную роль в стратегическом укреплении русских войск в новом регионе. Однако в

социально-экономической жизни Восточной Армении значение этих поселений в силу ряда причин было довольно ограниченным.

2. СЕКТАНТСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Для выяснения причин, побудивших крестьян к переселению на далекие окраины Российской империи, необходимо рассмотреть положение крестьянства во внутренних губерниях России в первой половине XIX в., откуда преимущественно шло это переселение.

Кризис крепостной системы в России в первой половине XIX в. прежде всего отразился на крестьянских хозяйствах. С 1820-х годов наблюдается процесс резкого ухудшения экономического состояния хозяйств барщинных крестьян. Уровень крестьянского сельскохозяйственного производства постоянно падал, что выразилось в заметном сокращении наделов (примерно на 1/3) и количества скота. Примерно к 1830-м годам состояние хозяйства крестьянина в целом уже не было способно не только к расширенному, но и простому воспроизводству²⁹. В Тамбовской губернии крестьяне работали на барщине даже в церковные праздники, «крестьянские поля оставались почти необработанными, и крестьяне вынуждены были есть лебеду и ходить по миру»³⁰.

Экономическое притеснение помещиками крестьян вынуждало их покидать родные места. Так, с середины 1830-х годов начались побегι помещичьих крестьян из имения Нарышкина в Камышинском и Балашовском уездах Саратовской губернии на Кавказскую линию с целью записаться в линейные казаки. По словам крестьян, причиной побегов явились высокий оброк (по 60 руб. с души) и тяжесть помещичьих работ³¹.

Положение крепостных крестьян, плативших помещику денежный оброк, было менее тяжелым, но и оно было незавидным: учитывая развитие промыслов и торговли, помещики непрерывно повышали размеры оброчной повинности.

Удельные крестьяне имели большие земельные наделы, чем помещичьи, и состояли на оброке, но здесь также неуклонно происходил процесс частичного обеззе-

меливания мелких производителей, а денежные оброки становились все выше и непосильнее. С конца XVIII в. до введения поземельного оброка в 1830 г. подушный оброк увеличился с 3 руб. в 1796 г. до 10 руб. в 1824 г. Подушная подать в это же время увеличилась с 1 руб. до 3 руб.³²

Указом от 24 января 1830 г. изменялась система податного обложения удельных крестьян: подушный оброк заменялся поземельным сбором. В связи с введением поземельного сбора уменьшилось количество отводимой крестьянам земли, так называемых «коренных участков», и увеличение суммы оброка главным образом за счет «запасных», «излишних» участков земли, отрезанных от крестьянских наделов, которые крестьяне затем вынуждены были брать за дополнительную плату. В связи с введением поземельного сбора происходили массовые волнения удельных крестьян в ряде губерний—в Саратовской, Оренбургской, Вятской и др.³³

Экономическое положение государственных крестьян, которые составляли около половины всех земледельцев России, было относительно менее тяжелым, чем положение помещичьих и удельных: средние душевые наделы у них были несколько выше, а размеры оброка, падавшие на ревизскую душу, значительно ниже, чем в поместьях частных владельцев. Однако здесь также господствовала система феодальной эксплуатации, которая никак не способствовала хозяйственному подъему деревни. Помимо государственной подушной подати и феодального оброка казне, существовали разнообразные натуральные повинности, общественная запашка. Под общественную запашку отводилось земли с каждой ревизской души в многоземельных селениях по 1/16 дес. в каждом поле, а в малоземельных—по 1/32 дес.³⁴ Государственные крестьяне страдали от растущего малоземелья. В конце XVIII—начале XIX вв. в центральной России усилился процесс присвоения и захвата помещиками казенных земель, что резко ухудшило материальное положение государственных крестьян³⁵.

В 1829 г. специальным законом государственные крестьяне Симбирской губернии были переведены в удельное ведомство в обмен на удельных крестьян менее доходных имений, расположенных в других губер-

ниях. Правительство предполагало распространить эту меру на всей территории страны. Перспектива перехода государственных крестьян в удельные взволновала крестьянское население Поволжья. Введение нового порядка взимания денежных сборов, указания строить запасные хлебные магазины, производить посадки картофеля и другие распоряжения казны рассматривались крестьянами как доказательство продажи их в удел частным владельцам. В середине 1830-х годов среди государственных крестьян Поволжья происходили волнения в ожидании возможного перехода их в удельное ведомство.

Незаконные поборы чиновников увеличивали недоимки крестьян. Например, крестьяне с. Нарышкина Чембарского уезда Пензенской губернии неоднократно жаловались губернатору на злоупотребления со стороны волостного головы. В 1830 г. 130 крестьян из 2075 жителей этого селения отказались платить подати и выполнять другие повинности. Чтобы избавиться от рекрутской повинности при очередном рекрутском наборе, эти крестьяне разбежались. В селение были посланы военные силы на усмирение непокорных крестьян³⁶.

Бедность деревни обрекала ее на полное разорение и голод в случае стихийных бедствий. Достаточно было очередного неурожая или массовой эпидемии, чтобы крестьяне были выбиты из хозяйственной колее и оказывались на грани гибели. Летом 1830 г. в губерниях Нижнего и Среднего Поволжья, а затем и в центральных черноземных районах появились признаки холерной эпидемии. Строгие карантинные меры, сопровождавшиеся вымогательствами и произволом представителей власти, часто также являлись поводом для массовых волнений государственных, удельных и помещичьих крестьян.

Не успели крестьяне оправиться от последствий холерной эпидемии, как их постигло новое стихийное бедствие. В 1832 г. в России началась полоса неурожая, охватившая многие уезды. Неурожай и сопутствующий ему голод сильнее всего поразили Тамбовскую губернию. «Государственные крестьяне во многих местах не только проели свои семенные запасы, не только потеряли живой инвентарь, но сплошь и рядом должны были

ликвидировать свое хозяйство и, заколачивая родные избы, отправляться на поиски первого попавшегося заработка»³⁷.

Увеличение податного оклада в результате реформы П. Киселева, неурожай 1839—1841 гг. довели крестьян до отчаяния. В различных губерниях происходили волнения в связи с неурожаем. На Тамбовщине возникла серьезная опасность волнений среди государственных крестьян в Моршанском, Усманском, Кирсановском и Борисоглебском уездах.

Тяжелое экономическое положение и социальное бесправие крестьян в 1830—1840-е годы вызывали переселения, а также массовые побег крестьян на окраины Российской империи, против которых правительство принимало различные меры³⁸.

Причинами переселенческого движения крестьян являлись не только малоземелье и усиление феодальной эксплуатации, но и религиозные гонения, которым подвергались крестьяне-сектанты как со стороны официальной церкви, так и государства. В ряде губерний различные сектанты, особенно молокане, составляли значительный процент крестьян. «Распространение молокан в первой половине XIX в. были огромно,—писал В. Д. Бонч-Бруевич.—Они не только заселили Ставропольскую губернию, не только жили в Крыму, но также жили целыми поселениями в Тамбовской, Воронежской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерниях, переселялись в большом количестве в Сибирь, Закавказье, Среднюю Азию...»³⁹. Правительство и церковь вели активную борьбу с инакомыслящими, и в первой половине XIX в. было издано множество тайных постановлений о преследовании сектантов⁴⁰. Во время правления Николая I молокане были причислены к разряду «особенно вредных сект». Молоканам запрещалось нанимать за себя в рекруты других лиц, а поступающих на военную службу сектантов рекомендовалось отправлять в Закавказский корпус, «дабы прекратить им способы обнаруживать вредные их правила»⁴¹. Собираться на молитвенные собрания и совершать свои обряды при бракосочетании, крещении, похоронах молоканам было запрещено⁴². Сектантам не разрешалось занимать об-

щественные должности, если в обществе имелись православные лица⁴³. Избирать молокан в почетные граждане также запрещалось⁴⁴. Молоканам крестьянского сословия было запрещено переходить в городское⁴⁵.

Николай I пытался раздавить молоканство экономическими санкциями. Сектанты не могли наниматься на работу к православным и нанимать православных работников для своих хозяйств⁴⁶. Сильный удар по хозяйству молокан нанес указ, по которому им не разрешалось выдавать паспорта и отлучаться от мест прописки⁴⁷. Это постановление фактически лишало зажиточных молокан возможности заниматься торговлей. Ущемил он и молоканскую бедноту, прирабатывавшую батрачеством. Указ от 22 мая 1836 г. запрещал молоканам также покупать земли далее 30 верст от места их жительства⁴⁸.

Особенно ожесточилось отношение к сектантам в Саратовской, Воронежской и Тамбовской губерниях, так как в этих губерниях было много удельных земель. В 1835 г. Николай I приказал переписать всех руководителей молоканства в Тамбовской губернии для того, чтобы сослать их в Закавказье под строгий надзор полиции. Если обратившиеся в молоканство не сообщали о проповедниках—«совратителях», то из их числа следовало отправлять по 10 человек из губернии в крепостные арестанты⁴⁹. Но никакими репрессиями царизм не мог положить конец ширившемуся сектантскому движению, которое нередко выражало антифеодалные настроения в дореформенной деревне.

Действие вышеуказанных законов особенно сильно сказывалось в центральных районах страны и несколько ослаблялось на окраинах Российской империи, куда и начали устремляться молокане.

Начало законодательно оформленному переселению русских сектантов на территорию Закавказья положило постановление правительства от 20 октября 1830 г., которое прекращало водворение духоборов и молокан в Новороссийском крае вследствие усилившегося там малоземелья и разрешало поселение лишь в Закавказье⁵⁰. Переселению подлежали «раскольники»⁵¹, уличенные в распространении своей веры. Их следовало отдавать в солдаты, обращая на службу в Закавказ-

ский корпус, а «при неспособности к оной, равно как и женщины, отсылать для водворения в закавказские провинции». Постановление открывало путь и для добровольного переселения: «Раскольников... из людей казенного ведомства, просящих о переселении к их единомышленникам, водворять впредь в закавказских только провинциях»⁵².

Вопрос о размещении переселенцев находился в ведении главноуправляющего Закавказским краем, при этом учитывалась необходимость пресечь распространение сектантства. Указ от 13 декабря 1832 г. предписывал селить сектантов в разных местах и в небольшом количестве, «не составляя из них... особой области, дабы они со временем не могли стать вредными»⁵³. Семьям ссыльных переселенцев должно было выдаваться пособие на строительство домов в размере 100 руб. в малолесных районах и 50 руб. в лесных. Сектантам без семей выдавалась лишь половина этой суммы. Прибывавшие в Закавказье по собственному желанию для соединения со своими единоверцами должны были сами заботиться о средствах к жизни⁵⁴.

Первоначальным местом поселения русских сектантов в Закавказье явилась Карабахская провинция, куда ссылались духоборы с Дона и молокане из Тамбовской губернии. С 1833 г. последовало разрешение министра внутренних дел о поселении русских в другие районы Закавказья⁵⁵. Первое сектантское поселение Закавказья (село Базарчай) было основано в 1832—1833 г. на территории Восточной Армении, в Нахичеванском уезде⁵⁶.

В 1830-е годы появились законы, облегчавшие положение сектантов в новом районе. Они были даны переселенцам по просьбе закавказской администрации, по мнению которой прежние указы, носившие ограничительный характер, препятствовали вовлечению сектантов в экономическую жизнь региона. Указ от 27 мая 1835 г. разрешал закавказским молоканам, принадлежавшим к крестьянскому сословию, переходить в городское, правда, число городов было ограничено: Нуха, Шемаха, Куба, Шуша, Ленкорань, Ордубад, Нахичевань⁵⁷. В 1836 г. было разрешено выдавать сектантам паспорта или билеты для ухсда на заработки⁵⁸. В 1837 г. был сделан еще один шаг к увеличению русских в За-

кавказье—были разрешены переселения субботникам Кавказской области⁵⁹. Увеличению русского населения нового края способствовал и закон 1838 г., позволявший сектантам свободно собираться и совершать свои обряды⁶⁰.

Таким образом, по отношению к сектантам правительство проводило двойственную политику. С одной стороны, ссылая наиболее активных сектантов и разрешая им переселение на окраины Российской империи, царизм и церковь стремились изолировать их от православного населения внутренних губерний России и таким образом пресечь их влияние, с другой—пытаясь привлечь русских в новый край, где они должны были являться опорой в проведении царской политики, правительство создавало им привилегированные условия.

Введение законов, облегчавших положение сектантов в Закавказье, вызвало широкое добровольное переселение молокан в край, и такая мера, как ссылка, вскоре потеряла свое воздействие. Напротив, новые группы молокан стремились в Закавказье, где уже обосновались их единоверцы: «Они стремились туда, делали даже такого рода преступления, за которые назначена ссылка в Кавказский край, как, например, запрещенные сборища на моления, упорство в прекращении их и прочее»⁶¹.

Вера крестьян в существование «Нового Иерусалима» явилась причиной того, что молокане в 30—40-е годы снимались с мест и самовольно уходили в Закавказье, где им должна быть дарована воля. «Огромными обозами,—пишет очевидец,—потянулись они из разных губерний на Кавказ; ...молокане шли в новую землю с торжеством и веселием; нередко под открытым небом или во время самого шествия они громогласно пели псалмы и разные духовные песни»⁶². По пути следования в новые края толпы сектантов оказывали немалое влияние не только на своих единоверцев, но и на православных крестьян.

На новое место поселения крестьяне отправлялись, имея увольнительное свидетельство от общины, разрешение местных властей на переселение и согласие начальства Закавказского края. Переселение разоряло крестьян. Иногда, не получив еще разрешения на пере-

езд, сектанты начинали продавать дома, имущество. Так, в 1832 г. Оренбургская казенная палата разрешила 200 крестьянам Бузулукского и Бугурусланского уездов следовать в Закавказье, но переселение было приостановлено из-за неурожая в Закавказье. «...Молокане во время продолжавшейся переписки в отношении их переселения и в ожидании скорого разрешения распродали свои дома, скот, запасной хлеб и прочее имущество и не занимались прошедшим летом хлебопашеством. Живут уже многие на квартирах и на бивуаках, а иные и в приготовленных ими повозках»⁶³.

Переселенцы шли до мест назначения в течение нескольких месяцев. В путь брали только самое необходимое, укладывали на подводы, усаживали детей, а взрослые большую часть пути проходили пешком. Шли обычно большими партиями. До сих пор в памяти стариков живы слова их дедов, как «на одной лошаденке две-три семьи тащились». В отдельных случаях крестьяне оставались на зимовку по пути следования, не дойдя до места назначения. Например, переселенцы из Оренбуржья (170 чел.) пробыли на зимовке в Саратовской губернии с ноября 1833 г. по начало мая 1834 г. «по случаю холодного времени и неурожая местности, через которые они должны проходить... затрудняясь далее следовать с семействами своими, в коих малолетние их дети...»⁶⁴.

Трудности в пути приводили к тому, что в Закавказье переселенцы прибывали совершенно разоренными. «Толпы их добираются обыкновенно до Тифлиса в самом жалком виде. Голодные, оборванные, истощив в пути скудные сбережения, они не имеют средств ни прокормить себя, ни идти дальше. С величайшими усилиями удается только снарядить таких переселенцев на отведенные им места, как начинаются еще большие для них там бедствия от непривычного климата, отсутствия жилья на зиму, неимения средств для продовольствия, ни для обзаведения необходимейшими предметами хозяйства»⁶⁵. Это высказывание о положении русских переселенцев на Кавказе в 1880-х годах сделано кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым спустя примерно 50 лет после появления первых русских в Закавказье. Не трудно

представить, насколько тяжело приходилось первым русским переселенцам в Закавказье.

Переселенцы освобождались от взноса денег на обмундирование, жалование и провиант для выставляемых ими рекрутов. Эти деньги должны были вносить общины, в которых молокане числились до водворения в Закавказье⁶⁶.

Маршрут переселенцев проходил через Ставрополь в города Тифлис и Шемаху (в последний преимущественно доставлялись под конвоем ссыльные сектанты). После проверочных процедур в Тифлисе или Шемахе переселенцы отправлялись на временное квартирование к русским, обосновавшимся здесь ранее «сообразно хозяйственному устройству и запасам продовольствия для людей и скота у оседлых поселян уже имеющихся»⁶⁷. Первые один-два года им разрешалось жить там и отходить на заработки в пределах Закавказья⁶⁸. Как правило, крестьяне наделялись землей лишь через несколько лет после прибытия в Восточную Армению. Такое положение еще больше усугубляло тяжелое положение переселенцев, уже перенесших все тяготы дорожной жизни.

Чтобы упорядочить и придать более организованный характер переселениям, были выработаны новые правила о переселении сектантов из внутренних губерний России в Закавказье, оформленные указом от 14 декабря 1842 г.⁶⁹ Разрешение на переселение получали семьи, если за ними не числились недоимки по уплате различных повинностей, а в составе семей не было молодых людей 20 и 21 года, состоящих на первых двух рекрутских очередях, и лиц православного вероисповедания. Для сектантов, переселяющихся добровольно в Закавказский край, создавались льготные условия. На новом месте поселения им выдавались денежная ссуда, земледельческие орудия, рабочий скот и др. Были определены земельные нормы: наряду с подушным наделом земли (от 5 до 15 дес. удобной земли на душу) разрешался отвод семейных участков—от 30 до 60 дес. на семью. Для переселенцев устанавливалась льгота от платежа податей и повинностей.

Списки сектантов, получивших разрешение на переезд, необходимо было представлять в Тифлис в конце

предшествующего года, т. е. за 4 месяца до наступления удобного времени к отправлению переселенцев из мест прежнего жительства⁷⁰. Закавказская администрация определяла маршрут следования группы и выделяла места поселения, о чем сообщала в палаты государственных имуществ тех губерний, откуда выселялись сектанты. Ходоки от переселявшихся на место нового жительства не высылались «по отдаленности Закавказья и трудности пути».

Немалое место в данной инструкции занимали меры, направленные на ограничение религиозной активности сектантов на новом месте поселения: «а) ссылаемых в Закавказский край раскольников по суду... поселять в местах, представляемых менее физических богатств и удобств к жизни, б) иметь их под строгим надзором, и в) при образовании обществ из раскольников стараться составлять оные из последователей различных сект, в существе правил между собою несходных, например: с молоканами водворять скопцов, с раскольниками, известными под именем поповщины и беспоповщины, за преступления по делам веры сосланными, заблуждения коих заключаются преимущественно в приверженности к обрядам и наружным предметам верования, селить духоборцев, отвергающих всякие обряды»⁷¹.

Большинство русских поселений Восточной Армии располагалось в северных уездах. Возникновение их именно здесь было обусловлено рядом причин, одна из которых заключалась в том, что эти земли почти полностью принадлежали казне. Вопрос о возможности размещения русских переселенцев на помещичьих землях неоднократно обсуждался в высших правительственных кругах. Подобные предложения, выдвигаемые закавказской администрацией, вызывали резкое возражение министра внутренних дел П. Д. Киселева⁷². Но недостаток казенных земель вынуждал склониться к такому решению, при этом власти обращали внимание на то, чтобы «права переселенцев были ограждены, платеж казенных податей и повинностей обеспечен и определены обязанности их к владельцам»⁷³. Лишь указ 28 мая 1858 г. разрешил водворять на владельческих землях крестьян любого вероисповедания⁷⁴, хотя уже в

1840-е годы были основаны русские поселения на помещичьих землях с согласия их владельцев в отдельных районах Закавказья. На территории Восточной Армении на частных землях кн. Орбеллиани в 1847 г. было образовано с. Воронцовка⁷⁵. Остальные русские поселения Восточной Армении располагались на казенных землях.

На территории Восточной Армении в 1840-е годы сектантами были основаны следующие русские поселения: Никитино (Фиолетово), Воскресенка, (Лермонтово), Константиновка (Цахкадзор), Нижние Ахты (Раздан), Еленовка (Севан), Александровка (Чкаловка)⁷⁶, Воронцовка (Калинино), Семеновка, Головино, Новый Дилижан и Михайловка (Красносельск)⁷⁷. К середине XIX в. численность русских переселенцев значительно выросла, что было характерно и для всего Закавказья в целом. Перечисленные селения составили основу русского населения Восточной Армении, появление которого в определенной мере способствовало оживлению экономической жизни внутри региона. В 1845 г. Кавказский комитет отмечал, что «... с тех пор как начали селиться в крае русские крестьяне, открылась в этом крае, хотя не в большом виде, промышленность, с которою не были там знакомы: явились извозчики, занимающиеся перевозкою ручной кладки, плитки, каменщики и другие мастеровые; устранилось затруднение в приискании на станции ямщиков и т. п.»⁷⁸, и в течение 40—50-х годов прошлого века вновь издаются законы, направленные на привлечение сектантов в Закавказье и усиление их роли в экономической жизни края. В 1847 г. было разрешено переселение семьям, в составе которых находились и сектанты, и лица православного исповедания⁷⁹. В том же году духоборам и молоканам Закавказского края было предоставлено право наниматься в работники к местному населению и иметь у себя в работниках коренных жителей⁸⁰.

Указом от 9 декабря 1848 г. крестьянам-сектантам, добровольно переселявшимся в Закавказье, предоставлялась восьмилетняя льгота от платежа податей со времени окончательного причисления их к месту жительства⁸¹. В 1852 г. было разрешено приписываться ко всем

городам Закавказья, кроме Тифлиса, не только переселяющимся добровольно, но и ссыльным сектантам⁸².

Увеличение русского населения Закавказья, в том числе Восточной Армении, значение, которое правительство придавало его переселению на окраины Российской империи, обусловили создание в 1847 г. Комиссии по устройству поселений в Закавказском крае, находившейся в ведомстве Тифлисской палаты государственных имуществ⁸³. Главная задача комиссии состояла

в устройстве русских поселений и обеспечении переселенцев удобными землями. Председатель комиссии, статс-советник А. Фадеев, так обосновывал необходимость создания русских поселений: «Русские переселенцы в Закавказском крае особенно полезны тем, что вносят в оный пример благоустройства селений, способствующий почтовому и торговому сообщению; заводят новые роды посевов, кои досель в здешнем крае вовсе не были известны, как, например, гречихи, ржи, картофеля и прочее, размножают мукомольные мельницы... имеют между собою много ремесленников...»⁸⁴.

Заслуживает внимания один из пунктов Инструкции комиссии, содержавший предложения о размещении сектантов в армянских селах⁸⁵. Подчеркивалось, что при совместных поселениях русских и армян «армяне могут постепенно перенимать от переселенцев лучший образ хозяйства, построение домов, ознакомиться с русским языком»⁸⁶. В Александропольском уезде 26 армянских селений согласились на подселение 165 семей русских переселенцев⁸⁷. В Шушинском уезде 18 армянских обществ дали согласие принять к себе русских, причем основная причина заключалась в следующем: «на общество больше всего подействовало убеждение в том, что русские поселяне, зная хорошо порядок огораживания натуральных повинностей, научат их такому же порядку и укажут, какие повинности они должны отбывать и какие требуются с них неправильно»⁸⁸.

Сразу отметим, что в действительности смешанные поселения русских и армян не получили широкого распространения, и причин этого можно указать несколько. Одной из них, на наш взгляд, являлось то, что вопрос земельного обеспечения в этом случае стоял особенно остро. Обеспечить каждую русскую семью земельным наделом в 30 дес. было сложно, так как земли, находившиеся вблизи селений, использовались местными жителями под пашни, сенокосы и пастбища. С другой стороны, сами русские переселенцы-сектанты, оказавшись в новом крае, естественно старались селиться вместе для организации своей общественной и культурной жизни.

Чиновники комиссии собирали сведения о подходящих местах для поселения русских, учитывая как стра-

тегическое значение, так и экономические выгоды от расположения селения в том или ином месте. «Русские поселения Еленовка и Константиновка полезны тем, что первая оживляет почтовый тракт и содействует умножению рыболовной промышленности на Гокчинском озере, а жители второй содействуют снабжению жизненными потребностями чиновников, в летнее время в Дарачичаге живущих... Селение Семеновка... может быть особенно полезно тем, чтобы в зимнее время способствовать свободному проезду по тому ущелью, бывшему в прежнее время весьма затруднительным к проезду во время больших снегов и метели»⁸⁹. При этом обращалось внимание на обеспеченность земель и водой, близость лесных угодий, а также климатические условия. И это было не случайно. В 1830-е годы непривычный климат Ленкоранского уезда Шемахинской губернии вызвал высокую смертность среди русских, что послужило причиной переселения их в Грузию и Восточную Армению. Стихийные переселения создавали большие неудобства для местных властей. Многие русские семьи, самовольно переселившиеся из Шемахинской губернии, долгое время жили неприписанными к новым местам, не платя налоги и подати. При выборе мест для русских селений в районе оз. Гокча подчеркивалось, что «все эти места имеют климат здоровый, землю весьма плодородную, лес находится в недалеком расстоянии, воды изобильно»⁹⁰.

В Восточной Армении при наделении земель русских переселенцев царское правительство руководствовалось сложившимися в центральной России поземельными отношениями. В. И. Ленин писал по этому поводу: «... Господство крепостников-помещиков наложило свою печать в течение веков на все землевладение страны, и на крестьянские надельные земли, и на землевладение переселенцев на сравнительно свободных окраинах: вся переселенческая политика самодержавия насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего страшную путаницу в новые земельные отношения, заражавшего ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию»⁹¹. В основе политики царизма при наделении

переселенцев землей лежал взгляд на них «не как на ссыльных, но как на первых пионеров будущей широкой колонизации края»⁹².

Русские крестьяне пользовались земельными наделами, размеры которых значительно превосходили наделы местных крестьян. По первоначальным замыслам размер надела на русскую семью должен был составлять 30 дес. Практически на «дым» выделяли 25—30 дес. земли⁹³.

Правительство старалось селить крестьян на свободные земли, но этих земель, как правило, не хватало, поэтому приходилось теснить коренных жителей, которых либо переселяли на другие места, либо уменьшали их земельные наделы. При этом делались указания «дать им льготу и даже принять издержки на перенос их саклей на казенный счет»⁹⁴, но в действительности чиновники не учитывали интересы местного населения. В проекте заселения Новобаязетского и Александропольского уездов указывалось: «Если бы во вновь приобретенных краях и в каждой колонии оказывались перед недовольством и протестами местного населения, то не только в других странах, но и у нас в России оставались бы до сих пор пустошь и огромные земельные пространства, ныне заселенные трудолюбивыми и производящими земледельцами»⁹⁵.

В 1857 г. наместник на Кавказе кн. А. Барятинский, одобрявший появление русских в крае, отмечал: «...средства к наделению их казенными землями становятся весьма затруднительными. Свободных к новому заселению казенных земель весьма немного... Справедливость требует наделять ими землями преимущественно крестьян... (местных.—И. Д.), из коих значительная часть имеет в том крайний недостаток»⁹⁶.

Часто землеустройство переселенцев производилось за счет земель, насильственно отобранных у коренного населения под видом «лишних». В действительности же эти земли в горных и предгорных районах использовались местными жителями под пашни и выгоны. Однако правительство не считалось с этим и, как правило, отбирало у местных крестьян наиболее удобные земли. Для обеспечения землей крестьян Еленовки было отре-

зано 1300 дес. земли от армянских деревень Ордаклю, Чирчир и Ахта: «эти 1300 дес. нужно прибавить с той стороны, с которой удобнее для молочан пользоваться ею, и ту, которая наиболее нужна»⁹⁷. Испытывая нужду в земле, отдельные армянские селения вынуждены были арендовать новые угодья либо у русских переселенцев, либо у казны.

В конце 1849 г. Комиссия по устройству поселений в Кавказском крае была ликвидирована в связи с созданием Экспедиции государственных имуществ, а функции ее были переданы губернским и уездным органам государственных имуществ⁹⁸. В марте 1850 г. при эриванском военном губернаторе был назначен временный чиновник особых поручений по части русских поселений, занимавшийся расселением переселенцев на выделенных для них местах, осуществлявший контроль за ведением хозяйства и выполнением всех административных предписаний. Кроме того, временный чиновник особых поручений был «обязан соблюдать строго, чтобы между поселенцами не была распространяемо новых сект более вредных ересей...»⁹⁹.

В 1851 г. временным чиновником особых поручений Дорошенко была проведена проверка русских поселян, проживавших в Эриванской губернии, с целью уточнения числа податного населения, точнее, числа податных дворов, так как тогда единицей обложения служило хозяйство семьи в целом. К этому времени на территории Восточной Армении находилось 16 русских селений (см. табл. 1), в 10 из которых насчитывалось 3488 чел., а число семей—524. Четыре селения—Гергеры русские, Привольное, Джелал-оглы русские, Новопокровка возникли на месте военных поселений, а остальные были основаны сектантами¹⁰⁰.

В 1851 г. в Эриванской губернии в семи русских селениях, о которых мы имеем данные, проживало 424 семьи общей численностью 2520 чел. Следует учесть, что в список вошло только постоянное, а не все наличное русское население. В список не внесена также часть беглых крепостных и лиц, самовольно прибывших из внутренних губерний и опасавшихся принудительного возвращения назад. По данным ведомости о «раскольниках» к началу 1853 г. в Эриванской губернии прожи-

Таблица 1

Численность русского населения некоторых уездов Восточной
Армении на 1851 г.¹

Селения	Кол-во семей	Население		
		мужск. пол	женск. пол	Всего
Борчалинский уезд Тифлис- ской губернии				
Воронцовка	143	340	374	714
Привольное ² (данные на 1857 г.)	91	266	297	563
Джелал-оглы русские ²		сведений нет		
Гергеры русские ²				
Новонокровка ²				
Александропольский уезд Эриванской губернии				
Никитино	57	195	194	389
Воскресенка	63	242	242	484
Новобаязетский уезд Эри- ванской губернии				
Еленовка	108	281	269	550
Константиновка	18	61	70	131
Нижние Ахты	11	31	30	61
Семеновка	22	96	95	191
Сухой фонтан		сведений нет		
Александровка				
Казахский уезд Елизавет- польской губернии				
Головино	16	66	45	111
Новый Дилижан	13	48	56	104
Михайловка	73	396	357	753

вало 3137 чел. (молокане—2976 чел., субботники—161 чел.)¹⁰¹. Архивные материалы коррелируются данными Кавказского календаря, по которому в 1853 г. численность русского населения Эриванской губернии достигла 3164 чел.¹⁰²

Кроме статистических сведений, данные проверки содержат богатый фактический материал о социальном составе переселенцев, местах выхода русских крестьян. В нашем распоряжении имеются точные указания о

¹ Таблица составлена на основе данных ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 378, л. 21—24; д. 368, л. 2—4; ЦГИА ГССР, ф. 239, оп. 1, д. 39, л. 90 об; ф. 240, оп. 2, д. 148, л. 12—13 об.

² Военные поселения.

социальном составе 299 семей, проживавших в 1851 г. в селениях Никитино, Воскресенка, Воронцовка, Еленовка, Константиновка и Нижняя Ахта. Из них государственные крестьяне составляли 234 семейства (78,3%), однодворцы—13 семейств (4,3%), экономические—8 (2,7%), пахотные, ясачные, из ямщиков—3 (1,0%), удельные—6 (2,0%), вольноотпущенные—10 (3,4%), городские жители и мещане—25 семейств (8,3%)¹⁰³. Таким образом, социальный состав русских переселенцев Эриванской губернии был пестрым, различные категории государственных крестьян составляли подавляющее большинство.

Материалы переписи крестьян вышеперечисленных селений наглядно свидетельствуют, что в 40-е годы прошлого века переселение шло преимущественно из Тамбовской (160 семей), Оренбургской (80 семей), Саратовской (19 семей) губерний. Были переселенцы и из Воронежской, Пензенской, Рязанской, Владимирской губерний¹⁰⁴. Переселялись также из крепости Анапа и из Бессарабии¹⁰⁵. Однако начало массовому крестьянскому «исходу» в Закавказье положили сектанты Бузулукского и Бугурусланского уездов Оренбургской губернии в 1831—1832 гг., которые первоначально поселились в с. Топча Ленкоранского уезда Шемахинской губернии, а затем в 1847 г. переселились в Александропольский уезд Эриванской губернии, основав с. Воронцовка¹⁰⁶. В 1851 г. из 143 хозяйств этого селения 79 были родом из указанных уездов Оренбургской губернии¹⁰⁷. Обращает на себя внимание, что послевоенные экспедиционные материалы содержат немало указаний на Саратовскую, Тамбовскую, Воронежскую губернии как места выхода сектантов, проживавших на территории Восточной Армении, но нет ни одного упоминания об Оренбургской губернии. В частности, по собранным нами данным непосредственно в пос. Калинино местные жители считают себя выходцами из Саратовской и Тамбовской губерний¹⁰⁸. Чем это обусловлено? Досконально выяснить этот вопрос, очевидно, можно на основании изучения Саратовского и Оренбургского губернских архивов, которое нами пока не проводилось. В настоящее время можно только предположить, что крестьяне, числившиеся в документах как жители Оренбургской губер-

нии, попали туда из Саратовской губернии незадолго до переселения в Закавказье и потому продолжали считать себя уроженцами Саратовской губернии¹⁰⁹. Возможно, этому способствовало и соседство на новом месте жительства с саратовскими молоканами. Кроме переселенцев из Оренбургской губернии, в Воронцовке проживали выходцы из Тамбовской, Саратовской и Владимирской губерний¹¹⁰.

Село Новый Дилижан Казахского уезда Енисейской губернии основали в 1844 г. переселенцы из Тамбовской губернии, а с. Михайловка того же уезда в 1847 г.—жители Аткарского и Балашовского уездов Саратовской губернии¹¹¹. В селения Еленовка, Константиновка многие поселяне прибыли из крепости Анапа, куда они попали в 1832—1834 гг. из южных губерний—Тамбовской, Саратовской и Пензенской¹¹². Говоря о происхождении населения с. Константиновка, Н. А. Дингельштедт отмечает: «Константиновцы были все без исключения коренные российские люди. Они произошли, как и все закавказские сектанты, из внутренних губерний России, преимущественно из Тамбовской и Саратовской»¹¹³.

Сосланные из с. Алгасово Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1840 г. положили начало с. Никитино¹¹⁴. В ближайшие два года из этого же уезда добровольно переселилась в Восточную Армению 61 семья и основала по соседству с селением Никитино Воскресенку¹¹⁵. Этот факт, несомненно, свидетельствует о существовавшей связи между ссыльными сектантами и их единоверцами, оставшимися на родине.

Диалектологические исследования, проведенные в отдельных русских селах Армянской ССР, также подтверждают литературные, архивные и полевые материалы о местах выхода русских крестьян: говоры переселенцев принадлежат к восточной группе южнорусского наречия¹¹⁶. Таким образом, русское сельское население Восточной Армении сформировалось из выходцев южных и центральных губерний Европейской части России.

Данные проверки 1851 г. дают возможность по шести русским селам выявить причины, в результате которых переселенцы попали в Восточную Армению. На это указывают формулировки, каким образом то

или иное семейство попало в Закавказье: прибыл «добровольно, с разрешения начальства», «по распоряжению начальства», «самовольно, без письменного вида». Как выше отмечалось в 1851 г. в селениях Никигино, Воскресенка, Константиновка, Нижняя Ахта, Еленовка, Воронцовка проживало 424 семьи. О 42 семьях известно, что в 1832—1835 гг. они добровольно прибыли в крепость Анапу из внутренних губерний России, а оттуда переселились в Закавказье, но по собственному желанию или в принудительном порядке—из документов неясно. Из 301 семьи, о которой имеются точные сведения, по разрешению правительства и добровольно прибыли 242 семьи—80,4%, сосланные составляли 56 семей—18,6%, прибывшие самовольно, без разрешения правительства,—3 семьи (1%)¹¹⁷.

К сожалению, по другим сектантским поселениям Восточной Армении подобными данными мы не располагаем, но, на наш взгляд, эта картина была характерна для всех сектантских поселений Восточной Армении. Исходя из этого, вывод Д. И. Исмаил-заде, что основной контингент русских переселенцев Закавказья составляли ссыльные сектанты, нуждается в корректировке, по крайней мере в отношении русских крестьян Восточной Армении¹¹⁸. Мнение А. И. Клибанова, который рассматривает появление русского крестьянства в Закавказье как результат широкого добровольного переселения, представляется нам более верным¹¹⁹. Молокане переселялись из малоземельных губерний на окраины, где они получали «большие возможности действовать в прямых интересах буржуазного хозяйствования. Именно в этой обстановке религиозное сектантство наиболее адекватно выразило свою буржуазную сущность»¹²⁰. Вряд ли можно согласиться с мнением того же автора, что богатым крестьянам не было смысла участвовать в переселении: «они предпочитали расширять свои хозяйства на старых местах за счет прирезки окружавших их земельных участков рядовых молокан, предлагая последним кредит для переселения на окраины, разумеется, на кабальных условиях»¹²¹. Именно зажиточным сектантам, хозяйственной деятельности которых препятствовали всевозможные ограничения социального и экономического характера, необхо-

димы были наиболее благоприятные условия для хозяйствования, хотя, конечно, наряду с ними среди переселенцев были выходцы из бедных и средних слоев крестьянства.

Переселение сектантов из внутренних губерний России в Закавказский край было прекращено в 1853 г. В виде исключения переселение разрешалось лишь для соединения с проживавшими там родственниками¹²². В связи с этим во второй половине XIX в. в Восточной Армении русские поселения возникали за счет внутренних перемещений крестьян. В 1871 г. в Нахичеванский уезд (урочище Биченаг) переселились 32 семьи русских из селений Нижняя Ахта, Константиновка, Сухой Фонтан, основав с. Кармалиновка¹²³. В эти же годы в Эриванском уезде возникло с. Новониколаевка, где поселились как армяне, так и русские¹²⁴. Не случайно, что смешанные поселения стали возникать лишь по прошествии нескольких десятков лет после появления русских в крае, когда произошла определенная адаптация русских к местной этнокультурной среде. Но все же преобладающее большинство русских поселений в Восточной Армении было мононациональным по своему этническому составу.

В общем потоке переселенческого движения необходимо особо выделить движение самовольных переселенцев, в большинстве своем помещичьих крестьян, бежавших от гнета крепостничества. «Совершенно невыносимое положение крестьян таково,—писал В. И. Ленин,—что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света»¹²⁵. В числе причин побегов крестьян указывались следующие: «тяжелая барщина», «притеснения управляющего», «сращивание в молоканство».

Розыск беглых людей в русских селениях Закавказья был затруднен. Русские сектанты скрывали у себя своих единоверцев, записывая их на место умерших членов семьи, приписывая под чужими именами и фамилиями к своим семействам, поскольку именные семейные списки составлялись только при водворении на новое место жительства и таким образом контроля за составом семей, прибывавших в Закавказье, не осуществлялось.

Отношение правительства к подобным беглецам не могло не быть противоречивым. С одной стороны, это были крестьяне, бежавшие от крепостных, рекрутских и иных тягот и повинностей, от гнета официальной церкви, с другой—эти «преступники» принимали активное участие в развитии сельского хозяйства, ремесла, торговли в крае.

В 1858 г. была создана следственная комиссия для выявления беглых—«фальшивопричисленных» людей в Закавказском крае. В рапорте комиссии кавказскому наместнику указывалось: «мнимый сын не знает своего мнимого отца и своей матери, брат не знает брата, они старше летами отца, отец моложе внука, все они бродяги, из разных мест России, каждый из них имеет огромные семейства, имена членов которой лишь только знают наизусть, но в лицо никого не знают. Вот картина молоканских семейств в Тифлисской губернии... С другой стороны, все приписанные под чужими фамилиями молокане ходят на заработки, занимаются извозом, сенокосом, ремеслом и хлебопашеством, вообще народ трудолюбивый и полезный»¹²⁶.

В 1859 г. выявленные комиссией беглые были поселены в с. Новоалександровка Борчалинского уезда Тифлисской губернии¹²⁷. Большинство из них были в прошлом сектантами, обращенными в православную веру.

По отношению к перешедшим в православие правительство проводило определенную политику: власти были заинтересованы, чтобы крестьяне, обратившиеся в православие, оставались в Закавказье, им предоставлялись различные льготы. Но несмотря на это, случаи перехода молокан в православие были редки. Напротив, преобладал обратный процесс—принятие православными молоканства. Подобными лицами было основано в Борчалинском уезде селение Новомихайловка (ныне Михайловка)¹²⁸.

Такова в основных чертах краткая история появления русского сельского населения в различных историко-культурных районах Восточной Армении. Сложившиеся характерные особенности хозяйственного и общественного быта отражают специфику адаптации этнической группы русских к местным природно-климатическим и социально-культурным условиям региона.

ГЛАВА II

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Хозяйственный быт русских переселенцев определило симбиозное земледельческо-скотоводческое хозяйство с достаточно значительным удельным весом ремесленного и домашнего кустарного производства. Но в этой системе доминирующую роль играло земледелие с его различными отраслями, оказавшее существенное влияние на формирование характерных черт образа жизни крестьянства в рассматриваемое время.

1. КУЛЬТУРА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Разнообразие естественно-климатических условий Восточной Армении, размеры земельного обеспечения, традиции, принесенные русскими со своей родины, контакты с коренным населением наложили отпечаток на особенности ведения земледельческого хозяйства. Крестьяне занимались полеводством, огородничеством, садоводством, возделыванием технических культур. Сочетание же этих отраслей в том или ином районе было различным, что определялось как местными экологическими и социокультурными условиями, так и навыками, характерными для центральных и южных губерний Европейской России.

Главным направлением в полеводстве, доминировавшем в земледелии русских крестьян, было выращивание зерновых культур. Среди злаков основное место занимала пшеница.

В большинстве русских селений Восточной Армении основную часть пахотных земель занимали посевы яровой пшеницы. Посевы озимой пшеницы имелись во

многих местах, но удельный вес ее по отношению к другим зерновым культурам был неодинаковым. В Борчалинском уезде посевы озимой пшеницы не занимали значительного места, так как богатые черноземные почвы, климатические условия благоприятствовали выращиванию яровых сортов пшеницы. В отдельных селениях (Новопокровка, Новоалександровка) крестьяне высеивали «мешаницу» — смесь озимой пшеницы с рожью¹. Посев ее позволял получать небольшой, но постоянный урожай зерна с участков земли, состав почв которых был неодинаковым.

По свидетельству С. Заварова, в 1890-е годы в русских поселениях Новобаязетского уезда наблюдалась постепенная замена посевов озимой пшеницы яровой², и как видно из архивных документов, уже в 1910-е годы крестьяне селений Еленовка и Александровка отказались от выращивания озимой пшеницы, вероятно, из-за недостаточного количества осадков осенью, больших колебаний температур, в результате которых озими подвергались вымерзанию³. В селении Семеновка, расположенном на высоте свыше 2000 м, крестьяне из-за сезонного характера также считали нецелесообразным сев озимой пшеницы, в других же селениях Новобаязетского уезда — Константиновка, Нижние Ахты недостаток пахотных земель не позволял культивировать посевы озимой пшеницы⁴.

В русских селениях Нахичеванского, Александропольского и Казахского уездов озимая пшеница сочеталась с яровой, а иногда даже преобладала. В 1890-е годы в с. Надеждино Новобаязетского уезда под озимой пшеницей находилось 50% полевой площади, а под яровой — 33%⁵. В селениях Новый Дилижан и Головино удельный вес озимых преобладал над яровыми сортами пшеницы, и урожай озимых здесь получали высокие — сам-5 — сам-8, что составляло 60—100 пудов с одной десятины⁶. В конце XIX в. в Воронцовке доля яровой пшеницы составляла около 50% от всех сельскохозяйственных культур⁷. В 1910-е гг. в Еленовке под посевами яровой пшеницы находилось 80% пашни⁸.

Привезенный сектантами южнороссийский сорт яровой пшеницы «гирка» в новых почвенно-климатических условиях постепенно перерождался, и крестьяне

вынуждены были обратиться к сортам пшеницы, распространенным у местного населения⁹. Русские переселенцы высевали яровую пшеницу нескольких сортов. Широкое распространение имел сорт «краснянка», «красноколоска» (у армян «кармрахат»), который в Восточной Армении был известен издавна. По вкусовым качествам он превосходил другие сорта пшеницы и ценился на эриванском рынке дороже¹⁰. В конце XIX в. большое распространение получил новый сорт пшеницы—«красная Камчатка» («кундик», или «кармир кундик»), который высевался русскими крестьянами Новобаязетского уезда. Этот сорт отличался высокой урожайностью и стойкостью¹¹. Русские крестьяне высевали также «белую Камчатку» («спитак Камчатка») и «голоколоску» («галгалос»), из Тифлиса выписывали семена гамбургской пшеницы («гамборка», «туклуз»)¹².

К концу XIX в. средний урожай яровой пшеницы русских сектантов Эриванской губернии составлял сам-5—сам-6, в то время как средний урожай по Эриванской губернии был сам-3,7¹³. Высокий урожай у русских поселян объяснялся более совершенными агротехническими приемами при обработке почвы, подготовке зерна к посеву и т. д.

Во многих русских селениях производство пшеницы носило внутренний характер. Но некоторые селения Ширака, Лори, например Нижние Ахты, Воронцовка, Привольное являлись поставщиками хлеба на внутренние рынки России. В 1890-е годы крестьяне Борчалинского уезда вывозили на рынок за пределы уезда, по преимуществу в Тифлис, около 1/3 всего урожая пшеницы¹⁴, и, вероятно, доля русских крестьян в этом была немалая.

Из зерновых культур второе место занимал ячмень. Хотя посевы ячменя имелись почти в каждом крестьянском хозяйстве, удельный вес его в ряду злаков был не столь большой. Наряду с другими факторами это объясняется тем, что русские крестьяне ячмень в пищу употребляли редко, в основном используя его как корм скоту. У русских переселенцев были распространены два сорта ячменя—шестирядный и особенно двухрядный¹⁵.

К началу XX в. у коренного населения Эриванской губернии посевы ячменя значительно увеличились, в связи с ростом спроса на него¹⁶. Однако этот процесс не коснулся хозяйств русских крестьян. Напротив, в отдельных селениях (например, в Воронцовке) происходило уменьшение площадей под ячменем, который уступал место овсу и картофелю как наиболее товарным культурам¹⁷.

Рожь относилась к числу сравнительно малораспространенных зерновых культур среди русского населения Восточной Армении. Интересно, что на родине рожь являлась одной из традиционных зерновых культур, а в условиях Восточной Армении она была заменена пшеницей, хотя климатические условия позволяли всюду культивировать ее. Рожь высевали крестьяне некоторых селений Новобаязетского (Еленовка, Нижние Ахты), Казахского (Михайловка), Нахичеванского (Кармалиновка), Борчалинского уездов. В 1917 г. около 60% хозяйств русских крестьян с. Воронцовка имели посевы ржи площадью от 0,4 до 3 десятин. Урожай ржи составлял сам-5—сам-6¹⁸.

Овес, широко распространенный в Европейской части России, в Восточной Армении высевали почти в каждом крестьянском хозяйстве, но в большинстве селений площади, отводимые под него, были незначительными. «Молокане разводят его скорее как родное, чем незаменимое в их хозяйстве растение. По старой памяти его сеют лишь некоторые зажиточные хозяйства из молокан, все же другие дают в корм лошадям ячмень»¹⁹. Это замечание, сделанное А. Д. Ерицовым по поводу русских Казахского уезда, можно отнести и к другим районам проживания русских в Восточной Армении, за исключением Борчалинского уезда, где высокими урожаями овса славилось с. Воронцовка, являвшееся главным поставщиком овса на рынки Тифлиса²⁰. Овес, культивируемый здесь, выделялся высокой урожайностью, и русские переселенцы других районов Восточной Армении выписывали семена овса из Воронцовки. В Борчалинском уезде урожайность овса колебалась от сам-10 до сам-15²¹.

Гречиху, исконно традиционную культуру русских крестьян, но неизвестную коренным жителям Восточной

Армении, принесли русские переселенцы. В первые годы жизни в новом крае посевы гречихи имелись почти в каждом крестьянском хозяйстве русских и занимали от 1/8 до 1/4 дес.²² Наибольшее распространение гречиха имела в русских селениях Александропольского уезда, где влажный прохладный климат благоприятствовал ее культивации. В 1870 г. в селах Воскресенка и Никитино под гречихой было занято 40 дес. земли. Урожай составил сам-14²³. Постепенно площади, отводимые под гречиху, стали уменьшаться, и к началу XX в. посевы ее в русских селениях почти исчезли, причинами чего являлись как малый спрос на нее, поскольку употреблялась она исключительно русским населением, так и климатические условия («град идет здесь так часто, что русские поселенцы совершенно почти перестали сеять гречку, наиболее страдающую от градобития»²⁴).

В русских селениях Восточной Армении посевы пшбы и проса были незначительны и существенной роли в ряду зерновых культур, возделываемых переселенцами, не играли. Получаемые урожан этих злаков удовлетворяли внутренние потребности каждой крестьянской семьи. Пшба и просо употреблялись в пищу. Кроме этого, просо являлось кормом для птицы.

Таким образом, у русских Восточной Армении основными зерновыми культурами были пшеница и ячмень, все другие виды злаков—рожь, овес, просо, гречиха—высевались в относительно небольших количествах. Они потреблялись в самом хозяйстве и на внутренний рынок поступали в незначительном количестве.

Огородничество занимало немалое место в хозяйстве русских крестьян Восточной Армении. Оно было распространено во всех русских селениях, за исключением с. Семеновка Новобаязетского уезда, где неблагоприятные климатические условия не позволяли «завести около домов своих огороды для разведения овощей»²⁵. Но и в других русских селениях заморозки, ливневые дожди с грозой и градом, особенно в конце весны—начале лета, нередко наносили значительный ущерб сельскому хозяйству. Обычно огороды располагались на «задах»—усадебных землях, расположенных рядом с домом, или в пойме реки, ручья, протекав-

ших около селения. В некоторых селениях огородная земля орошалась искусственно, например в Головинно, Новом Дилижане, Константиновке, для чего проводились канавы, по которым текла вода из родников.

По свидетельству современников, в конце XIX—начале XX вв. огородничество было развито в большей степени в русских селениях, чем в армянских, расположенных по соседству²⁶.

Картофель—главная огородная культура русских крестьян—являлся новшеством для Восточной Армении. Кстати, картофель появился здесь в начале XIX в., и инициатором его возделывания был католикос Ефрем²⁷. Картофель являлся новой культурой и для русских крестьян, которые отказывались его высаживать, чем и были вызваны «картофельные бунты» государственных крестьян Поволжья и Урала в 1841—1844 гг. Первые поселенцы Восточной Армении также неохотно высаживали картофель, что явствует из обзора хозяйственной деятельности военных поселян в 1842 г. Отмечалось, что посадки картофеля были очень незначительны, и указывалось, чтобы посадку его производить «на первый раз хотя бы в огородах, а далее смотря по урожаю и в поле»²⁸.

У русских крестьян Восточной Армении картофель быстро занял прочное положение в ряду возделываемых огородных культур, и широкое распространение его среди армян, несомненно, следует рассматривать как влияние русских переселенцев. «Картофель, хотя и составляет в ряду других хлебов незначительный процент—2,12%, но по проценту сбора—12,42% больше и больше обращает на себя внимание туземного населения. Его сеют преимущественно русские переселенцы, от них переняли армяне, менее других—татары (азербайджанцы.—И. Д.)»,—писал в последней четверти прошлого века о распространении картофеля в Казахском уезде А. Д. Ерицов²⁹.

Русские крестьяне высаживали несколько сортов картофеля, но преобладали «императорский» и «розовый» сорта³⁰. Хотя средний урожай картофеля был невысоким, в среднем около сам-6, но постоянный возрасставший спрос на него на рынках Тифлиса, Эривани, Александрополя, Баку превратил картофель в товарную

культуру. К концу XIX в. производство его резко возросло во всем Закавказье, в частности в Эриванской губернии—в 57 раз³¹.

Русские крестьяне считали выгодным увеличивать посадки картофеля даже за счет уменьшения земель под зерновыми культурами. Климатические условия Александропольского уезда были благоприятны для разведения картофеля, где он быстро занял господствующее положение в ряду сельскохозяйственных культур. В конце XIX в. в Воронцовке пшеница и ячмень уступали место картофелю и овсу. В 1894 г. в Воскресенке на долю картофеля приходилось 55% от общего количества возделываемых растений, в то время как пшеница занимала лишь 11%, ячмень—17%³². Аналогичная картина наблюдалась и в соседнем селении Никитино, где в 1910-е годы 195 дес. пашни распределялись под культурами следующим образом: под картофелем—123 дес., или 63,1%; под пшеницей—35 дес., или 17,9%; под ячменем—20 дес., или 10,2%; под овсом—17 дес., или 8,8%³³. Увеличение урожайности картофеля происходило за счет внесения в почву органических удобрений, которые вывозили на поля и огороды в течение всей зимы.

Продавали картофель наиболее состоятельные крестьяне, так как у беднейших поселян картофель шел главным образом на собственное потребление. В первой четверти XX в. русские зажиточные крестьяне высаживали до 500 пудов картофеля, бедные—не меньше 150 пудов³⁴. Особенно большие площади под картофель отводились в селениях, находившихся вблизи железных дорог, городов. Особым спросом на рынках Тифлиса пользовался каменский картофель из с. Джелал-оглы русские, который продавался дороже³⁵. К началу XX в. у русских крестьян картофель стал одной из главных товарных культур.

Из других огородных культур русские переселенцы выращивали капусту, огурцы, бобы, фасоль, горох, брюкву, морковь, свеклу, репу, редьку, укроп, хрен, лук, чеснок, семена которых крестьяне покупали на местных рынках³⁶. Определенный отпечаток на ассортимент сельскохозяйственных культур наложили религиозные представления русских крестьян-сектантов. Существовав-

ший у молокан запрет употреблять в пищу лук и чеснок вызвал отсутствие их на огородах русских сектантов Восточной Армении³⁷.

В селениях, где имелись возможности для искусственного орошения усадебных земель, товарный характер приобрела капуста, например в селах Никитино, Воскресенка, Новый Дилижан, Головино, Константиновка. «Капуста нас всегда выручала. Урожай соберем, в Севаи поедем, на пшено, ячмень, рожь обменяем»³⁸. Капусту продавали на рынках Дилижана, Караклиса, Тифлиса, Эривани.

Выращивание овощей на продажу имело место в селениях, расположенных вблизи городов и в дачных местах. Крестьяне с. Константиновка снабжали семьи чиновников губернского правления, выезжавших на лето в их селение, расположенное в живописном месте—урочище Дарачичаг (Шахкадзор). Такой же характер носило огородничество в Новом Дилижане, а также ряде других русских поселений, расположенных вблизи Джелал-оглы. По данным С. Бунятова, в конце XIX в. годовой доход от продажи овощей «посредственного» огорода в русских селениях Борчалинского уезда, занимавшихся торговлей овощами нерегулярно, доходил до 20 руб. в год³⁹.

Технические культуры. В горных и предгорных районах климатические условия позволяли переселенцам культивировать лен и коноплю. Первый высевали почти во всех русских поселениях Восточной Армении, за исключением некоторых селений Новобаязетского уезда (Константиновка, Нижняя Ахта, Новониколаевка), где было недостаточно влаги⁴⁰. Большое внимание уделяли разведению льна крестьяне Казахского уезда, которые возделывали лен двух сортов: лен-кудряш и лен-долгунец. Последний сорт был новым для Восточной Армении, где крестьяне возделывали лишь лен-кудряш, отличавшийся большим количеством семян и использовавшийся для получения масла. Как отмечали современники, «только русские сектанты прядут из волокон ткань»⁴¹. В 1860-е годы на сельскохозяйственных выставках в Тифлисе, Лондоне наградами были отмечены сорта льна и конопли и льняное полотно,

представленные крестьянами русских селений Казахского уезда⁴².

В последней четверти XIX в. переселенцы в Казахском уезде отводили под лен, в основном лен-кудряш, большие площади земли, что позволило крестьянам с. Михайловка наладить производство льняного масла на продажу. В селении работало 6 маслобоек⁴³. Однако в большинстве русских поселений посевы льна носили ограниченные размеры и преимущественно обеспечивали потребность крестьянской семьи в холсте.

Посевы конопли также были незначительны. Требовательную к почве культуру обычно высевали на усадебных землях, богато удобренных навозом. Из грубого волокна изготавливали веревки, канаты, мешки. Из семян конопли выдавливали масло, которое шло в пищу, а жмыхи использовали на корм скоту.

Полевые материалы констатируют, что в начале XX в. посевы конопли и особенно льна значительно сократились во всех русских селениях Восточной Армении, а кое-где полностью исчезли, например в Еленовке⁴⁴. Это было связано как с усилившимся малоземельем, так и с развитием товарно-денежных отношений и промышленности, в результате чего дмотканые ткани были вытеснены фабричными.

Русские поселане высаживали подсолнечник в незначительных размерах на огородных землях. Несколько большие посевы имелись в селениях Борчалинского уезда. Сорт подсолнечника, возделываемого переселенцами, по словам крестьян, «грызовый», не позволял получать из него масла. К тому же навыками этого производства русские крестьяне Восточной Армении не обладали, так как добывать масло из семян подсолнечника во внутренних губерниях России начали лишь в середине XIX в., когда переселенцы уже покинули свою родину. Семена подсолнечника использовались как лакомство. Часть урожая шла на продажу в Тифлис, Александрополь, Эривань.

В русских хозяйствах посевы кукурузы были незначительны, что являлось характерным и для армянских крестьян. В основном кукурузу использовали на корм для скота и птицы.

Крестьяне православного вероисповедания Борча-

линского уезда в незначительных размерах, для собственного потребления, выращивали табак местных сортов. Русские сектанты посевы этой культуры не разводили из-за строгого запрета на курение.

Литературные, архивные и полевые сведения о других технических культурах, встречавшихся у русских переселенцев, скудны и носят информативный характер, что, вероятно, вызвано ограниченным распространением этих культур. В Новобаязетском, Борчалинском уездах имелись посевы рыжика. Сурепица встречалась у русских Новобаязетского и Казахского уездов. В Борчалинском уезде культивировали сурепицу, рыжик, кунжут, клецевину⁴⁵. В упоминавшемся выше документе, содержащем обзор по военным поселениям за 1842 г., обращалось внимание на слабое распространение посевов клецвины в хозяйствах военных поселян Закавказья, в том числе и Восточной Армении⁴⁶. Но и к концу XIX в. посевы клецвины в Борчалинском уезде носили единичный характер⁴⁷. Вероятно, возделывание этих культур в русских хозяйствах возникло под влиянием армянских крестьян, для которых посевы этих культур являлись традиционными, хотя и у них они имели ограниченное распространение.

Садоводство. Значение садоводства в хозяйственной жизни переселенцев было небольшим. По сравнению с другими русскими селениями наибольшее развитие садоводство получило в Борчалинском уезде. По сведениям А. Д. Ерицова, в последней четверти XIX в. первые фруктовые деревья—яблони, груши, сливы—появились в русском и армянском селениях Джелал-оглы⁴⁸. Своими вишневыми садами славилось с. Николаевка не только среди близлежащих сел, но и в Тифлисе: «Привольненская капуста, каменский картофель и николаевская вишня,—писал А. М. Аргутинский-Долгоруков,—известны своими отличными качествами не только на месте, но и на тифлисском рынке»⁴⁹. Но общая площадь садов в русских селениях Борчалинского уезда была незначительна. Например, в Воронцовке, насчитывавшей в 1912 г. свыше 500 хозяйств, сады занимали лишь 5 дес., и крестьяне не обеспечивали себя фруктами⁵⁰. Поэтому они покупали их у армян в обмен на картофель или собирали в лесах дикие яблоки и груши.

Из других русских селений садоводством выделялись Новый Дилижан и Головино Казахского уезда, где мягкий климат позволял выращивать яблонь, груши, сливы.

Определенную роль в развитии садоводства в Новобаязетском уезде сыграл плодовой питомник, основанный в 1912 г. близ с. Еленовка, благодаря чему в отдельных селениях этого уезда появились первые посадки плодовых деревьев. Например, в Константиновке выращивали яблонь, груши, малину, смородину. Суровые холодные ветры Севанского бассейна, весенние грозы с выпадением града стали серьезной преградой для развития садоводства в Еленовке, Александровке, Надеждино, и по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Еленовке из 227 хозяйств лишь в одном имелись посадки 12 яблонь и 9 груш⁵¹.

Системы земледелия, практиковавшиеся переселенцами, отличались значительным разнообразием. Русские крестьяне Борчалинского уезда на плодородных почвах широко практиковали трехпольный севооборот, при котором вся надельная земля делилась на три поля: одно поле отводилось под озимые культуры (пшеница или рожь), второе—под яровые культуры (пшеница, ячмень, овес), а третье—находилось под паром—отдыхало⁵². Через год поля чередовались: яровое шло под пар, пар засевался озимыми, озимое поле—яровыми. В большинстве русских селений этого уезда, где земля являлась общинной собственностью, в отличие от Воронцовки и Новомихайловки, трехполье даже в начале XX в. носило принудительный характер, что свидетельствовало о живучести общинных традиций в среде переселенцев. Община решала, какое из трех полей отвести под пар, озимь и ярь, и обязывала всех хозяев следовать принятому решению. «Первое поле всем гуртом сеется под озимь». Принудительный характер трехполья имел определенные преимущества—давал возможность использовать пар в качестве толоки.

Трехпольную систему земледелия практиковали и русские Казахского уезда. Недостаточное количество

земель, низкая урожайность культур приводили к некоторым изменениям в трехполье. Иногда по очереди паровали два поля, а третье распахивалось из года в год. Озимыми засевали отдохнувшие участки. Яровые же высевали на участках, которые никогда не отдыхали⁵³.

Погоней за наибольшей прибылью вызвано появление у русских крестьян Казахского уезда так называемой «вольной» системы, широко распространенной и у армян, при которой крестьяне не придерживались чередования культур. На поле высевались одни и те же культуры, пользовавшиеся в данный момент большим товарным спросом.

В русских селениях Александропольского уезда недостаток удобных для обработки земель обусловил отсуствие пара. В селах Никитино и Воскресенка существовала двупольная система, при которой крестьяне придерживались строгого чередования культур—картофеля, пшеницы или ячменя⁵⁴. Двупольная система в сочетании с залежной практиковалась русскими Новобаязетского уезда. Часть земельного надела являлась залежью, другая делилась на два поля, засеваемых яровыми культурами⁵⁵. Крестьяне чередовали посевы через четыре года. На одном поле культуры высевались в течение четырех лет, второе поле отдыхало, затем первое поле отводилось под пар, а другое засевалось. При истощении почвы крестьяне забрасывали участки на несколько лет и разрабатывали залежь. Комбинированная залежно-паровая система сочетала в себе преимущества переложной и паровой систем. Это было вызвано сокращением площадей пахотных земель, а также недостатками трехполья, заключавшимися в том, что пар только частично восстанавливает плодородие почвы, которая, истощаясь, дает от цикла к циклу все более низкие урожаи, а перелог являлся эффективным средством восстановления структуры почвы.

В с. Новониколаевка Эриванского уезда единой системы полеводства не существовало⁵⁶. На плодородных землях русские крестьяне придерживались двупольной системы, на малоплодородных же существовала многопольная система земледелия: три поля отводились под залежь, а два—под яровые. Культуры чередовались. При такой системе участки находились под паром

более продолжительное время, за счет чего восстанавливались плодородные почвы.

В начале XX в. с развитием капиталистических отношений паровая система земледелия стала серьезной преградой развитию сельского хозяйства. Без регулярного внесения в почву удобрений трехполье приводило к истощению земли. Кроме этого, при двух-трехполье пустовали большие земельные площади. Товарные отношения вызвали переход к интенсивным системам земледелия, что осуществлялось введением в севооборот огородных культур, способствовавших быстрому поднятию плодородия почв. В начале XX в. в хозяйствах русских крестьян Восточной Армении картофель стал полевой культурой, сократились сроки отдыха земли под залежью или паром, появились первые посевы трав. В 1913 г. в сельском обществе Нижние Ахты было отведено под травосеяние 18 дес. земли⁵⁷.

Для повышения урожайности почвы под зерновые и огородные культуры вносили навоз, количество которого было недостаточным: основная часть его использовалась как топливо, земли под зерновыми культурами крестьяне удобряли нерегулярно, главным образом близлежащие поля, расположенные на расстоянии 1—2 верст от селений. На дальние поля удобрения не вывозили. В отдельных случаях, в целях удобрения почвы, нередко выпасали скот на жниве.

Наибольшее внимание крестьяне уделяли повышению урожайности земель под огородами и их ежегодно удобряли накопленной в хлевах навозной жижей. В начале XX в. в качестве удобрения стали использовать золу и другие органические вещества.

Сложные климатические условия, недостаточное количество и неравномерное распределение удобрений, невысокий уровень развития и производительности земледельческой техники неблагоприятно сказывались на темпах развития и масштабах земледельческого хозяйства.

Техника обработки земли. Земледельческие орудия. В условиях Восточной Армении русские переселенцы создали новый календарь сельскохозяйственных работ, приспособив свои традиционные навыки ведения земледелия к природно-климатическим и

экономическим условиям региона. Быстрой адаптации русских способствовало, несомненно, заимствование от армян ряда агротехнических приемов ведения земледелия, выработанных веками в местных природно-хозяйственных условиях.

Задолго до наступления весны в крестьянских хозяйствах начиналась подготовка к полевым работам, от удачного исхода которых зависела жизнь каждой крестьянской семьи: в течение зимы крестьяне вывозили на поля и огороды навоз. в феврале—марте готовили земледельческие орудия—точили лемехи, сошники, подправляли деревянные части орудий.

Разнообразие физико-географических условий региона обусловило различия в календаре сельскохозяйственных работ. Начало пахоты зависело от времени схода снега. Обычно в Борчалинском и Казахском уездах почвы под яровые культуры вспахивали во второй—третьей декаде марта, в русских селах Александропольского уезда—в конце марта—начале апреля, а в Новобаязетском уезде—в начале апреля. В случае поздней весны крестьяне начинали пахоту на одну—две недели позже.

Весной, во время таяния снегов, селевые потоки, устремлявшиеся с горных склонов на поля, засоряли поля камнями, поэтому прежде чем приступить к пахоте, крестьяне очищали участки от камней. Камни складывали аккуратными кучками на поле или выносили на межу.

Пахота. Все работы, связанные с вспашкой, боронованием полей и севом, производили мужчины.

Пахотные орудия русских крестьян не отличались разнообразием. На протяжении XIX—начала XX вв. русские применяли соху—«крючок», известный у армян под названием «арор»⁵⁸. Крючок, требовавший одну пару волов, менее тяжелый, чем плуг, был удобен при вспашке целины и залежей на горных склонах, где угол наклона, каменные почвы затрудняли работу плугом. В отдельных русских селениях Новобаязетского и Александропольского уездов (например, Константиновка, Еленовка, Никитино) крючок широко употребляли в особенности при пахоте огородных земель, размеры которых не всегда позволяли использовать плуг.

Основную рабочую часть крючка составляла деревянная рассоха—«лапа», на передний конец которой надевали железный сошник трепецневидной формы. От сошника лапа утолщалась и деревянным штырем соединялась под острым углом с оглоблей длиной 3—4 м, которая представляла собой массивный изогнутый брус. В месте соединения прикреплялась ручка с рукоятью. Глубина вспашки регулировалась вручную.

Чтобы обеспечить прочность соединения ланы с оглоблей, под определенным углом, необходимым для пахоты, на середине «лапы» устанавливалась стойка и укреплялась клиньями. На расстоянии 30—50 см от конца оглобли делались сквозные отверстия (от 1 до 3), в одно из которых в зависимости от мощности скота укреплялось ярмо для парной воловьей упряжки. Пахали крючком два человека, реже один: погонщик вел быков, пахарь направлял плуг. При вспашке сохой глубина пахоты достигала 10—12 см. Ввиду большой нагрузки составные части сохи, кроме лемеха, делали из твердых пород дерева, чаще дуба.

Широкое применение этого орудия было обусловлено как возможностью ведения пахоты небольшим количеством скота, так и упрощенностью конструкции, позволявшей крестьянам самим изготавливать его в домашних условиях.

На равнинных землях русские крестьяне пахали деревянными однолемешными плугами, которые в конце XIX—начале XX вв. стали заменяться железными⁵⁹. Спереди лемеха находился резец, имеющий вид ножа. При пахоте резец подрезал, а лемех отваливал пласт, подрезая сорняки, в то время как соха только прорезала землю. Глубина вспашки регулировалась особым устройством—«хомутом», расположенным на двухколесном передке, диаметры колес которого были различны. Глубина вспашки достигала 15—20 см, ширина пласта—18—32 см. В деревянный плуг впрягали до 4—6 пар волов или 4—6 лошадей. Волон впрягали при помощи раздвижного деревянного ярма. «Коренными»—первыми ставили прирученных к пахоте животных. Если в хозяйстве не хватало быков или лошадей, то в упряжи объединяли быков и лошадей, в этом случае коренными впрягали быков. Для работы с плугом требовались

«плугатор», опытный крестьянин, направлявший плуг, один-два «погонщика» и «верховых» в зависимости от количества рабочего скота, впрягаемого в плуг.

Во второй половине XIX в. плуги были самодельные: деревянные части их изготавливали сами крестьяне, железные—лемех, резец—местные кузнецы. В конце XIX в. плуги покупали в с. Воронцовка, где находился своеобразный центр производства таких плугов. Но уже к началу XX в. в быт русских крестьян стали проникать плуги фабричного производства фирм «Гено» и «Аксай», которые выписывали из Тифлиса. Эти плуги были легче самодельных и требовали меньше рабочего скота—2—4 пары волов. За один день работы пахарь вспахивал таким плугом одну десятину земли⁶⁰.

Во всех русских селениях землю под посев пахали один раз. В зависимости от рельефа местности русские крестьяне практиковали два приема вспашки: пахота кругами—«вкруг», «загонно», прокладывая первую борозду или по центру поля или по внешней границе поля, двигаясь постепенно к центру, и пахота в одну борозду, когда новую борозду проводили рядом с уже проложенной. Кругом пахали пашни, расположенные на равнинной местности, если же участок располагался на крутом склоне, то пахали плугом в одну борозду сверху вниз.

Боронование. Для рыхления почвы, выравнивания пахоты, очистки ее от сорняков русские переселенцы использовали несколько разновидностей бороны. По воспоминаниям стариков, слышавших от своих родителей и дедов, первопоселенцы употребляли бороны-суковатки, изготовленные из верхушек деревьев, укороченные и заостренные сучья которых служили зубьями⁶¹. Простейшей являлась и плетенка, применявшаяся не только среди русских, но и армянских крестьян под названием «тапан»⁶²: Прутьями дуба и шиповника перевивали несколько длинных жердей; в центре такой плетенки стоял погонщик и направлял лошадь, к построкам которой прикрепляли борону.

Наиболее распространенной являлась рамочная борона. Основу ее составляла деревянная рама из пересекающихся брусьев, к которым вставлялись железные зубья (24—36) под прямым углом. В начале XX в. стали появляться полностью железные бороны, у которых и

рама, и зубья были железными. Стоит отметить, что на родине переселенцев, в южнорусских губерниях, рамочные бороны появились позже, чем у русских крестьян Восточной Армении.

Более тщательное рыхление почвы и очистка ее от сорняков достигались тем, что бороны производились в две и даже в три—четыре бороны, соединенных друг за другом, вдоль и поперек направления пахоты.

Сев. При определении сроков сева сельскохозяйственных культур крестьяне учитывали климатические и почвенные условия своего района. Если поле находилось на сухом месте, то сев начинали раньше, если в ложбине—позже.

Раньше всех сельскохозяйственных культур сеяли овес—в третьей декаде марта—начале апреля, так как для этого растения требовалось много влаги. Крестьяне говорили: «Сеешь в грязь, будешь князь». Сев яровых культур—пшеницы, ячменя—производили в начале апреля, а в селениях Севанского бассейна—в середине апреля, а иногда и в начале мая. Лен, коноплю высевали в конце апреля—начале мая. Гречиху сеяли поздно—в первой декаде мая, так как эта культура бонится заморозков. Сев озимых производился в августе—сентябре.

Сеяли обычно вручную, из мешка—«осевалка» или корзины, которую подвешивали через плечо. Сев производился в тихую погоду, при небольшом же ветре учитывалось его направление. Благоприятным считался сев через один—два дня после дождя.

После сева пашню боронили и выравнивали, чтобы обеспечить высокую всхожесть семян. Для выравнивания употребляли плетенки, «гладилки» и катки⁶³. Гладилка представляла собой доску длиной 2,5—3 м, которую прикрепляли на деревянных брусках, а катки изготавливали из части ствола крупного дерева длиной 2—3 м и прикрепляли к оглоблям спицами, вставленными в боковые срезы ствола.

Русские крестьяне православного вероисповедания с помощью магических действий надеялись обеспечить хороший урожай. Перед пасхой—в благовещение или вербное воскресенье—крестьяне несли в церковь по горсти пшеницы, ржи, ячменя и т. д., чтобы священник

освятил их. Затем освященное зерно крестьяне смешивали с остальными, находившимися в амбаре, надеясь, что зерна приобретут особую чистоту и силу плодородия⁶⁴.

Эта группа русских переселенцев начало сева также сопровождала особым обрядом⁶⁵. В среду на четвертой неделе великого поста—в «средокрестье»—хозяйки выпекали из пресного теста печенье в виде креста («кресты») длиной 15—20 см, в один из которых клали монетку или металлический крестик. Тот член семьи, кому доставался крест с запеченным предметом, считался счастливым и должен был первым начинать сев. Этот «счастливый» крест сохраняли до начала сева. В ряде мест глава семьи втыкал крест в землю на краю участка и, помолившись, приступал к севу. Крест перевозили с одного поля на другое, а после сева работники съедали его за обедом в поле, разделив между собой. В с. Новопокровка наряду с этим существовал и другой обычай. Накануне сева хозяйка выпекала «крест», в один из углов которого клала монету, на пашне работники делили печеное между собой, и тот, кому доставался кусок с монетой, первым начинал сев.

В Николаевке, где, кроме крестов, пекли и «жаворонки»—печенье в форме птицы,—хозяин брал в поле и счастливый крест, и жаворонок, и перед началом сева сеятели съедали обрядовое печенье. В Гергерах «счастливый» крест сеятели съедали в поле, а другой, хранившийся в переднем углу, все члены семьи съедали дома в вербное воскресенье. В Новоалександровке кресты не хранили до сева, а съедали в средокрестье. Этот обряд, главным объектом поклонения которого выступал хлеб, должен был способствовать будущему хорошему урожаю.

Молокане Восточной Армении отмечали начало сева постом. Срок поста устанавливали на молитвенном собрании. По одним сведениям, в эти дни ничего не ели, по другим, после захода солнца разрешалось употребление молочных продуктов: молока, сыра, творога. На молитвенном собрании в первый день поста молились за здоровье сеятелей, будущий благополучный урожай, сохранность скота, во второй день—за существующую

власть, в третий—за умерших и погибших родственников. Молитвы сопровождались пением религиозных стихов соответствующего содержания. На третий день после молитвенного собрания устраивали коллективное обильное угощение⁶⁶.

После сева полевых культур крестьяне приступали к работам на огородах. Иногда, чтобы приучить животных к работе на пашне, крестьяне сначала вспахивали огородные земли, и только после этого приступали к вспашке полей.

Основную часть огородных земель отводили под картофель. Картофель сажали в апреле, а репу, морковь, свеклу, редис, салат, укроп—в конце апреля—начале мая. Огурцы и капусту высевали в рассадник в апреле—начале мая с последующим высаживанием рассады в огород. Рассадник устраивали следующим образом: участок огорода, прогреваемый солнцем, ограждали досками, удобряли навозом, а сверху посевы прикрывали ветками, соломой, чтобы предохранить от заморозков и града. Рассаду высаживали в грунт в конце мая⁶⁷.

Посадка огородных культур являлась женской обязанностью, и примечательно, что при этих работах крестьянки иногда прибегали к некоторым иррациональным действиям, направленным на обеспечение высокого урожая. Традиционные магические приемы русских переселенцев Восточной Армении не отличались особым разнообразием, как у русских других регионов, например, внутренних областей Европейской части России, Сибири и др.

Некоторые обычаи в огородничестве, распространенные во всех русских селениях Восточной Армении, носили практический, целесообразный характер: между грядками овощей, чаще всего капусты, крестьяне высаживали различные цветы (бархатцы, ноготки и др.), резкий запах которых отталкивал вредителей овощных культур.

По сообщениям пожилых информаторов, во время высадки рассады огурцов в грунт крестьяне некоторых селений Борчалинского уезда, например Новопокровки, Привольного, в междурядья бросали старый башмак⁶⁸. Понять смысл этого обычая можно, на наш взгляд, со-

поставив его с бытовавшим в XIX в. у украинцев следующим явлением: на огород волокли ногой старый лапоть (лычак) и бросали на грядку с огурцами со словами: «Як густо сей лычак плевся, щоб так и мои огурці вязались в огудине». Здесь основным является имитативный принцип в сочетании с контактной и словесной магией. У русских переселенцев Восточной Армении, несмотря на то, что произошла утрата отдельных составных частей обряда (забылся заговор, произошла замена предмета), традиционное действие продолжало сохраняться, хотя и в значительно трансформированной форме.

В конце июня—начале июля производили окучивание картсфеля, подбивку кукурузы, подсолнечника, прополку зерновых культур, причем сорняки срезали под корень ножом, чтобы не повредить посевы злаков. В засушливые годы участки земли, засеянные пшеницей и расположенные вблизи дороги, поливали, нередко привозя воду в бочках.

В июле крестьяне скашивали разнотравье с паров и с залежей, при этом учитывали стадию созревания травы: старались скосить «прозелень», пока трава не поспела. Это гарантировало чистоту пашни. Пашни, предназначенные для посева озимых культур, вспахивали один раз плугом, бороновали, и до посева озимых земля отдыхала не меньше одного месяца.

Уборка урожая. В конце июля—начале августа убирали озимые. Жатва яровых хлебов начиналась в августе. Приемы жатвы хлеба были различными и зависели от ряда факторов: в засушливые годы, когда хлеб был малорослым и редким, его дергали руками; если же хлеб был густой и высокий, убирали косой. Косы пришли на смену серпам, которые до конца XIX в. являлись основным орудием уборки урожая. Серп имел круглую форму, зубцы на лезвии были в виде лопаток или игл.

В конце XIX в. хлеб стали убирать косой-литовкой. Косы были длинные, узкие. Их стали предпочитать серпу по нескольким причинам: косой можно было снять урожай в несколько раз быстрее и тем самым избежать потерь зерна. При уборке косой хлеб снимался ближе к корню, а потому получалось больше соломы, которая

шла на корм скоту, на покрытие крыш и т. д. Овес, ячмень, гречиху и полегший хлеб косили косами с грабельками⁶⁹. Косы с грабельками—«гребки»—отмечены повсеместно. Грабельки состояли из 4—5 деревянных зубьев, укрепленных рядом с лезвием. Косой с граблями хлеб снимался лучше, так как он укладывался ровными рядами колосьев в одну сторону. Изменения в орудиях уборки урожая наблюдались и в центральной части России, где в 80-е годы прошлого века стала преобладать косьба хлеба. Серпы и косы делали местные кузнецы, их покупали также у приезжих торговцев, в городах Эривань и Тифлис. Уборка хлебов жатвенными машинами стала распространяться только перед первой мировой войной, хотя в отдельных хозяйствах воронцовских крестьян машины для уборки хлеба применялись уже в последней четверти XIX в.⁷⁰

Уборка сжатого хлеба была различной. В селениях, где крестьяне основное внимание уделяли товарному производству других культур и размеры зернового хозяйства были незначительны, например, в селах Никитино и Воскресенка, скошенный хлеб в снопы не вязали, а собирали в копну—«прикладок», который затем вилами накла́дывали на повозки и везли на ток. Но в большинстве селений зерновые культуры занимали большой удельный вес, и крестьяне убранный хлеб вязали в снопы.

Русские переселенцы, являвшиеся выходцами из южнорусских губерний, сохранили традиционную форму укладки снопов «крестцами». Крестцы состояли большей частью из 13 снопов, иногда из 17. При крестцах применялась горизонтальная кладка снопов. Каждый ряд крестца состоял из 4-х снопов, уложенных колосьями внутрь. Верхний—«голова»—клали плашмя, закрывая колосья нижних снопов⁷¹.

У русских с. Новый Дилижан наряду с крестцами существовал и другой способ кладки снопов—«пинжа»⁷². По воспоминаниям стариков, пинжа представляла собой горизонтальную кладку, при которой снопы укладывали по кругу, колосьями в центр. Одна пинжа состояла из 50—60 снопов. Необходимо отметить, что такая кладка не встречалась ни у коренного населения, ни у русских других сел Восточной Армении. У армян

уборка хлеба, перевозка его были основаны на расчете, единицей которого служил так называемый «пенджек»⁷³. Пенджек равнялся однодневной работе жнеца и состоял из 30 снопов. Можно предположить, что и пинжа—видоизмененное пенджек—является отражением хозяйственных связей русских с местным армянским населением.

С окончанием жатвы хлеб укладывали в «одоньи» («адонки»), которые сверху покрывали соломой, сохой. Одоньи, круглые по форме, различались по размерам и вмещали от 2 до 10—15 возов. Хорошо просушенный хлеб хранился в одоньях до 3—5 лет. Некоторые русские крестьяне прибегали к магическим действиям, которые якобы должны были предохранить хлеб от порчи: под одоньи подкладывали остатки пасхальной пищи—яичную скорлупу, крошки пасхального кулича⁷⁴.

В большинстве районов России из-за обилия осадков, холодного лета была необходима сушка снопов, для чего существовали специальные хозяйственные постройки—хлебосушильни нескольких видов: овин, рига, шиш. У русских переселенцев Восточной Армении хлебосушлен не было, так как в условиях жаркого лета потребность в сушке хлеба в снопах отпадала, вследствие чего были утрачены и специальные термины для обозначения помещений такого назначения⁷⁵.

Молотьба и вяние. Обмолот хлеба русские, как и местные крестьяне, производили на токах, которые имелись в каждом хозяйстве. Ток представлял собой плотно укатанную земляную площадку, как правило, круглой формы, что было характерно и для южнорусских губерний. В русских селах Восточной Армении молотьба производилась обычно осенью и зимой.

В первые годы жизни в новом регионе русские переселенцы использовали при молотьбе цеп, являвшийся наиболее распространенным орудием во внутренних губерниях России. Цеп, ручное орудие, состоял из деревянной ручки и «била», «цапа», соединенных ремнем. При исследовании сельскохозяйственной лексики русских сектантов Борчалинского уезда лингвисту С. Б. Тошьяну не удалось обнаружить терминов, характеризующих технику молотьбы снопов цепами, на основании чего автор сделал вывод, что русские переселенцы ут-

ратили этот способ молотьбы вскоре после переселения⁷⁶, хотя еще в конце XIX—начале XX вв. встречалось единичное использование цепы в некоторых русских селениях. Например, цепами русские Казахского уезда молотили озимый хлеб. В начале XX в. цеп применяли при оббивке льна и конопля, что зафиксировано нами в селениях Привольное и Воскресенка⁷⁷. Но в большинстве русских селений окончательное исчезновение этого орудия молотьбы произошло к началу XX в.

Более высокая производительность местного способа молотьбы и потребность в измельченной соломе заставили переселенцев отказаться от традиционного цепы и заимствовать от армянских крестьян молотильную доску—«кам». Кам (русское название «вялы») представлял собой доску длиной 1,5—2 м, шириной 60—80 см, толщиной 6—7 см. С нижней стороны доски вбивали в несколько рядов десятки кремневых осколков—«ножей». На молотильную доску, запряженную волами или лошадьми, становились 1—2 человека, которые ездили по разложенным снопам до тех пор, пока от колосьев не отделялось зерно, а солома не измельчалась⁷⁸. «Молотьба досками,—писал С. Заваров,—является очень оригинальной особенностью Кавказа, в особенности восточного, не практикуемой ни в России, ни на Западе. Она настолько рациональна, что ее практикуют с первых же годов поселения как русские, так и немцы. Молотьба хлеба путем измельчения соломы вызвана главным образом ... сухостью местного воздуха ... способствующей быстрому измельчению соломы, а также необходимостью при недостатке сена употреблять чуть ли не всю солому в корм скоту. При последнем обстоятельстве измельчение и истолчение соломы является чрезвычайно желательным»⁷⁹.

Кроме молотьбы камом, переселенцы прибегали к обмолоту снопов копытами животных, преимущественно волов, хотя молотьба таким образом не была распространена повсеместно.

Не получила широкого распространения среди русских крестьян и молотьба хлеба рубчатыми катками. Они представляли собой каменные с продольно выбитыми бороздами цилиндры, которые надевали на оси

с оглоблями для упряжи лошади. Чаще всего катками молотили овес и ячмень.

Процесс отделения зерна от соломы состоял из нескольких этапов. Сначала крестьяне очищали зерно от мелко измельченной соломы длинными вилами, называемыми «шанами», или «рашками», с 3—5 деревянными плоскими зубьями длиной до 40 см. Затем веяли зерно на ветру при помощи деревянной лопаты. Для дальнейшей очистки хлеба применяли кожаные решета—«грохота», различавшиеся размерами отверстий. Ячмень очищали грохотами с крупными отверстиями, пшеницу—с мелкими. Очистка зерна грохотами, являвшаяся женским занятием, требовала большого искусства, чем особенно славилась армянские крестьянки. Крупное зерно крестьяне отбирали для посева и хранили отдельно. Зерно, предназначавшееся для употребления в пищу, русские крестьяне хранили в амбарах. Как правило, амбар входил в состав надворных построек. Внутри амбара для хранения зерна делались лари, разделенные на несколько секций. В последней четверти XIX в. многие армянские крестьяне стали строить по примеру русских деревянные амбары. В свою очередь в 1910—1920-е годы в отдельных русских селениях, например, Константиновке, некоторые русские крестьяне хранили зерно в ямах с узким отверстием⁶⁰. Дно и бока ямы обмазывали известковым раствором и обжигали, а затем обкладывали соломой и сухими листьями. Такой архаический способ хранения зерна в ямах бытовал в северо-восточных районах Украины⁶¹, а также издревле был широко распространен среди армянских крестьян. Сейчас трудно определить, были ли эти навыки привнесены с собой или же заимствованы от армян.

Размол небольшого количества зерна производился на ручных жерновах, представлявших два каменных диска. Основную же массу зерна и русские, и армянские крестьяне мололи на водяных мельницах. Мельницы работали за счет энергии горных рек и ручьев. Поскольку вода в горных речках часто не замерзала в течение зимы, работа на мельницах не прекращалась круглый год. Производительность мельниц была различной—от 140 до 360 пудов в сутки⁶². За работу мель-

никам платили зерном; за помол пуда брали 1—1,5 кг зерна. На мельницах крестьяне вырабатывали не только муку, но и крупу.

В сентябре начиналась уборка урожая на огородах. Как и посадка овощей, это была традиционно женская работа. Хорошо просушенные овощи складывали в погреба. Во второй половине сентября приступали к уборке картофеля, в которой принимали участие все члены семьи. Корнеплоды выкапывали лопатами, сушили в поле и, рассортировав, ссыпали на хранение или в глубокие ямы, расположенные на усадьбе, или в погреба. К числу поздних осенних работ относилась уборка капусты, льна и конопли.

В конце XIX—начале XX вв. наблюдался прогресс земледельческой техники у русского населения Восточной Армении. С последней четверти XIX в. началось постепенное проникновение в сельское хозяйство усовершенствованных машин и орудий, и в 1900—1910-ые годы железные плуги, бороны, конные молотилки, жнейки, косилки, конные грабли занимают прочное место в ряду сельскохозяйственных машин русских крестьян, но из-за дороговизны количество нового, усовершенствованного инвентаря было недостаточно и распределялось крайне неравномерно. Так, в 1917 г. в с. Еленовка на 113 хозяйств приходилось 33 железных плуга, 14 железных борон, 5 веялок, 4 косилки, 1 конные грабли⁸³. Выделялись три зажиточных хозяйства, одно из которых—Лебетова—имело два плуга однолемешных, два фургона, одну железную борону, одну косилку. Хозяйственный инвентарь другого крестьянина—Горбачева—состоял из двух плугов, двух косилок, одной бороны, а Щедрина—из плуга, двух борон, одной веялки, косилки. В материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. имеются сведения, согласно которым отдельные хозяйства сообщая, на паях, покупали дорогостоящие орудия—плуги, сеялки, жнейки⁸⁴. Но в целом и в этот период сохранялись многие характерные черты в культуре земледелия русского населения Восточной Армении.

2. СКОТОВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве русских крестьян скотоводство занимало видное место, хотя по удельному весу значительно уступало земледелию.

Состав стада. В условиях Восточной Армении переселенцы сохранили все виды скота и домашней птицы, что позволяло удовлетворять самые разнообразные потребности. Скотоводство обеспечивало крестьянское хозяйство тягловой силой для ведения земледельческих работ, мясными и молочными продуктами, топливом (кизяками). Отдельные состоятельные крестьяне занимались выращиванием скота на продажу.

Мы располагаем данными о численности скота у русских переселенцев в первые годы жизни на новом месте лишь по нескольким селениям. В 1843 г. в селениях Головино Казахского уезда и Никитино Александровского уезда обеспеченность скотом была довольно высокой: на 100 чел. населения приходилось скота в пересчете на крупный соответственно 124 и 175 голов⁸⁵, что было значительно выше уровня скотоводства русских крестьян в местах выхода переселенцев⁸⁶. Столь высокий уровень скотоводства у русских в первые годы после переселения доказывает выдвинутое нами выше предположение, что в переселении участвовали не только бедные, но и состоятельные крестьяне, для которых на новом месте поселения представлялись широкое возможности для экономического развития.

Поголовье скота русских крестьян состояло из крупного рогатого скота (волы, быки, коровы), мелкого скота (овцы, козы, свиньи), лошадей. Преобладание земледельческого хозяйства наложило свой отпечаток на характер структуры стада: в составе домашнего скота переселенцев преобладал крупный рогатый скот, разведение которого занимало основное место в хозяйственной деятельности русских крестьян. Преимущественное разведение крупного рогатого скота было характерно для переселенцев как в первые годы жизни, так и в последующее время, что подчеркивает устойчивость традиций земледельческого уклада. В 1843 г. в Головино крупный рогатый скот составлял 64%, лошади—

33,5%, мелкий скот—2,5%⁸⁷, в 1885 г. соответственно . 81,3%, 15,9% и 2,8%⁸⁸. В с. Никитино в 1843 г. удельный вес крупного рогатого скота составлял 66,3%, лошадей—33%, мелкого скота—0,7%, в 1885 г. соответственно 78,4%, 20% и 1,6% (см. табл. 2), а в 1913 г.—90,2%, 9,3% и 0,5%⁸⁹. Преобладание крупного рогатого скота было характерно и для Новоалександровки, где в 1863 г. крупный рогатый скот составлял 93,3%, лошади—6,2%, овцы—0,5%, в 1885 г. соответственно 66,4%, 19,9% и 13,7%⁹⁰.

Русские переселенцы разводили молочный и тягловый скот, основное внимание уделяя обеспечению хозяйства рабочей силой, поскольку от наличия и качества тягловой силы зависели качество и количество возделанной пашни.

В качестве рабочего скота русские переселенцы использовали и быков, и лошадей, но соотношение этих видов скота было различным: в одних селениях крестьяне предпочитали разводить больше быков, в других—лошадей. поголовье быков превышало количество лошадей во всех русских селениях Борчалинского уезда, а также в ряде сел Новобаязетского уезда. В середине 1880-х годов в общем количестве рабочего скота соотношение быков и лошадей в этих селениях было следующее: Джелал-оглы русские—95,4% и 4,6%, Новоалександровке—66% и 34%, Новопокровке—82,3% и 17,7%, Привольном—70,2% и 29,8%, Константиновке—67,5% и 32,5%, Семеновке—59,1% и 40,9%.

Как показывают материалы по местам выхода переселенцев, традиция использовать в качестве тягловой силы волов была характерна для южнорусских губерний. Так, например, в Саратовской губернии «преобладание волов—обычное явление, и в среднем выводе по целым волостям количество волов превышает число лошадей по меньшей мере вдвое»⁹¹. Производственные навыки в использовании определенных видов скота в качестве рабочей силы переселенцы принесли и сохранили на новом месте жительства. Показательно, что и в армянских селах, при доминировавшем земледельческом укладе, крупный рогатый скот явно превалировал в составе стада.

Преобладание лошадей в качестве тягловой силы

Таблица 2

Состояние скотоводства в русских селениях Восточной Армении к 1885 г.¹

Селения	Число хозяйств	Численность населения	Кол-во скота в пересчете на крупный на 100 чел. населения (голов)	Общее кол-во скота в пересчете на крупный (голов)	Крупный рогатый скот в %			Коневодство, в %	Мелкий рогат. скот, в % ²
					рабочий	молочный гулевой	всего		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Борчалинский уезд Тифлисской губернии ³									
Гергеры русские	79	459	118,5	544,1	43,6	37,6	81,2	10,8	8
Джелал-оглы русские	30	155	193,1	299,3	55,1	40,1	95,2	2,7	2,1
Новоалександровка	36	205	220,5	452,1	38,7	27,7	66,4	19,9	13,7
Новопокровка	74	495	182,2	901,7	45,2	37,6	82,8	9,8	7,4
Привольное	179	1086	179,7	1951,7	42,2	27,5	69,7	17,3	13
Новобаязетский уезд Эриванской губернии									
Александровка	31	140	206,8	289,5	10,4	34,9	45,3	40,4	14,3
Еленовка	182	1142	120,9	1381,8	8	29,4	37,4	57	5,6
Константиновка	37	269	100,1	269,3	40	36,9	76,9	19,3	3,8
Семеновка	51	313	145,8	456,4	34,6	34,8	69,4	23,9	6,7
Сухой Фонтан	29	143	193,1	259,4	26,6	20,4	47	48,6	4,4
Нижние Ахты	47	322	181,4	468,5	30,3	25	55,3	39,9	4,8

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Казахский уезд Елисаветпольской губернии									
Головино	13	63	169,8	107	27,1	54,2	81,3	15,9	2,8
Новый Дилижан	42	250	251,9	629,7	24,3	46,5	70,8	22,2	7
Михайловка	135	1175	269	3160,6	16,1	54	70,1	19	10,9
Александропольский уезд Эриванской губернии									
Воскресенка	73	426	452,8	1928,9	15,5	68,2	83,7	14,8	1,5
Никитино	63	428	332,9	1423	21,2	57,2	78,4	20	1,6
Эриванский уезд Эриванской губернии									
Новониколаевка ¹	18	160	156,5	250,5	34,7	35,1	69,8	13,2	17
Нахичеванский уезд Эриванской губернии									
Кармалиновка	21	161	251,5	405			81,5	18,5	
Зангезурский уезд Елисаветпольской губернии									
Базарчай	63	443	362,2	1604,5	9,5	59,9		11,6	19

¹ Таблица составлена на основании данных, содержащихся в работах: *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии, МИЭБГКЗК, т. II, с. 238—241; *Парвицкий А. В.* Экономический быт государственных крестьян северо-восточной части Новобаязетского уезда Эриванской губернии, МИЭБГКЗК, т. IV, с. 59—69; *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда Тифлисской губернии, МИЭБГКЗК, т. VII, с. 504—513; *Ил-*

кифоров Н. К. Экономический быт государственных крестьян западной части Нахичеванского уезда Эриванской губернии. МИЭБГКЗК. т. I. с. 588—589; Зелинский С. П. Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии. МИЭБГКЗК, т. IV, ч. I, с. 148—149; Марков Ф. Т. Экономический быт государственных крестьян Эриванского уезда Эриванской губернии. МИЭБГКЗК, т. III, ч. I, с. 144—145; Зелинский С. П. Экономический быт государственных крестьян в Бамбакском участке и в северной части Шорагяльского участка Александропольского уезда Эриванской губернии, МИЭБГКЗК. т. III, ч. I, с. 476—477, 480—481. Подсчеты произведены автором.

² При обработке материалов 10 голов мелкого рогатого скота приравнены к одной голове крупного рогатого скота (см. Ковальченко И. Д. К истории скотоводства в Европейской России в XIX в., с. 175).

³ МИЭБГКЗК не содержат статистических сведений об уровне развития сельского хозяйства русских крестьян селений Воронцовка и Новомихайловка Борчалинского уезда, являвшихся земельными собственниками.

⁴ Статистические материалы по с. Новониколаевка, в котором проживали русские (8 хозяйств—68 чел.) и армянские (10 хозяйств—92 чел.) крестьяне, приводятся в целом и выявляют уровень развития скотоводства русских не представляется возможным.

было характерно для большинства русских селений Новобаязетского и Казахского уездов, что опять же было связано с хозяйственными традициями, бытовавшими у русских крестьян на родине. Жители сел Сухой Фонтан, Нижние Ахты, Еленовка являлись выходцами из Моршанского, Тамбовского и Борисоглебского уездов Тамбовской губернии, где для земледельческих работ преимущественно использовали лошадей⁹². Все это свидетельствует о том, что производственные традиции в использовании того или иного вида скота в качестве тягловой силы у русских переселенцев Восточной Армении унаследованы из районов их прежнего обитания.

В отличие от армян, русские переселенцы буйволов почти не держали, за исключением селения Базарчай Зангезурского уезда⁹³. Сообщение А. Калантара о разведении буйволов в с. Константиновка Новобаязетского уезда полевыми материалами, собранными в этом селении, не подтвердилось, хотя, возможно, что наши информаторы могли не помнить об этом, поскольку данные эти столетней давности⁹⁴.

Среди русских коневодство было развито в большей степени, нежели у армян, у которых лишь состоятельные хозяйства имели лошадей, используемых как вьючно-верховое животное. Слабое развитие коневодства у армян было вызвано неблагоприятными условиями жизни (так, например, иноземные завоеватели запрещали армянам ездить на лошади)⁹⁵. В «Памятной книжке Эриванской губернии на 1904 г.» отмечалось, что наибольшее число лошадей имелось в Александропольском и Новобаязетском уездах, где в селениях Еленовке, Александровке, Сухом Фонтане на 100 чел. населения приходилось лошадей соответственно 69, 83,6 и 88,1 голов (данные на 1885 г.)⁹⁶. Такое большое количество лошадей объяснялось не только традициями, принесенными с прежних мест обитания, но и хозяйственной деятельностью крестьян этих селений, которые, закончив полевые работы, отправлялись в извоз, получая тем самым дополнительный доход. Этому в немалой степени способствовало географическое положение названных селений, расположенных на оживленной дороге в Эривань. Русские, пре-

имущественно сектанты, держали в своих руках весь извозный промысел, совершая поездки не только по Закавказью, но и за его пределы. Однако к началу XX в. и в дальнейшем наблюдалось постепенное уменьшение удельного веса коневодства, что было связано с сокращением извоза, вызванного строительством Закавказской железной дороги.

Изредка коневодство велось с торговой целью. У немногих крестьян были небольшие табуны. Например, в с. Михайловка у крестьян Макаровых, Молошинных имелись табуны от 15 до 25 лошадей⁹⁷.

Если разведение крупного рогатого скота и коневодство играли существенную роль в хозяйственной жизни переселенцев, то мелкое рогатое скотоводство (овцы, козы) и свиноводство не получили значительного развития. Так, например, в русских селениях Новобаязетского уезда, за исключением Александровки, удельный вес овцеводства составлял 3,8—5,6% (в с. Александровка—14,3%) (табл. 2), в то время как в армянских селениях того же региона Алапарс, Ридамал, Ахты и др. он колебался от 12,9% до 23,5%. Аналогичная картина была характерна и для Борчалинского уезда. В 1910-е годы удельный вес овцеводства в с. Воскресенка составлял 4%, в Никитино—0,5%, а в соседнем армянском селении Бозикенд—10,1%⁹⁸.

Большой удельный вес овцеводства в армянских селениях несомненно был связан с давними традициями, хозяйственной значимостью этой отрасли скотоводства. Примечательно, что впоследствии в отдельных русских селениях роль овцеводства постепенно увеличивалась. Например, в 1858 г. удельный вес овцеводства в с. Привольное составлял 2,8%, а в 1885 г. уже 10,6%⁹⁹. В 1863 г. в с. Новоалександровка мелкий скот составлял лишь 0,5% от общей численности скота, а в 1885 г.—13,7%¹⁰⁰. Постепенное увеличение роли овцеводства в русских селениях было, очевидно, результатом хозяйственно-культурных контактов с армянским населением. В некоторых селениях (например, Базарчай Зангезурского уезда, Константиновка Новобаязетского уезда) русские крестьяне заимствовали от армян доение овец, изготовление сыра из овечьего молока¹⁰¹.

Возможно, не последнюю роль в процессе возрас-

гания роли овцеводства у русских играл и рост цен на шерсть. В середине 1880-х годов пуд шерсти стоил 4—6 руб., а в 1910-е годы уже 8 руб.¹⁰². У русских крестьян Борчалинского уезда нередко шерсть обменивалась на различные продукты сельского хозяйства—пшеницу, фрукты, которые армяне привозили с низменности в горные и предгорные районы.

В 1900-е и последующие годы происходит резкое уменьшение количества овец в русских селениях Восточной Армении. Например, в Еленовке Новобаязетского уезда за период с 1885 г. по 1917 г. удельный вес этой отрасли скотоводства упал с 5,6% до 0,1%¹⁰³, в с. Никитино в 1913 г. он составлял всего 0,5%, при этом в документе оговорено: «прежде было много овец, а теперь нет»¹⁰⁴. Неурожан, охватившие Эриванскую губернию в 1892—1894 гг., а также постоянная нехватка кормов для скота привели к тому, что в эти годы русские крестьяне полностью отказались от этой отрасли скотоводства, стараясь сохранить свои традиционные. В с. Нижние Ахты крестьяне потеряли 225 голов овец, в Семеновке—304, в Еленовке—778¹⁰⁵. Это еще раз подчеркивает, что овцеводство не приобрело для переселенцев столь большого значения, как разведение крупного рогатого скота и коневодство.

В конце XIX—начале XX вв. в Восточной Армении происходит постепенное зарождение и развитие капиталистических отношений, и среди русского крестьянства появляются отдельные состоятельные крестьяне, для которых овцеводство стало самостоятельной отраслью хозяйства, т. е. велось прежде всего с целью получения товарной продукции. В начале XX в. в с. Привольное крестьянин Ивлев держал отару овец до 300 голов, Емельянинов—до 100 голов. В 1910-е годы Н. Лукинов, крестьянин из Воронцовки, имел 800 голов овец¹⁰⁶.

Разведением свиней занимались только русские православного вероисповедания, среди которых выделялись крестьяне с. Привольное, но и здесь численность поголовья скота была невелика и не увеличивалась в течение XIX в. Так, в 1857 г. на 100 чел. населения приходилось около 32 голов, в 1890-е годы—около 30 голов¹⁰⁷. Свиноводство снабжало крестьян мясом, жира-

ми, кожей. Близость Тифлиса обеспечивала сбыт продуктов этой отрасли скотоводства. Русские же сектанты по религиозным убеждениям свиней не держали.

Разведением коз русские почти не занимались. Ослов и верблюдов, в отличие от местного населения, для перевозки тяжестей переселенцы не использовали.

Домашних птиц разводили в каждом крестьянском хозяйстве: кур, гусей, уток, изредка индеек. Породы кур, вывезенные из внутренних губерний, выгодно отличались от местных своей продуктивностью, качеством мяса, но условия содержания в зимнее время в холодных хлевах были неблагоприятными, что отрицательным образом сказывалось на яйценоскости кур. На продажу куры и яйца поступали в ограниченном количестве.

Среди домашних птиц наиболее широкое распространение получило разведение гусей. Это было вызвано, вероятно, тем, что отдельные постельные принадлежности (подушки, перины) русские крестьянки изготавливали из пуха и пера этих птиц. Некоторые русские хозяйства в селах Борчалинского уезда в год выращивали от 30 до 40 гусей¹⁰⁸. Летом гуси кормились вблизи водоемов, канав. После жатвы гусей выпасали на ближайших к селению полях, где они подбирали опавшие во время уборки зерна, а с наступлением осени их перегоняли на специально отведенные для этого участки общинных земель. Выпасали гусей дети-подростки. В ноябре—декабре часть гусей закалывали, солили на зиму, а часть продавали на месте или на рынках (в 1900-е годы цены за штуку колебались от 50—60 коп. до 1 руб. 20 коп.). В продажу поступали также пух и перья.

Породный состав разводимых видов скота также отображает характер хозяйственно-культурных контактов между русским и армянским населением. При переселении из России в Армению русские завезли с собой серую украинскую породу крупного рогатого скота, так называемую «сектантскую», которая впоследствии смешалась с местными породами скота. Эта местная группа выделялась более крупными размерами, силой и продуктивностью. Отдельные русские селения Восточной Армении выделялись хорошими породами крупно-

го рогатого скота (например, Головино, Базарчай)¹⁰⁹. В этих селениях закупали скот не только русские, но и армянские крестьяне из различных районов Армении.

Забота переселенцев об улучшении пород крупного рогатого скота проявлялась и в покупке быков-производителей из внутренних губерний России, для чего крестьяне объединялись в «бычьи» артели, называемые курмышками¹¹⁰. Например, в с. Никитино крестьяне держали двух производителей: одного швицкой, другого—местной породы.

Лошади, привезенные крестьянами из России, были небольшого роста, но необычайно выносливые и неприхотливые. Различались лошади для верховой езды, для упряжи и рабочие¹¹¹. От скрещивания с местной породой образовались метисные группы.

Подавляющая масса овец принадлежала к простым грубошерстным породам местного происхождения—мазех и бозах, однако разводились и некоторые привозные породы. Так, русские крестьяне Казахского уезда разводили в малом количестве овец, привезенных из России и принадлежавших к тонкорунной породе.

Формы содержания скота. Характерной чертой скотоводства русских переселенцев было круглогодичное содержание всех видов скота в селении или поблизости от него. Как сообщает И. З. Андроников, в Закавказье в более лучших условиях содержался скот у русских переселенцев и немецких колонистов, так как период подножного корма у их скота значительно меньше и скот пользовался более усиленным кормлением и тщательным уходом¹¹².

Зимой русские крестьяне содержали скот в хлевах и конюшнях. Распространенными формами застройки крестьянского двора у русских переселенцев были следующие:

1. Однорядная застройка, имевшая два варианта: а) хлев и конюшня расположены под одной крышей с домом; б) хлев и конюшня примыкали к дому, но находились под отдельной крышей.

2. Застройка «глаголем»—г-образная застройка. Этот тип чаще всего бывал у состоятельных крестьян, у которых длинный ряд хозяйственных построек неред-

ко загибался под прямым углом и шел по задней стороне двора.

3. Помещения для скота расположены в один ряд, в глубине двора, параллельно улице, но отдельно от дома, не примыкая к нему.

4. Полутораэтажная или двухэтажная застройка, где помещения для скота располагались в нижнем этаже.

Хозяйственные помещения для хранения мелкоизмельченной соломы—саманники—строились рядом с током, который чаще всего располагался на краю усадьбы. Навесы и открытые загоны для скота устраивали в задней части двора. В зависимости от имеющегося строительного материала и экономической состоятельности семьи хозяйственные помещения строили из дерева, камня или саманного кирпича. Строения имели либо земляную кровлю, либо двух- или четырехскатную соломенную крышу. До сих пор постройки такого типа сохранились в пос. Красносельск (в прошлом с. Михайловка Казахского уезда). Пол в хлевах выкладывался каменными плитами, которые регулярно чистились по утрам, когда скот выгоняли во двор. Скотные помещения ежедневно проветривали. Внутри хлева устраивали перегородки, отделявшие один вид скота от другого, а вдоль стен—кормушки. Крупный рогатый скот держали на привязи.

Обычно скот находился днем на току, а ночью в помещении. В хозяйствах зажиточных крестьян конюшни и хлева не могли вместить весь скот. В этих случаях часть его оставалась во дворе, а в помещении находились молодняк, овцы, молочный и больной скот¹¹³. Несмотря на то, что скот русских переселенцев содержался «в холодных помещениях, в плохо защищенных сараях или даже в открытых базах»¹¹⁴, что было характерно для южнорусских губерний, все же он считался достаточно продуктивным и сильным, что было связано с распространением улучшенных пород.

Зимнее кормление скота продолжалось от четырех до пяти—шести месяцев. В это время основным кормом служили сено и солома. Обычай кормить скот измельченной соломой русские переняли от армян.

По сравнению с другими видами скота рабочий

скот откармливали более тщательно, поскольку от его состояния зависело благополучие земледельческого хозяйства. Во многих русских селениях на весь период зимнего содержания скота заготовленного впрок сена не хватало. В Новобаязетском уезде в корме рабочего скота сено составляло лишь 25—30%, и крестьяне кормили животных мелкоизмельченной соломой, льняными жмыхами, ячменем. На вола за зиму полагалось по два воза сена и по одному возу измельченной соломы¹¹⁵. Поскольку ячменные зерна трудно перевариваются животными, то чаще всего употребляли ячменную муку. Новотельных коров, нуждавшихся в калорийном питании, кормили мелкоизмельченной соломой и болтушкой из ячменной муки и отрубей. В неурожайные годы в селениях, расположенных поблизости от леса, скот кормили ветками и молодыми побегами. В качестве корма скоту широко использовали и отходы огородных культур—картофеля, свеклы, моркови.

Некоторые русские хозяйства селения Базарчай Зангезурского уезда ввиду недостатка зимних кормовых запасов для длительного стойлового содержания скота сдавали часть скота (преимущественно гулевого) на прокорм соседнему армянскому населению, которое содержало скот на отдаленных зимних пастбищах и возвращало в конце апреля¹¹⁶.

К весне количество корма коровам и тягловому скоту увеличивали, что было связано с приближением отела животных и периода весенней пахоты. В феврале—марте происходил отел животных. Первую неделю коров не доили, считая молоко недозревшим. В эти дни теленок находился рядом с матерью. Потом его отделяли и подпускали к корове лишь перед началом и в конце дойки. Часть надоенного молока скармливали теленку. Если семья была большая, то доили, как правило, невестки по очереди. Уже с 11—12 лет девочек приучали к уходу за животными, и в случае отсутствия или нездоровья хозяйки дома девочки-подростки сами справлялись с доением коров. Кормили животных и убирали скотные помещения обычно мужчины.

Окот овец в русских селениях происходил в декабре. С приближением окота животных переводили в бо-

лее теплые помещения. Молодняк первое время держали в жилых помещениях.

Со стойлового содержания на пастбищное скот переводили в зависимости от климатических условий года—чаще всего в конце марта—начале апреля. В русских селениях скот выпасали в пределах наделных земель или на арендованных у казны дополнительных пастбищных участках. Вначале, с появлением зелени вблизи селений, начинали выпасать овец на пастбищах, а затем и остальные виды скота. Уже с конца зимы рабочий скот постепенно подготавливали к предстоящим полевым работам—пахали огороды, вывозили навоз из поля. До окончания сева держали его в стойлах или выпасали вблизи селений, чтобы в случае необходимости использовать в хозяйстве.

Во второй половине апреля, когда устанавливалась теплая погода, крестьяне перегоняли молодняк—«гулевой» скот, иногда и овец—на пастбища, расположенные на расстоянии 5—6 км от села. Отгон скота был вызван необходимостью сохранить присельские пастбища для крупного рогатого скота. Отгон скота обычно приурочивали к 23 апреля—ко дню святого Егория. На этих пастбищах скот находился в течение всего лета. Пастухи возводили временные жилища—шалаши или землянки. Для скотины устраивали «ворки»—огораживали загон каменными стенами, где скот находился ночью¹¹⁷.

С 15 апреля до 15 мая производили весеннюю стрижку овец. Отметим, что русские крестьяне практиковали двукратную стрижку (вторую производили осенью). Перед стрижкой овец купали в ручье или речке. Стригли овец специальными ножницами. Стрижку обычно производили мужчины, а дальнейшая обработка шерсти (мойка, расчесывание) являлась женской обязанностью. В год настригали с одной овцы 4—7 фунтов шерсти. Тонкорунных овец стригли один раз в год. Количество шерсти, получаемое с одной такой овцы, было меньше—4—5 фунтов, но качество ее было лучше и ценилась она в 1,5—2 раза дороже шерсти местных пород овец.

Летом крупный скот кормился на близлежащих к селению пастбищах и выгонах, где животные находились

лись с раннего утра до позднего вечера. После сенокоса животных обычно пасли на лугах, а после жатвы на убранных от хлеба полях—«на толоке». Дойку коров хозяйки совершали дважды—утром, перед выгоном скота на пастбище, и вечером.

Поскольку количество овец у русских крестьян было небольшое, то их, как правило, тоже выпасали на присельских пастбищах и вечером пригоняли домой. Лишь отдельные состоятельные крестьяне, имевшие свои овец, отгоняли стадо на отдельные пастбища и содержали там до начала сентября.

Осенью выпас скота продолжался на присельских пастбищах и на жнивьях. После уборки огородных культур животных также выпускали пастись на огороды. У русских крестьян Борчалинского уезда обычно выпасать животных на толоке вызвал трехпольный севооборот, носивший, как свидетельствуют полевые материалы, принудительный характер. Обычно с октября скот переводили на стойловое содержание.

В большинстве русских селений площадь покосных и пастбищных земель составляла более 50% всей наделной земли, а в ряде селений (например, в Воронцовке Борчалинского уезда и Семеновке Новобаязетского уезда) достигала до 80 и более процентов¹¹⁸. Пастбища использовались сообща всем сельским обществом с весны до поздней осени, в зависимости от погодных условий данного года. Близлежащие к селению пастбища использовались преимущественно для выпаса скота, а часть отдаленных пастбищ отводилась под сенокосы.

Сенокос начинался в июле. Нередко на покос выезжали всей семьей на несколько дней. Приехав на место, ставили около ручья шалаш из жердей, покрывали его скошенной травой. Косили траву мужчины, а женщины и подростки через два-три дня собирали сено в валы, а затем в копны, из которых складывали стога. Один стог вмещал 70—100 копен. Копны свозили в стога двумя способами: на горной сильно пересеченной местности копны укладывали на большие ветки, привязанные к упряжи, а на ровных местах копну обвязывали веревкой и перевозили к месту метания стога. Складывание сена в стога считалось сложным делом и,

нередко, крестьяне приглашали искусных стогометов. Часть сена перевозили на усадьбу, складывая его на сеновалах, а часть оставляли на лугах, откладывая его перевозку до зимы, когда заканчивались сельскохозяйственные работы.

В июле крестьяне скашивали травы с паров, предназначенных для сева озимых культур. Сено с таких участков считалось наиболее питательным и предназначалось для кормления рабочего скота перед началом полевых работ и отелившихся коров.

Неравномерное распределение покосных и пастбищных земель между селениями являлось причиной того, что отдельные села, как например, Семеновка, Кармалиновка, обладали большими площадями сенокосов, позволявшими сдавать покосные угодья в аренду. Например, в 1880-е годы кармалиновцы сдавали горные пастбища в аренду окрестному населению с платой по 25 коп. с головы скота¹¹⁹.

Некоторые русские селения являлись своеобразными поставщиками сена на местные рынки. Особенно это было характерно для отдельных селений Борчалинского уезда, из которых значительными масштабами продажи выделялось с. Воронцовка. В 1912 г. воронцовские молокозаводы продали 100 тыс. пудов сена. Столь большие размеры продажи сена объяснялись также переходом местных крестьян к кормлению скота кормовой свеклой, которой в том же году было собрано 60 тыс. пудов¹²⁰.

Но в большинстве русских селений крестьяне страдали от недостатка сена, о чем свидетельствуют многочисленные прошения крестьянских обществ в губернское правление об увеличении пастбищ и сенокосных мест. Недостаток сена в какой-то мере компенсировался массовым производством картофеля, который в кормлении скота приобретал все большее значение. Одним из путей, который должен был помочь крестьянам, было внедрение искусственного травосеяния—посев люцерны, но темпы внедрения посевов в сельское хозяйство переселенцев были довольно низкими в условиях консервативного ведения хозяйства.

Выпас всех видов скота проходил под присмотром пастухов или чабанов. Последний термин был заимст-

вован переселенцами от коренного населения и чаще всего означал пастухов мелкого скота.

Имеющиеся в нашем распоряжении полевые и архивные материалы показывают, что пастухи начинались всей сельской общиной, что свидетельствовало о живучести общинных традиций в русской деревне конца XIX—начала XX вв. Лишь отдельные состоятельные хозяйства в с. Воронцовка, где разведение отдельных видов скота носило товарный характер, индивидуально нанимали пастухов для содержания собственных стад.

Договоры с пастухами заключались на время выпаса скота, т. е. с ранней весны до октября. В начале XX в. заключение соглашений между пастухом и сельским обществом оформлялось письменно на сельском сходе за подписями присутствующих членов схода. Пастух отвечал за сохранность вверенного ему скота. Число пастухов, нанимаемых сельским обществом, зависело от обеспеченности крестьян скотом и от разнообразия видов разводимых животных, подразделяемых на несколько стад: молочного, рабочего, гулевого скота, овец и др. Например, в 1880-х годах в с. Привольное кроме стада молочного скота было еще два стада гулевого скота и шесть отар овец, а в с. Михайловка—три стада молочного скота.

Вознаграждение пастухов производилось и натурой, и деньгами. С начала XX в. все чаще наблюдалась денежная оплата их труда, что было связано с развитием товарно-денежных отношений.

Оплата пастухов производилась по числу голов выпасаемого скота. В 1880-е годы в Новобаязетском уезде пастухам платили с головы скота по 27—37 коп. и представляли по очереди жилье. В с. Кармалиновка пастухам дойного стада платили 90 руб., а за выпас телят—30 руб. В Михайловке Казахского уезда стада были большие и на каждое полагалось по два—три пастуха, которым платили по 20 коп. с головы скота и по два фунта муки¹²¹. По полевым материалам, в с. Привольное в начале XX в. за овцу платили 20 коп., по два фунта муки и плаху дров. В Гергерах русских пастух получал с хозяина ежемесячно два фунта муки и осенью пуд картошки¹²².

В большинстве русских селений пастухов нанима-

ли со стороны. Наем пастухов из русской среды встречался редко и в основном среди русских крестьян православного вероисповедания. Русские сектанты-молокане относились к этому занятию несколько пренебрежительно, что было, очевидно, связано с большей занятостью русских сектантов в извозе даже летом, в разгар полевых работ, если рабочих рук было достаточно и отсутствие 1—2 членов семьи не сказывалось на ведении сельского хозяйства. Но чаще всего пастухами в русских селениях являлись курды и азербайджанцы. Полеводство, бывшее для русских переселенцев, также, как и для армянских крестьян, основным занятием, требовало большого количества рабочих рук, что заставляло крестьян обращаться к найму пастухов со стороны, тем более, что курды и азербайджанцы, обосновавшиеся в различных районах Восточной Армении, слыли искусными скотоводами¹²³.

Многие русские пастухи хорошо знали повадки животных, условия пастбищ, водопоев и умелой организации пастбы скота, добивались хорошего привеса животных и высоких надоев молока. Полевые этнографические материалы позволили выявить глубокие знания в области народной ветеринарии и зоотехнии. Эти знания основывались на многолетних наблюдениях, богатом народном опыте, передавались из поколения в поколение и с определенной пользой применялись при выведении улучшенных пород, в уходе за скотом, при его лечении.

Рациональные способы по уходу и содержанию скота сочетались с целым рядом древних языческих действий и поверий, которые, по мнению крестьян, должны были способствовать сохранению скота, увеличению его численности, плодовитости. Эти обряды исполнялись в дни календарных праздников, являвшихся своеобразным регулятором ритуальной жизни крестьянина. Обряды, связанные со скотоводством, совершались крестьянами в зимний и весенний периоды календарной обрядности.

Большинство этих обрядов приходилось на великий пост—период, который считался ответственным временем для земледельца: крестьяне готовились к севу. По поверью, надо было «очиститься» от всего

вредоносного, обеспечить здоровье и благополучие скота, успех в севе, в получении хорошего урожая летом. В марте, в праздник 40 мучеников, крестьяне выпекали обрядовое печенье в виде птиц—«жаворонки»¹²⁴. В некоторых семьях один жаворонок скармливали скоту. Здоровье и плодовитость скоту должны были принести и действия, совершаемые в вербное воскресенье. Освященной в церкви вербой ударяли не только членов семьи, но и все виды скота, кроме свиней. Смысл обряда заключался в передаче живительной силы начинающей зеленеть ветви животным. Не случайно, что компонентом действия была выбрана именно верба—растение, которое раньше других деревьев пробуждается к жизни. Почки вербы скармливали овцам и домашней птице.

Для так называемого «чистого» четверга последней недели великого поста были характерны обряды, носившие очистительный характер. Под «чистый» четверг начинали дойку овец в семьях, где практиковали доение этих животных. В четверг русские крестьяне метили скотину—прорезали уши или пропускали гильзу через ухо. Эти действия являлись частью подготовки скота к переводу его со стойлового содержания на пастбищное¹²⁵.

Магические приметы «первого» дня по отношению к скоту ярко прослеживались в обрядах первого дня пасхи. Когда семья рано утром садилась разговляться, взрослые внимательно следили, кто первым приступит к еде. Верили, что если первой начнет девочка, то в хозяйстве будет водиться птица, корова отелится телочкой, овца—ярочкой, если мальчик, то появятся особи мужского пола. Иногда, в зависимости от хозяйственной необходимости, сначала угощали освященной пищей мальчика или девочку¹²⁶. Очевидно, крестьяне считали, все, что было первым на пасху, должно было определить ход событий во все последующие дни, хотя в некоторых семьях этих примет не придерживались.

День первого выгона скота, который русские Европейской части России чаще всего приурочивали к 23 апреля—Егорьеву дню, сопровождался определенными магическими действиями: обходом скота хозяином, кормлением его специально приготовленным хле-

бом, чтением заклинаний. У русских переселенцев Восточной Армении день первого выгона скота обставлялся значительно проще. Этот день, происходивший задолго до Егорьева дня—в конце марта-начале апреля, определяли уважаемые и авторитетные старики во главе с сельским старшиной. Хозяйки выгоняли скот в стадо вербами, припасенными с вербного воскресенья. Во всех славянских селениях в день первого выгона скота пастуху давали хлеб, иногда посыпанный солью, яйца. Егорьев же день отмечали кратким богослужением о здравии и благополучии, после которого весь скот, по другим сведениям только молодняк, прогоняли через сельскую площадь, где священник освящал водой. После этого скот тут же угоняли в горы для нагула¹²⁷.

Среди русских крестьян православного вероисповедания существовали поверья, относящиеся к птицеводству. В Привольном, Гергерах весной, когда первые журавли пролетали над селением, направляясь на север, взрослые, чтобы было много цыплят, кидали в куриные и гусиные гнезда снег, землю, солому, приговаривая: «Журавушки-муравушки! Добрый вам путь-дорожка!»¹²⁸.

Для охраны домашних животных от «сглаза» сектанты, так же, как и православные, вбивали осиновые колышки в ворота, по центру двора, над дверью, ведущей в хлев, в кормушку для животных. «Что осина имела апотропическое и, может быть, сакральное значение, это видно из ее роли по отношению к нечистой силе: осиновым колом можно обезвредить упыря или умершего колдуна»¹²⁹.

Описанные выше обряды и действия, связанные со скотом, у русских переселенцев Восточной Армении были выражены сравнительно слабо, а у части русских переселенцев—сектантов—наблюдалось почти их полное отсутствие, вызванное, видимо, отказом сектантов от услуг церкви, а, как известно, многие обряды у русских были приспособлены к православной церковной обрядности.

Хотя основу питания русских крестьян составляли продукты растениеводства, однако продукты скотоводства также играли немалую роль в системе питания переселенцев.

Мясо употреблялось в отварном, жареном виде, но было редкостью. Чаше всего его заменяла солонина из домашней птицы. Большое место в питании крестьян занимало молоко. Его пили в сыром виде, им заваривали чай, похлебки, молоко использовалось в приготовлении многих видов изделий из теста, различных блюд. Из молока готовили масло, сметану, творог, сыры. Для приготовления сливочного масла цельное молоко отстаивали в кадушках в прохладном месте и верхний сгустившийся слой собирали и сбивали в маслобойках, которых было несколько видов. Маслобойки в виде выдолбленных прямых колод подвешивали к крюку в потолке и руками раскачивали из стороны в сторону. Такой же тип маслобойки имелся у армянских крестьян. Другой тип маслобойки состоял из вертикальной цилиндрической колоды с крышкой и палки с деревянным кружком или крестовиной в нижней части. В начале XX в. стали использовать маслобойки усовершенствованного типа, в которых масло сбивалось при помощи деревянных лопастей, приводимых в движение рукой. Сывороку (айран), остававшуюся после сбивания масла, употребляли в пищу. Творог готовили путем квашения молока. Сыры готовили не только из коровьего, но и овечьего молока, что было заимствовано от армянских крестьян, хотя широкого распространения в среде русского крестьянства оно не получило.

Молочные продукты, изготавливаемые русскими крестьянами, отличались высокими вкусовыми качествами и пользовались повышенным спросом как на местных, так и на городских рынках, хотя в основной массе потреблялись в крестьянских хозяйствах, составляя немаловажную часть в питании крестьян. Несколько большие размеры производство этих продуктов на продажу имело место в дачных местах, например в Константиновке, Дилижане, Джелал-оглы русские.

Товарный характер приобретала обработка продуктов животноводства в хозяйствах зажиточных русских переселенцев, где имелись деньги для покупки скота, аренды дополнительных пастбищ, приобретения оборудования. Климатические условия и наличие богатых пастбищ благоприятствовали развитию молочного производства в Лори, где производством молочных продук-

тов наряду с армянами выделялись и русские, в особенности воронцовские крестьяне, собственники значительных земельных площадей и больших стад.

Первые молочные заводы, владельцами которых были русские крестьяне, появились в Воронцовке в последней четверти XIX в. В 1889 г. Е. Караев открыл сыроваренный завод на покупном молоке. Вскоре он был удостоен серебряной медали на одной из сельскохозяйственных выставок за хорошее качество сыров. В 1891 г. на хуторе Благодарном, рядом с Воронцовкой, построил молочный завод воронцовский крестьянин Н. Дасаев, изготавливавший швейцарский сыр из домашнего и покупного молока¹³⁰.

Основным продуктом производства заводов являлся швейцарский сыр. Кроме него, готовили и местный сыр—чанах, производство которого тоже было доходным. В селениях Гергеры русские и Новоалександровка предприятия по переработке молочных продуктов специализировались на производстве масла.

3. ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Кроме земледелия и скотоводства, у русских переселенцев были распространены и другие хозяйственные занятия—пчеловодство, рыболовство, охота, собирательство, удельный вес которых был, однако, значительно меньше полеводства и скотоводства, но тем не менее, в условиях натурального крестьянского хозяйства, они имели определенное значение в жизни русских крестьян.

Пчеловодство. Н. Н. Шавров отмечал, что в Закавказье охотнее всего пчеловодством занимались русские крестьяне¹³¹. Данная отрасль была распространена почти во всех русских селах Восточной Армении. Уже в первые десятилетия жизни на новом месте у русских пчеловодство приняло довольно большие размеры. Например, в с. Привольное в 1857 г. 90 хозяйств имели 332 улья, а в 1864 г. на 98 хозяйств приходилось 536 ульев¹³².

По полевым материалам в конце XIX—начале XX вв. в русских селениях, расположенных вблизи лесов, например, в Привольном, крестьяне занимались и борт-

ничеством, но размеры его были незначительны. В начале XX в. широко была распространена пасечная форма пчеловодства, ульи чаще всего ставились на усадьбах. Ульи были различных типов. По свидетельству современников, в конце XIX в. в селах безлесной зоны русские крестьяне нередко обращались к изготовлению плетеных ульев цилиндрической формы, обмазанных глиной. Такие ульи встречались в Воронцовке и Новомихайловке¹³³. Очевидно, традиция изготовления подобных ульев была принесена из южных губерний России: «в южной части средней полосы и на юге России бытовали украинские ульи («бочки», или «ступы») в виде плетеных и ивовых конусовидных сосудов»¹³⁴, но традиционная форма была изменена на цилиндрическую, вероятно, под влиянием армянского населения.

Наибольшее распространение среди русских переселенцев имели деревянные ульи, среди которых наиболее простыми являлись ульи-дуплянки. Их изготавливали из части ствола дерева диаметром 40—50 см, середину которого выдалбливали или выжигали. Внутри улья помещали маточник и устанавливали несколько рядов горизонтальных перекладин (3—4 в ряду) на расстоянии 10—15 см друг от друга¹³⁵.

С конца XIX в. дуплянки стали заменяться рамочными и уже в начале XX в. последние стали преобладать. В 1913 г. в Никитино из 300 ульев было 170 рамочных и 130 колодных, в Воскресенке из 200 ульев 160 было рамочных и 40 колодных¹³⁶. Рамочные ульи крестьяне или покупали, или изготавливали из мягких пород дерева—сосны, липы.

Пчелы требовали постоянного ухода, крестьяне поговаривали: «Пчелку водить—со двора не ходить». Опытные пчеловоды хорошо знали повадки животных и по их поведению даже могли предсказывать погоду: перед дождем пчелы далеко не улетали и возвращались не с полным грузом; перед наступлением ветреной погоды пчелы становились раздражительными¹³⁷.

Для зимнего содержания пчел необходимы сухой воздух, темное, тихое помещение, и глубокой осенью ульи убирали под навесы или в специальные помещения—омшаники. Чаще всего омшаники строили из камня. Ульи ставили на подставки из камня или дере-

ва в несколько рядов. Чтобы уберечь пчел от морозов, ульи утепляли матами из соломы или осоки. Для зимнего питания пчел определенное количество меда оставляли в ульях.

В марте—начале апреля ульи выставляли на открытый воздух. Летом регулярно, раз в два—три дня, приходилось просматривать рамки и по мере надобности подставлять новые, менять старые.

Добывание меда из ульев-дуплянок производилось двумя способами: улей заливали водой, изгоняя таким образом пчел, или пчел собирали в роевню, куда вначале переносили матку. Из рамочных ульев уже в начале XX в. мед собирали с помощью самодельной центрифуги.

Добывание воска носило примитивный характер. Станок для воска представлял собой два вертикальных клина высотой до 80—100 см, закрепленных между горизонтальными стойками. Холщовую сумку, в которую заливали кипящую старую вошну, зажимали между этими клиньями, и воск стекал в подставленное внизу корыто с водой. Для окончательной очистки собранный таким образом воск еще раз кипятили. Чистый воск шел на изготовление рамок, а остатки вошны использовали при лечении вывихов¹³⁸.

В зависимости от климатических условий сбор меда составлял один—два пуда в год с рамочного улья. Мед русских пасечников славился превосходными качествами. Крестьяне, имевшие мелкие пасеки, мед и воск использовали для домашнего потребления, и на рынок поступали лишь незначительные излишки. В крестьянских хозяйствах, где пчеловодство имело товарное значение, его продукты вывозились на рынки Тифлиса, Александрополя, продавались скупщикам на месте. Воск даже вывозили на внутренние рынки России.

В середине 80-х годов XIX в. большими размерами пчеловодства выделялось с. Михайловка Казахского уезда, в котором 27 хозяйств имели 870 ульев на 16 пасеках, причем одна большая пасека в 400 ульев принадлежала четверем состоятельным семьям¹³⁹. В хозяйствах, где пчеловодство являлось одним из важных источников дохода, крестьяне нередко обращались к

аренде земель для пасеки. В 1902 г. крестьянин с. Воскресенка И. Болотин арендовал в Гамзачиманской лесной даче для пасеки площадь в 109 кв. саженей на 9 лет. В 1907 г. никитинскому крестьянину Я. Мечникову было разрешено арендовать для пасеки 808 кв. саженей земли на 6 лет¹⁴⁰. Пчеловоды на арендуемых участках возводили временные строения, предназначенные для хранения необходимого инвентаря и пребывания сторожа и пчеловода, а также помещения для зимовки пчел.

В отдельных хозяйствах русских крестьян пчеловодство было поставлено на новую ступень развития, чему в определенной степени способствовала деятельность Кавказского общества сельского хозяйства. Крестьяне высевали для пчел медоносные растения, а воронцовские жители выписывали пчеловодческие журналы и по ним знакомились с научными способами разведения пчел¹⁴¹. Однако наряду с рациональными, крестьяне нередко практиковали различные магические приемы, среди которых большое распространение получили заговоры. В конце XIX в. в православных селениях Борчалинского уезда весной, перед выставкой ульев из зимовника, пчеловод ударял косою о землю на местах, предназначенных для установки ульев, приговаривая: «Во имя отца, и сына, и святого духа. Да будут мои пчелы на чужих так же остры, как моя коса на траву. Аминь!»¹⁴². Нередко где-нибудь на пчельнике прикрепляли вербу. Считали, что она имеет силу охранять хозяйственные постройки от непогоды и молний. Причиной обращения к различным религиозно-магическим обрядам и представлениям являлось бессилие крестьянина перед стихийными силами природы, где меньше всего крестьянин мог надеяться на свои силы; умение, опыт, где благополучие зависело от капризов погоды.

Собирательство В экономике крестьянского хозяйства среди присваивающих форм хозяйства на первое место выдвигался собирательный промысел, который в той или иной степени был присущ каждой крестьянской семье. Собирательство являлось сезонным занятием и продолжалось с весны до осени. Хранителями знаний о полезных свойствах трав, корней, переда-

ваемых из поколения в поколение, бывали преимущественно женщины.

Сбор лекарственных трав для продажи был широко распространен в русских селениях Лори. На сбор блошницы, цветов лекарственной ромашки выходили целыми семьями, в том числе и мужчины. Лекарственные растения не только использовали в быту, но и сдавали в магазины. В конце XIX в. посредниками между крестьянами и магазинами выступали воронцовские крестьяне, которые скупали цветы ромашки у крестьян соседних русских селений, сушили и продавали в Тифлисе. Пуд цветов ромашки стоил 3—5 рублей. Ежедневная выручка от сбора цветов составляла от 75 коп. до 1 руб. От продажи блошницы некоторые семьи, по свидетельству современников, выручали от 500 до 1000 руб.¹⁴³ Сдавали в магазины и редкий корень валерьяны, который ценился особенно дорого.

Из лекарственных трав, собиравшихся преимущественно для собственного потребления, особенно были распространены зверобой, душица, мята, настои листьев и цветов которых использовали для приготовления целебных напитков. Сбором трав и растений для лекарственных целей занимались в основном пожилые крестьянки—знатоки народной медицины и ветеринарии, некоторые из них считались в селениях знахарями. По полевым материалам, особенно много таких знахарей было в с. Привольное.

Сезонными объектами сбора являлись не только лекарственные растения, но и съедобные. В мае—июне крестьянки собирали молодые побеги черемши, дикого чеснока.

Сохраняя знания о полезных свойствах многих дикорастущих растений, принесенные из европейской части страны, русские заимствовали сведения от армянских крестьян, в среде которых собирательство играло немаловажную роль в быту, хотя среди русских крестьян употребление местных дикорастущих растений не получило большого распространения. Некоторые виды употребляли не только в свежем виде, но и квасили, как, например, стебли лилии (по-армянски шушпан)¹⁴⁴.

В русских селениях Лори, расположенных вблизи

лесов, женщины и подростки собирали плоды дикой смородины, малины, ежевики. Кроме ягод, сушили и листья этих растений, которыми нередко заваривали чай. Листья смородины употребляли и в качестве пряности во время соления продуктов на зиму.

Недостаток садовых плодов крестьяне восполняли сбором диких яблок, груш, которые сушили или использовали для приготовления кваса, компота. Осенью собирали плоды шиповника, отвар из них использовали во время болезни.

В отличие от сбора дикорастущих ягод, сбор грибов не был столь распространен, им занимались лишь немногие крестьяне. Это, очевидно, было связано с тем, что в среде крестьянства отсутствовали навыки в распознавании грибов: на прежних местах жительства переселенцев, расположенных в основном в малолесных и степных районах, традиции сбора грибов не было. В условиях Восточной Армении русские крестьяне собирали шампиньоны, белые грибы, опята (летние и осенние), маслята—«масленки». Других видов съедобных грибов (в том числе подберезовики, подосиновики), произраставших в лесах, в пищу не употребляли.

Наиболее распространенными способами консервации продуктов собирательства были сушка, соление и квашение.

Рыболовство в большинстве русских селений носило любительский характер, что было связано с ограниченными водными ресурсами. Исключение представляли селения, расположенные на берегу Севана—Еленовка и Александровка.

На малых горных речках, в которых водились форель, усач, крестьяне ловили рыбу для потребностей семьи в течение всего года, имея целый ряд несложных орудий лова: удочки, саки, накидки, изготавливаемые самими крестьянами. Иногда рыбу ловили и руками, обшаривая камни.

Среди орудий рыболовства был широко распространен сак, или наметка. Сак представлял собой мешкообразную сетку с узкой «мошонкой» внизу, прикрепленной к деревянному обручу, насаженному на шест. При ловле саком один человек выгонял рыбу, а другой держал сак. Саком ловили в глубоких местах¹⁴⁵.

«Накидка»—ручная сеть, конусообразная, по краям которой устраивались «карманы» из полотнищ сетки. К «карманам» прикреплялись грузила—свинцовые пули или гильзы. В центре накидку собирали на бечевку, наматываемую на левую руку, а правой раскидывали по воде, затем постепенно сеть вытаскивали из воды. Рыба набивалась в «карманы»¹⁴⁶.

Способы ловли у переселенцев, проживавших на берегу Севана, были более разнообразными. Здесь рыболовство было промыслом и составляло одну из доходных статей казны. Рыбный промысел был разделен на несколько десятков рыболовных участков, которые сдавались в аренду с торгов на несколько лет с денежной оплатой. Среди откупщиков были как русские, так и армянские крестьяне.

Для промыслового рыболовства назначались два периода ловли—с 15 марта по 15 июля и с 15 сентября по 15 декабря¹⁴⁷. Основным орудием лова в больших размерах являлись невода, достигавшие длины 100 и более сажений. Для ловли неводом необходимы были 11—12 человек, из которых трое управляли лодкой, а остальные тянули невод. За один раз неводом вылавливали от 200 до 300 рыб.

На прибрежных участках самым распространенным способом ловли являлась ночная ловля на лодках острога при зажженных факелах или фонарях. Острога представляла собою железный наконечник с острыми зубьями, насаженный на длинный шест. На рыбалку выезжали на лодке 5—6 человек, которые за ночь, при удачной охоте, могли набить 150—200 штук рыбы¹⁴⁸.

Кроме ловли в озере, русские ловили и в реках, впадающих в Севан, используя накидки, верши, так называемые чангялы. Вершами, сплетенными из древесных прутьев, ловили рыбу в неглубоких местах, при этом верши закладывали камнями или привязывали у берега. Верша имела форму правильного конуса и состояла из двух частей: внешнего и внутреннего конуса с одним общим основанием. Рыба входила через открытое основание внутреннего конуса и попадала во внешний конус, из которого уже не находила обратного выхода в реку¹⁴⁹. Во второй половине XIX в. ловля чангялами—железными крючками, привязанными к

палке или веревке, по свидетельству М. Сагателова, являлась самым простым способом ловли среди русских крестьян¹⁵⁰. В целом способы ловли русских крестьян имели много общего с приемами, распространенными и среди армянских крестьян.

В большинстве селений, где рыболовство имело незначительные масштабы, русские не запасали ее впрок, а использовали в свежем виде—варили или жарили. У переселенцев сел Елсновка и Александровка способы хранения были более разнообразными. Здесь было широко распространено вяление рыбы.

Охота в экономике крестьянского хозяйства занимала незначительное место¹⁵¹. Даже в селениях, расположенных вблизи лесов (Гергеры русские, Константиновка, Привольное), насчитывалось по два-три охотника, которые промышляли зверя, дичь для собственного потребления. Охотились на джейранов, оленей, медведей, волков, лис, на диких птиц—уток, гусей, перепелок. Распространена была охота с ружьем и собакой. На барсуков, лисиц охотились с помощью капканов, которые ставили у выхода из нор. Выгоняли животных из норы собаки. Зимой промышляли зверя без лыж.

По литературным и полевым материалам, в конце XIX—начале XX вв. в русских селениях Лори существовал способ охоты с использованием ядов¹⁵². Отраженные куски мяса охотник разбрасывал по полю, а утром подбирал мертвых лисиц. Нередко подобная «охота» являлась причиной гибели и домашних животных. Судебные меры, применявшиеся к таким охотникам, строгий контроль со стороны сельских общин вынудили охотников отказаться от использования химических ядов.

4. ремесла и промыслы

С основными хозяйственными занятиями—земледелием и скотоводством—были тесно связаны ремесла и промыслы русских переселенцев. Слабое развитие товарно-денежных отношений и полунатуральный характер хозяйства предполагали исключительную живучесть домашних крестьянских ремесел. Перед каждым крестьянином вставала задача обеспечения семьи

всем необходимым, и каждый крестьянин в той или иной степени владел необходимыми навыками разнообразного ремесла. Примечательно выражение: «Мы все и столяры, и плотники, и сапожники». «Домашние промыслы,—отмечал В. И. Ленин,—составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»¹⁵³.

В период создания русских поселений в Закавказском крае местные власти понимали, что опытные ремесленники помогут быстрее наладить быт переселенцев и в то же время окажут определенное влияние на развитие отдельных ремесел в присоединенном крае: «русские переселенцы имеют между собою много ремесленников, в крае недостававших»¹⁵⁴. В Проекте свода постановлений для управления бывшими военными поселениями в 1858 г. специально отмечалось, что местное начальство «поощряет между поселянами всякую промышленность и умножение всякого рода необходимых в поселениях ремесел»¹⁵⁵.

Из архивных документов мы узнаем о наличии в среде русских крестьян различных ремесленников. В с. Привольное в 1857 г. на 90 хозяйств зарегистрировано 26 человек ремесленников: плотников—7, бочарей—2, кузнецов—4, каменщиков—2, сапожников—7, портных—2, колесников—1, тскарей—1, а к 1864 г. число ремесленников, проживавших в этом селении, достигло 34¹⁵⁶. Кроме перечисленных, в русских селениях были также специалисты по выделке кожи, производству войлоков, изготовлению фургонов и повозок, печники, извозчики, овчинники. Перечень этих специальностей, охватывающих многие стороны крестьянского быта, свидетельствует о глубоких и живучих традициях русских крестьян в ремеслах и промыслах, принесенных переселенцами в Восточную Армению и необходимых для удовлетворения повседневных запросов.

Указанные в документах мастера обладали более высокими профессиональными навыками, чем крестьяне, изготавливавшие изделия для собственного потребления. Для первых производство кустарных изделий не ограничивалось удовлетворением непосредственных нужд и, частично, было связано с рынком, где продава-

лись некоторые излишки их производства. Обычно крестьянские хозяйства, в которых занимались ремеслами, были зажиточными. «Ремесло служит большим подспорьем, и поэтому,—писал С. Бунятов,—в крестьянской среде ремесленники принадлежат к достаточно богатому классу, между ними нельзя встретить бедняков»¹⁵⁷.

Большое значение в развитии крестьянских промыслов имел довольно продолжительный (около 6 месяцев в году) период, свободный от полевых работ. По словам К. Маркса, у крестьянина свободное зимой время «образует естественную основу для соединения земледелия с сельскими подсобными промыслами...»¹⁵⁸. Русские крестьяне-кустари не порывали с земледелием и ремеслами в основном занимались поздней осенью и зимой, когда наступало затишье в сельскохозяйственных работах.

Обработка дерева. Среди русских переселенцев Восточной Армении были широко распространены промыслы, связанные с обработкой дерева, которые на родине являлись для них исконными. В этой отрасли наблюдалась узкая специализация: были плотники, столяры, бондари, одни мастера изготавливали сельскохозяйственные орудия—сохи, бороны, плуги; другие—колеса, повозки.

Наиболее распространенным среди русских крестьян являлось плотницкое ремесло. «При нужде,—пишет С. Бунятов,—каждый русский крестьянин без посторонней помощи мог выстроить деревянный дом»¹⁵⁹. Плотники принимали заказы на строительство домов, хозяйственных построек. В конце XIX в. нередко мастера объединялись в артели, распадавшиеся с наступлением полевых работ. За короткий срок они возводили дома, например, два плотника ставили сруб избы за 7—8 дней, получая плату от 8 до 16 руб. В конце XIX в. привольненские плотники изготавливали из покупного леса срубы различных размеров, которые продавали жителям окрестных деревень за 30—80 руб. В некоторых хозяйствах и производство орудий было частично связано с рынком. В 1890-е годы в Воронцовке были мастерские, изготавливающие плуги усовершенствованного типа, которые покупали крестьяне из разных райо-

нов Восточной Армении. Иногда крестьяне мастерили на продажу орудия, которые сами не употребляли. Например, в с. Константиновка изготавливали катки, которые сбывали в близлежащие как русские, так и армянские селения Новобаязетского уезда¹⁶⁰.

Мастера проявляли хорошее знание различных пород деревьев: из дуба, бука, который выдерживали 2—3 года, делали доски на пол, сосну высушивали не менее одного года и использовали на рамы, двери. При нехитрых инструментах (топор, рубанок, долото) от мастера требовалось большое искусство и умение.

Профессия плотника не была связана исключительно со строительным делом. Работы по поставке топлива, продажа строевого леса также являлись составной частью его деятельности. Русские крестьяне Лори покупали строевой лес в помещичьих владениях и продавали его в Александрополе¹⁶¹. В середине XIX в. в некоторых русских селениях доски изготавливали из тополя, которые специально для этой цели высаживали на усадебных участках. Например, жители Головино получали значительный доход от продажи в Эривани такого строевого леса¹⁶².

Среди крестьян широким спросом пользовались предметы внутреннего интерьера крестьянской избы—столы, лавки, жесткие диваны, кровати, шкафы, сундуки для одежды, изготовлявшиеся столярами преимущественно из липы, дуба, карагача и сосны. Причем почти все орудия труда и инструменты крестьяне делали сами.

Во всем Закавказье были известны своим искусством русские колесники. В Восточной Армении особенно славилась этим промыслом крестьяне селений Новый Дилижан, Никитино, Воронцовка, Привольное.

В конце XIX в., по сообщению С. Бунятова, среди колесников Борчалинского уезда наблюдалась узкая специализация: отдельные мастера изготавливали какую-либо одну часть колеса, например, спицы, ободья—«косяки», ступицы, а сборка колеса находилась в руках одного мастера, который скупал составные части¹⁶³. Но чаще всего, как свидетельствуют наши полевые материалы, все операции по изготовлению колеса сосредотачивались в руках одного мастера¹⁶⁴. У масте-

ра-колесника имелся набор несложных столярных инструментов и токарный станок простого устройства. Для отдельных частей колеса использовали разные породы деревьев: ступицы делали из карагача, спицы из дуба. Ободья гнули из дубовых брусков, предварительно распарив в жарко натопленной печи, где их обкладывали навозом, после чего связывали веревкой и сушили один—два месяца. Сборку колеса—набивку спиц на втулку, ободьев на спицы—производили на специальном станке. Затем кузнец натягивал на деревянное колесо железную шину—«ошинковывал», для чего железную шину нагревали докрасна: обкладывали кизяками, которые затем зажигали. На местных рынках колеса стоили дорого. Кроме колес, мастера изготавливали подводы, фургоны из чинары, дуба, граба.

Лесные массивы Лори, Ширака позволяли русским крестьянам заниматься бондарным промыслом, который ограничивался удовлетворением непосредственных нужд внутри селения и был связан с рынком слабо. Лишь наиболее искусные мастера периодически выполняли небольшие заказы на продажу.

Бондари изготавливали как крупные (бочонки, кадушки, прялки), так и мелкие (ложки, вальки, миски) бондарные изделия. Основными древесными породами, из которых делали клепку, являлись дуб, осина и карагач. Бочонки, кадушки делали чаще всего из дуба, так как осина придавала продуктам горьковатый привкус. Боковые стороны—«трости»—распаривали в котле, внутри которого разводили огонь, и придавали нужную форму. Затем плотно пригнанные друг к другу трости скрепляли металлическими или деревянными обручами. На внутренней нижней стороне делали углубление мелкой пилой—«уторником», куда вставляли дно. Для прялок употребляли липу, которую выдерживали 1—2 года. Ложки делали из клена, традиции раскрашивать ложки не было¹⁶⁵.

Обработка металла. Каждое русское селение имело своих кузнецов. В с. Привольное в начале XX в. насчитывалось 5 кузниц, которые отличались своими размерами. Крупной считалась кузница Кокарева, в которой было 4 горна, в других—не больше двух.

В условиях большой неразделенной семьи, которые были частым явлением среди русских крестьян даже в начале XX в., наемный труд не использовался. Обычно в кузнице работали родственники: отец с сыновьями и внуками, братья, тесть с зятем. Например, в привольненской кузнице Кокарева все работы выполняли 4 взрослых сына с внуками, а старик отец лишь присматривал за ходом работ.

Кузнецы производили самую разнообразную работу: изготавливали инструменты—топоры, молотки, ножницы, зубила, металлические части сельскохозяйственных орудий—сошники, лемехи, бороны и др. «Горячим» считалось весеннее и осеннее время. В крупных поселениях (Воронцовка, Привольное) годовой заработок кузнеца составлял от 600 до 1000 руб., а в небольших—Новопокровке, Гергерах русских—от 250 до 400 руб.¹⁶⁸

Кузница обычно помещалась на хозяйственном дворе в деревянной или каменной постройке, иногда ее ставили около речки. Горны складывали из камней, кожаные меха подвешивали над горнами на крюке и приводили в движение руками. Рядом с горном находилось несколько наковален разных размеров, станок для резки металла, каменное или железное корыто с водой для охлаждения горячего металла. Кузнец всегда работал с молотобойцем. По стенам кузницы висели самодельные кузнечные и слесарные инструменты: кувалды, молотки, циркули, бородки и лопаря для изготовления отверстий разных диаметров.

Обработка скотоводческого сырья. С одной из важных отраслей хозяйственной деятельности русских переселенцев были тесно связаны ремесла по переработке различных видов скотоводческого сырья—кожи, меха, шерсти.

В отличие от большинства других ремесел, навыками, связанными с обработкой кож, владели лишь специалисты, поскольку их обработка представляла сложный и трудоемкий процесс. В начале XX в. в русских поселениях, известных искусными кожевниками (Никитино, Воронцовка, Привольное), имелись специальные мастерские—«заводы», в которых обработка кож приобретала более крупные размеры. Однако технология и производственное оборудование подобных заводов ни-

чем не отличались от домашнего производства. В с. Никитино в 1913 г. насчитывалось три кожевенных завода¹⁶⁷. Эти «заводы» представляли своего рода артели ремесленников, во главе которых стоял наиболее опытный мастер, иногда из другого селения. Например, в Привольном в 1910-х годах было три завода, один из которых возглавлял мастер из Воронцовки¹⁶⁸.

Артели снимали дома с хозяйственными помещениями. Летом работы, связанные с обработкой кожи, производились во дворе, зимой—в подсобных помещениях. На дворе в хозяйственных помещениях располагались чаны для квашения и дубки. Часто двор застилал каменными плитами, на которых было удобно очищать шкуры от шерсти и мездры.

Оплата кожевников производилась по договоренности с заказчиками: деньгами, зерном, картофелем или «исполу», т. е. половина сданных заказчиком шкур шла на оплату мастерам. Заказчиками выступали не только русские крестьяне-односельчане, но и жители других русских селений, а также армяне, азербайджанцы. Например, жители с. Константиновка сдавали для обработки кожи никитинским кожевникам.

Инвентарь русских кожевников был несложным и состоял из деревянных чанов для замочки шкур, скребков, ножей, лезвий для снятия мездры и шерсти, мялок.

Вырабатывали кожу из шкур многих животных: лошади, коровы, быка, свцы, теленка. Приемы обработки различались в зависимости от назначения кож. Наиболее простым являлся процесс приготовления невыделанной кожи—«сыромятки», которая шла на изготовление конской сбруи, постромков, уздечек. Шкуры 2—3 недели квасили в чанах, наполненных густым «квасом»—раствором ржаной или ячменной муки с водой, затем удаляли шерсть остро отточенным ножом или обломком косы, для чего шкуры расстилали шерстью вверх либо на земле, либо на специальном столе, верхняя часть которого имела выгнутую форму. Затем кожу пересыпали мелкой солью и сушили мездрой вниз в течение 2—7 дней (в зависимости от погоды). Для придания мягкости кожи обрабатывали на мялке.

Процесс изготовления выделанной кожи—юхты, которая шла на изготовление обуви, являлся более

трудоемким. Шкуры предварительно мочили в воде и держали в растворе извести до тех пор, пока волос не начинал легко отделяться. Затем шерсть счищали и кожи несколько дней вымывали и выбивали на речке, чтобы очистить от щелочи. После этого кожи подвергали неоднократному дублению. В первое дубление их укладывали в чаны, наполненные раствором дубового корья на 1—2 дня, после чего кожи дважды пересыпали тонко измельченной корой дуба и держали в чанах по 2—3 недели. После дубления, продолжавшегося около полутора месяцев, кожи разглаживали, сушили, мяли. Последняя операция—чернение, для чего кожи на 3—4 дня клали в жидкий раствор ржаной муки, куда добавляли ржавчины¹⁶⁹.

С кожевенным было тесно связано и овчинное производство. Из овчины шили тулупы, шубы, рукавицы, шапки. Овчины вымачивали и очищали от мездры скребком, затем так же, как и кожи, обрабатывали раствором ржаной муки, после чего размягчали, выравнивали. В конце XIX в. русские овчинники Лори сбывали овчинные изделия в Эриванской губернии, Карсской области, зарабатывая в год до 400 руб.¹⁷⁰

Сообщение А. С. Пиралова о бытовании среди русских войлочного ремесла относится к рубежу XIX—XX вв.¹⁷¹ Хотя этот промысел был традиционным для внутренних губерний России, у переселенцев он не получил широкого распространения. Это, возможно, было связано с тем, что внутренние потребности крестьянской семьи удовлетворялись покупными войлочными изделиями, в производстве которых коренное население Закавказья достигло большого искусства.

По полевым материалам, выделкой войлоков занимались в с. Воронцовка¹⁷². Овечью шерсть мыли, расчесывали, взбивали и раскладывали ровным слоем на холсте, несколько большего размера, чем должен быть войлок. Затем холст вместе с шерстью наворачивали на деревянный вал и катали некоторое время. Затем свертывали уже без вала и вновь катали по полу, пока шерсть не скатывалась плотным слоем. Эту операцию обычно производили в бане, неоднократно поливая шерсть горячей водой. У хороших мастеров войлок получался одинаковой толщины. Из войлока

делали бурки, которые защищали путников от дождя и холода, полости, которыми накрывали повозки, сено во время ненастья.

Выработка волокна. Ткачество. Переселенцы сохранили такие же приемы обработки льна и конопли, как и на местах их прежнего поселения¹⁷³. Волокно на нательную одежду вырабатывали из стеблей льна, иногда конопли. В сентябре—октябре стебли сушили на солнце в поле в течение 3—6 недель. Высушенные стебли льна собирали в большие снопы—«связь», которые помещали в протопленные бани на одну ночь.

В Новомихайловке, Воронцовке стебли конопли не стлали, а мочили в воде в течение четырех недель, после чего высушивали на открытом воздухе. Коноплю в бане не сушили. Дальнейший процесс обработки конопли такой же, как при обработке льна. Высушенные стебли мяли деревянными мялками. Мялка представляла собой прямоугольную раму на двух ножках, внутри которой находился «язык»—подвижная деревянная часть, имеющая форму закругленного ножа, с рукоятью. Лево́й рукой женщина подкладывала под язык пучок стеблей, затем, прижимая язык к нижней раме, продавливала пучок льна через небольшую щель. Таким способом отделяли кострику от волокна. В Воскресенке мяли в ступе. Очищенные от кострики волокна разглаживали и складывали пополам—«в горсть» (с. Михайловка). В Михайловке одна горсть составляла 1—2 кг. Чтобы придать большую эластичность и мягкость волокнам, их толкли на маслобойне между двух круглых камней, приводимых в движение лошадьё. Далее волокно накладывали на большой деревянный гребень и вычесывали гребнем меньших размеров, получая кудель—волокно высокого качества и пачесы—волокно, остающееся на гребне после первого чесания. Вычесывание волокна было очень пыльной работой и обычно производилось в бане. Очищенные волокна—кудель скручивали в небольшие жгуты—«мочки», а весь процесс вычесывания получил название «мочки мыкать». За день свертывали по 100—150 мочек.

Русские Борчалинского и Казахского уездов пряли нить на самопрялке—стояке («приха-самопряха»). В

Александропольском уезде пряли с помощью веретена. Готовые нити наматывали на катушку—«выюшку». За ночь наматывали до трех выюшек, каждая по 300 граммов. Полученные нити накручивали на «мотовила»—приспособления для мотания, состоявшие из двух рам, скрепленных перпендикулярно друг к другу, вращавшихся в вертикальной плоскости вокруг стержня. На одно мотовило наматывали по две—три выюшки. Намотанные нити снимали и перевязывали в форме петли. Полученные «мотушки» укладывали в чугуны с золой и парили в печи в течение 4—6 часов, после чего выбивали вальком. Чтобы нити были ровными—«не лохматились», мотки обивали крахмалом, приготовленным из ржаной муки. Высушенные мотки разматывали на воробы, которые представляли собой крестовину из деревянных планок на стойке. На концах планок имелись штырьки. Сучением соединяли две нити в одну. Затем подготавливали нити для тканья на сновке—«сновалке», напоминавшей по форме мотовило, но больших размеров (в Михайловке каждая грань достигала 5 метров). На сновке нити, расположенные параллельно друг другу, разделялись на две группы, соответствовавшие верхней и нижней части основы. Сновалку устанавливали в комнате, укрепляя концами на полу и на поточке. Женщина держала нить в левой руке, а правой вращала сновку. Один ряд нити назывался стеной. Вертящаяся сновалка получила большое распространение среди русских Восточной Армении.

Ткали на горизонтальном стане, основными частями которого являлись набилка, берда, навои, коса, нитченки. Почти в каждом крестьянском доме имелся станок.

Домотканый холст выбеливали, для чего несколько раз мочили в реке и высушивали на солнце. Процесс изготовления холста заканчивали к началу полевых работ.

Из льна ткали полстенца—«утирки», скатерти—«столешники», «настолиники», вырабатывали ткань для одежды. Конопля шла на изготовление мешков, дорожек. Возраставшее стремление крестьянок к самостоятельным добавочным заработкам привело к ткачеству на заказ, что встречалось в с. Воронцовка (характерно,

что именно здесь были сильно развиты товарные отношения). Некоторые женщины из соседних сел отдавали волокно ткать в с. Воронцовка.

Из шерсти овец изготавливали шерстяные нитки. Прежде чем приступить к прядению, шерсть мыли, «разбивали» или раздергивали руками, пряли на прялке. Из шерстяных ниток вырабатывали дмотканое сукно на верхнюю одежду, а также вязали варежки, чулки. Последние являлись обязательной частью приданого девушки. Девушки занимались вязанием на посиделках—«сиденках», которые обычно устраивались с Покрова дня до весны в большинстве русских селений Восточной Армении.

И холсты и шерстяные изделия окрашивали в различные цвета, для чего использовали как естественные, так и покупные красители. Русские крестьянки были широко знакомы с естественными красителями, которые отличались стойкостью—не выгорали на солнце, не меняли цвет при стирке. Очень широко применяли отвары из коры дуба, который придавал изделиям различные оттенки коричневого цвета. Для окрашивания размельченную кору дуба клали в чугуи и оставляли в теплой печи на ночь. Затем отвар процеживали и в него клали холст на сутки в печь, после чего ткань полоскали в холодной воде и сушили. Светло-коричневый или желтый цвет получался от мха, который собирали («драли») с камней на речке. В начале XX в. в быт стали проникать и покупные красители¹⁷⁴.

Почти каждый русский крестьянин обладал необходимыми навыками сапожного ремесла и изготавливал повседневную обувь для членов своей семьи. Обычно этим занимался хозяин дома вместе с сыновьями в зимнее время. Праздничную обувь шили сельские мастера с помощью нехитрых инструментов: колодки, выкроек боков, подошвы, шила, иголок. Части сшивались свиными щетинами, скрепляли деревянными гвоздями—«шпильками»¹⁷⁵.

В каждом селении имелись и портные, которые шили верхнюю одежду, так как нательную одежду хозяйки обычно шили сами.

Отходничество. Кроме ремесел, дополнитель-

ным источником денежных доходов русских крестьян Восточной Армении являлось широко распространенное отходничество, вызванное ростом капиталистических отношений. В. И. Ленин писал: «...Отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает в водоворот современной общественной жизни»¹⁷⁶. Положительная роль отходничества заключалась также в том, что оно играло определенную роль в установлении тесных связей русских крестьян с коренными народами Закавказья.

Следует сразу отметить, что отходники не порывали с сельским хозяйством и участвовали в отходничестве в свободное от сельскохозяйственных работ время. Экономическое значение отходничества было различным для отдельных социальных прослоек крестьянства. Деньги, полученные от отходничества, для состоятельных крестьян являлись капиталом, для крестьян-середняков—дополнительным доходом, поддерживающим экономику двора, для бедняков—важным источником существования, поскольку сельскохозяйственный труд в этих семьях не всегда давал возможность прокормить семью.

Отходничество разделялось на несколько направлений—земледельческое, промысловое и бытовое, которые определяли половозрастной состав отходников. В отходничестве участвовали мужчины, женщины, подростки. Доля участия женщин и подростков была меньшей, чем мужчин, и участвовали они только в земледельческом и бытовом отходничестве. Как отмечал В. И. Ленин, использование женского и детского труда было присуще капиталистическому производству и связано со значительным увеличением спроса на сельскохозяйственных рабочих¹⁷⁷. Женский и детский труд применялся широко, так как оплачивался значительно меньше труда работников-мужчин.

Земледельческий промысел представлял собой отход крестьян на сельскохозяйственные работы—пахоту, косьбу сена, уборку урожая, в которых принимали участие все половозрастные группы. Разные климатические условия давали возможность русским крестьянам участвовать в земледельческих промыслах сосед-

них районов Закавказья, где урожай поспевал раньше. Жители русских селений Лори работали в немецких колониях Грузии, в которых крестьяне, имея большие посевные площади, не успевали убирать урожай. Русские Казахского уезда уходили на работы в низменные районы Азербайджана. Иногда крестьяне нанимались на работы в соседние армянские селения, нередко и к зажиточным односельчанам, что особенно практиковалось в Воронцовке и Новомихайловке, где некоторые крестьяне являлись владельцами значительных земельных наделов.

Оплата отходников производилась в денежной или натуральной (зерном) оплате. Кроме этого, хозяева кормили отходников. В начале XX в. в Новомихайловке косцам мужчинам платили 1 руб.—1 руб. 20 коп. в день. За косьбу сена на «круге»—площади в 100х100 кв. саж.—рабочим платили по 8 руб. Опытный стогомет за рабочий день получал по 1 руб. 50 коп. и хозяйские харчи. Труд женщин и подростков оплачивался дешевле. Например, за окучивание картофеля мужчине платили 50 коп., женщине—20—30 коп., подростку—20 коп. в день¹⁷⁸.

В конце XIX—начале XX вв., в связи с распространением усовершенствованных сельскохозяйственных машин, появился новый вид земледельческого промысла: состоятельные крестьяне, имевшие машины для очистки зерна, разъезжали по соседним селам и очищали зерно машиной, получая за это плату зерном—одну пятую или одну четвертую зерна¹⁷⁹.

В жизни русских крестьян Восточной Армении среди разных видов промыслового отходничества на первое место выдвигался извоз, который имел место во всех русских селениях, но особенно был распространен в Новобаязетском, Александропольском уездах и в с. Воронцовка Борчалинского уезда. В других селениях извозом занимались лишь единичные крестьяне.

Для некоторых селений занятие извозом было основным источником дохода—«от извоза возросли». Например, жители с. Семеновка, климатические условия которого были неподходящими для земледелия, «занимаются промышленностью, более извозом в разные города тяжестей и продажей досок...»¹⁸⁰. Судя по архив-

ным документам, семьи, занимавшиеся извозом, отличались большей зажиточностью. Занятие извозом предоставляло крестьянам дополнительные денежные средства, которые шли на нужды семьи.

Русские крестьяне уезжали в извоз в октябре—ноябре, после окончания полевых работ. Состоятельные крестьяне заключали договоры с армянскими и грузинскими купцами о перевозке грузов по всему Закавказью. Крестьяне победнее ограничивались преимущественно перевозкой продовольственных и фуражных товаров на небольшие расстояния. Из Новобаязета везли рыбу, хлеб, из Эривани—хлопок на железнодорожную станцию в Акстафе, из русских селений Лори—картофель, сено, пшеницу, лес.

Перевозочные средства, применявшиеся в извозе, состояли из воловьих повозок и крытых фургонов, типы которых были унаследованы из родных мест. Фургоны представляли собой четырехколесную дышловою повозку на железных осях, в которую запрягали четверку лошадей. Грузоподъемность фургонов составляла 100—150 пудов¹⁸¹. По свидетельству современников, в последней четверти XIX в. фургоны начинают проникать в среду местного населения¹⁸². В зимнее время фургоны заменялись большими санями-розвальнями. В некоторых селениях (например, Еленовке, Семеновке и др.) переселенцы заимствовали от армянских крестьян двухколесные арбы¹⁸³, которые благодаря необычайной поворотливости и устойчивости были удобны на горных, плохо устроенных дорогах, но для извоза русские их не использовали, так как грузоподъемность арб была меньше русских традиционных средств передвижения.

В жизни русских крестьян определенное место занимало обслуживание постоянных дворов, которые были в каждом русском селении, расположенном на торговых путях или почтовых трактах. Владельцами постоянных дворов являлись зажиточные крестьяне, которые закупали у крестьян сено, овес для лошадей, готовили еду для путников. Русские сектанты-извозчики предпочитали останавливаться у своих единоверцев.

Проведение Тифлиско—Карсской и Эриванской железных дорог в 1890-е годы изменило экономическое положение этих селений, так как потребность в извозе

резко упала. Русские крестьяне, «поддерживая свое существование до постройки дороги главным образом извозным промыслом, вынуждены в настоящее время этот чрезвычайно выгодный промысел совершенно бросить»¹⁸⁴. Размеры доходов, получаемых от извоза в Эриванской губернии, упали с полумиллиона рублей до 200 тыс. руб. в 1906 г. и до 100 тыс. руб. в 1910 г.¹⁸⁵ После строительства указанных железных дорог значительная часть извозчиков работала на тракте Джульфа—Тавриз в Иране.

Существовали и другие неземледельческие промыслы русских крестьян. Среди крестьян, занимавшихся отходничеством, были печники, плотники, портные, сапожники, промышлявшие своим мастерством. Зимой русские крестьяне работали на различных промышленных предприятиях в Эривани, Александрополе, Тифлисе и других городах, стараясь накопить деньги, необходимые для уплаты многочисленных податей, для содержания своей семьи. В начале XX в. крестьяне с Еленовки уходили на рудники, каменоломни, лесозаготовки, в города на фабрики¹⁸⁶. Жители села Кармалиновка занимались разработкой близлежащих торфяников¹⁸⁷.

Близость Эривани, Александрополя, Тифлиса вызвала довольно широкое развитие бытового промысла, в котором участвовали женщины и девушки. Они отправлялись в губернские, уездные города, где нанимались в прачки, домашние работницы. Нередко девочек 10—14 лет родители устраивали на зиму в няньки. Заработок их складывался из денежной суммы, питания и одежды. Деньги шли на нужды семьи, или мать откладывала их для приданого дочери. Особенно широко бытовое отходничество было распространено в сектантских селениях Эриванской губернии.

ГЛАВА III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

В Восточной Армении каждое русское селение представляло собой отдельную соседскую общину. «...Неприкосновенность старого, средневекового, наделного землевладения крестьян и их «исконной» общины,— писал В. И. Ленин,—находила себе самых горячих сторонников в командующих классах реакционной России»¹.

На новом месте поселения русский крестьянин был поставлен в те же самые «средневековые рамки», что и на своей родине. И здесь его жизнь была ограничена «замкнутым миром» своей деревни. Сельская община коллективно владела землей, периодически переделая ее по «дымам»-хозяйствам, и была связана круговой порукой в отбывании повинностей в пользу государства. Сельская община выполняла поведенческие, обрядовые, ритуальные функции, посредством которых осуществляла строгий контроль над хозяйственной и духовной жизнью каждого крестьянского хозяйства. Некоторые русские селения были созданы выходцами из одной местности или даже из одной деревни (например, Никитино и Воскресенка), и многие привычки и навыки жизни «миром» русские переселенцы сохранили и в Армении.

1. ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Особенность землевладения в Восточной Армении заключалась в том, что основная часть земель принадлежала казне и почти полностью отсутствовало помещичье землевладение. Преобладание государственных

земель облегчало процесс наделения землями русских переселенцев, хотя и здесь возникали определенные трудности в связи с тем, что почти вся пахотная земля находилась в пользовании армянских сельских общин.

Земельный надел русской сельской общины определялся, исходя из того, что каждая семья переселенцев должна была иметь 25—30 дес. удобной земли, к которой относились пашни и сенокосы. В отдельных случаях чиновники снижали эту норму до 20 дес., принимая во внимание выгодное географическое положение селения, например, в отношении с. Еленовка предполагалось выделить на каждое хозяйство по 20 дес., учитывая «удобство земли, состояние деревни на большой дороге и возможности пользоваться Гокчинским рыбным промыслом»².

В Эриванской губернии в местах поселения русских доля пахотных земель была невелика и преобладали пастбищные и неудобные земли, в связи с чем существовала определенная оценка земель по степени их пригодности для земледелия: 3 дес. неудобной земли приравнивали к 1 дес. удобной³. Семеновка выделялась среди соседних, как русских, так и армянских, селений значительной площадью земель всех категорий—2260,6 дес. (на хозяйство приходилось 44,31 дес.), но надел пахотной земли составлял всего 4,54 дес. В 1850 г. землемер Экспедиции государственных имуществ отмечал, что «...при осмотре земель, занимаемых молочанами деревни Семеновки... оказалось всей вообще земли... весьма достаточно и даже много, но вся она годна только для выгона скота и под сенокос, пахотной же весьма мало...»⁴.

Горный рельеф местности, большое количество неудобных земель (каменных осыпей, скал, лишенных почвенного покрова), соседство с угодьями армянских селений не позволяли местной администрации выделять пашни, сенокосы, пастбища в одном месте, и наделенные земли русских селений располагались на различных участках, каждый из которых имел свое название. Например, в 1910-е гг. надел с. Александровка состоял из 4-х участков: Трясуны, Шигры, Сугробы, Шиштана, с. Новый Дилижан—также из 4-х участков: Шемахинская гора, Седлистая, Аулище, Длинные за-

гоны, с. Семеновка—из 5 участков: Казачий, Гусева балка, Сухофонтанский, Лесной, Маралдан⁵.

Пахотные земли обычно располагались не очень далеко от селения—на расстоянии 2—4 верст. Исключение представляли пашни с. Семеновка, в 1910-е годы расположенные за 53 версты от села, около с. Сухой Фонтан⁶. Столь отдаленные пахотные земли были выделены семеновцам в связи с тем, что на пашнях, расположенных вблизи селения, из-за суровых климатических условий зерновые не вызревали.

Пастбища и сенокосы располагались обычно на расстоянии до 10 верст от селений.

Пашни, сенокосы, пастбища находились в коллективном владении общины. Община строго следила за сохранностью своего земельного фонда, так как государственные подати взыскивались со всей надельной земли, состоявшей во владении общины. Право на землю имели только члены общины—члены и потомки семей, учтенных местной администрацией в период наделения их землей, т. е. во время образования сельской общины.

Проживавшие в селении временно не имели права покупать землю и вообще пользоваться общинной землей. К ним относились торговцы, сапожники, пришлые из других мест крестьяне. Даже длительное проживание их в том или ином селении не давало им возможности требовать земельного надела. Например, в начале XX в. несколько семей немцев обратились с жалобой к наместнику Кавказа: «В селе Русские Джелал-оглы мы проживаем около 20 лет, а некоторые и родились тут, имеем дома и хозяйства, но мы считаемся временно проживающими и поэтому совершенно безземельны и вынуждены за пастбу нашего скота уплачивать обществу крестьян высокие цены и покупать для корма зимую сено по таким же ценам»⁷.

Продажа общинных земель была запрещена. В 1908 г. жители с. Никитино решили продать часть надельной земли крестьян, уехавших в Америку, а полученные от продажи деньги использовать на нужды общества. Об этом был составлен на сельском сходе приговор, но уездное начальство запретило продажу. На приговор была наложена резолюция: «Приговор не со-

стоялся, так как объяснено, что сельские общества не могут продавать землю, а только свободные участки сдавать в аренду»⁸.

Общинники могли распоряжаться землей только с разрешения общины, которая строго следила, чтобы общественная земля не отчуждалась. В случае переселения семьи в другое место постройки продавались только «на снос», земля же полностью поступала в распоряжение общины. Так, в 80-е годы XIX в. земельные наделы жителей сел Еленовка, Александровка, Семеновка, переехавших в Карсскую область, остались в пользовании «не отдельных домохозяев, а всего общества на общинном праве»⁹. Но уже в начале XX в. имели место случаи продажи общинных земель. Например, в 1907 г. девять хозяйств с. Кармалиновка, эмигрировав в Америку, тайно продали надельные земли армянам соседнего селения Гемур, что вызвало возмущение членов общины¹⁰.

В случае полного вымирания хозяйства пахотные и сенокосные земли передавались обществу и подлежали переделу. Дом вместе с усадьбой, скот наследовали родственники¹¹.

Первоначальный земельный фонд общины оставался неизменным, независимо от количественного роста ее членов. Поэтому одни общины раньше, другие позднее начинали испытывать недостаток в земле. Прием новых членов в общину по этой причине или не происходил вовсе, или обставлялся различными условиями. Например, в 1867 г. начальник Новобаязетского уезда сообщал эриванскому губернатору: «Общество деревни Сухой Фонтан совершенно не согласно принять в свою среду 15 семейств, просящих переселения из деревни Михайловка, потому что число переселенцев превышает ныне состоящее число дымов деревни Сухой Фонтан и вблизи той деревни свободной земли для прирезки нет»¹². В 1919 г. на сельском сходе с. Никитино было решено принять в общину нового члена—крестьянина с семьей из Карсской области и «предоставить ему, наравне с другими членами общества, в постоянное пользование надельную землю по числу имеющейся у него семьи. Причем он, Суковицын, не вправе требовать пол-

ного надела, а должен пользоваться тем участком земли, который будет ему отведен обществом»¹³.

Община была заинтересована в том, чтобы все ее члены аккуратно платили государственные подати и исправно выполняли общественные и казенные повинности, поэтому при приеме новых членов в общину на сходе обсуждалось их имущественное положение и принималось во внимание общественное поведение. Например, в 1849 г. попечитель над русскими переселенцами сообщал в Комиссию по устройству поселений в Закавказском крае, что русские общины Александропольского и Казахского уездов не согласны принять «на жителство молокана Еремея Кобзева с семейством по строптивости его, непокорности распоряжениям начальства, буйству и уклонению от всяких общественных и казенных повинностей, причем и представили мирские приговоры о сем сельских обществ деревень Нового Дилижана, Никитино, Воскресенки и сельца Головино»¹⁴.

Как говорилось выше, система наделения земель неизбежно приводила к малоземелью, которое уже с 1860-х годов начало ощущаться в русских селениях Восточной Армении и отразилось в многочисленных жалобах и прошениях русских сельских обществ в губернские правления об увеличении земельного надела. Например, в 1871 г. крестьяне с. Воскресенка обратились к эриванскому губернатору с прошением: «С 1843 г. по воле высшего начальства поселены мы были на настоящем месте... в количестве 36 дымов, с того времени число дворов в нашем селе увеличилось вдвое, так, в настоящее время считается 68 дымов, а с новошедшими в камеральное описание более 80-ти... С увеличением населения стали терпеть недостаток, особенно в пахотной земле»¹⁵.

Малоземелье послужило причиной миграций русских сначала в Карсскую область, присоединенную к Российской империи после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а затем—в Америку. За два года—1879 и 1880—из русских селений Новобаязетского, Александропольского и Нахичеванского уездов в Карсскую область переселилось 30 семей¹⁶. Миграции в Карсскую область русских из районов первоначаль-

ного поселения становятся массовыми в 1890-е годы. В 1904 г. в Карсской области проживало около 14915 русских, или 5,2% от всего количества жителей, переселившихся «преимущественно из Закавказья и только в весьма незначительном числе из внутренних губерний России»¹⁷.

С другой стороны, в ряде селений за счет надельных земель, оставшихся от переселившихся в Карсскую область и Америку членов общины, происходило некоторое увеличение земельных наделов, и даже в некоторых случаях создавался определенный излишек земли. Например, в связи с переездом в Карс нескольких семей крестьяне-молokane с. Головино Казахского уезда имели надельной земли на «дым» на 6 дес. больше нормы и не в состоянии были обработать ее, поэтому они приглашали к себе на жительство единоверцев из других мест Закавказья¹⁸.

По статистическим материалам, опубликованным в «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», земельные наделы русских крестьян в среднем существенно превосходили по своим размерам наделы армянских крестьян. Например, в селах Привольное и Новоалександровка Борчалинского уезда подушная норма надела составляла соответственно 4,6 и 4,7 дес., в то время как земельное обеспечение армянских крестьян в соседних селениях было меньше: в Уруте и Айдарбеге соответственно 3,22 и 3,48 дес. на душу. В селениях Никитино и Воскресенка Александропольского уезда на одного человека приходилось надельной земли соответственно 5,7 и 3,3 дес., а в соседнем с. Бозикенд — всего 2,1 дес.¹⁹ Земельное обеспечение русских переселенцев Восточной Армении было выше и по сравнению с южнорусскими губерниями, где в 1880-е годы крестьянский двор имел в среднем от 2 до 7—8 дес.²⁰

У русских крестьян Восточной Армении общинное землевладение, введенное с первых же лет появления русских селений и ревностно поддерживаемое государственными властями, являлось господствующей формой землевладения. В обязанности временного чиновника особых поручений входило наблюдать: «...1) чтобы раздел общинных земель производился... уравнительно; 2) что-

быть к переделу земель они (крестьяне—И. Д.) не приступали без крайней необходимости, допуская оный только в случае значительного изменения в числе ревизских душ; 3) чтобы подати, на них лежащие, были разлагаемы по земле и промыслам уравниательно»²¹. В Инструкции, определяющей обязанности временного чиновника особых поручений при эриванском губернаторе по части русских поселений, сообщалось, что в русских селениях Армении в 1849 г. существовал «принятый отдельно в каждой деревне обычай» «по внутреннему между поселянами разделу земель и пользованию оными, а также платежу податей и отбыванию (повинностей.—И. Д.)»²².

Наиболее распространено было распределение земли по хозяйствам независимо от численного состава семей. Такая система наделения существовала в большинстве русских селений еще в 80-е годы прошлого века. Например, в с. Гергеры русские семья, состоявшая из 17 душ, получала такой же земельный надел, как и семья из двух человек²³. Исключение представляли с. Привольное Борчалинского уезда и селения Казахского уезда. Так, по описанию А. М. Аргутинского, в Привольном также существовала «подымная» система распределения земли, но здесь за дым крестьяне принимали от 8 до 15 наличных душ²⁴. Семьи до 8 душ составляли 1/2 дыма, от 8 до 12—3/4 дыма, от 12 до 16 душ—1 дым, свыше 20—два дыма. Семьи из 2—4 человек принимались за 1/4 дыма. Затем подсчитывали общее число условных «дымов» и ими определяли число паев. Такое распределение земель по сравнению с вышеописанным являлось более уравнительным и было возможно лишь при наличии достаточного земельного фонда.

Несколько иным было распределение земли у крестьян Казахского уезда в первые годы поселения. Они делили пашни и сенокосы на каждую душу мужского пола независимо от возраста. Однако к 80-м годам такая система переделов сохранилась лишь в отношении сенокосов. При распределении пахотной земли учитывалась экономическая платежеспособность хозяйства. Вся пахотная земля делилась на «части». Одна часть приходилась на определенное число мужчин-ра-

ботников и количество рогатого скота. Каждое хозяйство получало столько земли, сколько было в хозяйстве мужчин и скота. Так, в с. Новый Дилижан из 40 семейств, постоянно живущих в селении, четыре дыма имели по четыре части, 10 дымов—по три части, 16 дымов—по две части, два дыма—по 1½ части и 8 дымов—по 1 части. Таким образом, вся пахотная земля делилась на 89 частей. Русские, по наблюдениям А. Д. Ерицова, ежегодно устраивали жеребьевку участков²⁵.

В 1882 г. эриванский губернатор, находя, что существовавшие системы переделов земель явились причиной неравномерного распределения земли и способствовали сосредоточению ее в руках зажиточных крестьян, дал указание перейти к подушному распределению земель²⁶. В 1898 г., занимаясь вопросом поземельного устройства государственных крестьян Закавказского края, власти отмечали, что как наделение землями по численности мужского пола, так и «подымное» наделение «не может выражать действительной потребности в земле крестьянской семьи... Наиболее отвечающим требованиям справедливости и потребности крестьянской семьи в земельном обеспечении представляется способ наделения землею по числу в дыме душ обоего пола»²⁷.

В конце XIX—начале XX вв. во всех русских селениях Восточной Армении стали производить подушное наделение землей—«по едокам». На мужчину и женщину выделяли одинаковое количество земли. Однако необходимо отметить, что в отношении русских селений Новобаязетского уезда нами выявлены некоторые несоответствия в архивных и полевых материалах. По материалам агрономического обследования 1913 г., в русских селениях Новобаязетского уезда на мужчину выделяли одну разверсточную единицу, на женщину—половину²⁸. Однако по полевым материалам в сельских общинах этого уезда имел место равный принцип наделения землей: на мужчину и женщину полагалось одинаковое количество земли и надел крестьянской семьи исчислялся, исходя из численности семьи²⁹. Подобное несоответствие можно объяснить, на наш взгляд, тем, что в сельских общинах, где площадь пахотных земель это позволяла, крестьяне не придержи-

живались установок, даваемых местными властями, и лица мужского и женского пола наделялись равным количеством земли.

Переделы общинных земель повторялись через определенный промежуток времени по требованию крестьян. Сроки переделов были различными. В конце прошлого века в Привольном переделы совершались каждые три—пять лет. При широко распространенной здесь трехпольной системе земледелия в передел включались все три поля: яровое поле—весной, пар переделывали в Петров день—перед посевом озимых культур, поля, засеянные озимыми культурами, поступали в передел на следующий год весной³⁰. В других селениях Борчалинского уезда земли разного качества переделывали в различные сроки: земли хорошего качества—через три года, среднего—через пять лет, плохого (заросшие кустарником)—через восемь лет. Такие же сроки переделов сохранялись и в первые десятилетия XX в.³¹

В 1910-е годы в селениях Еленовка, Семеновка, Александровка (Новобаязетский уезд), Воскресенка (Александропольский уезд) переделы пахотных земель производились через шесть лет, в Никитино (Александропольский уезд)—через восемь лет, в Новониколаевке (Эриванский уезд)—через 12 лет, в Новом Дилижане (Казахский уезд)—через десять лет³².

Таким образом, рассмотрев сроки переделов общинных земель в русских общинах Армении, можно сделать вывод, что наиболее короткими они были в селениях Борчалинского уезда. Хорошее качество земли (преимущественно черноземные почвы), близость Тифлиса как главного рынка сбыта способствовали тому, что в данном уезде земледелие достигло высокого уровня развития и к концу XIX в. приняло товарный характер. С развитием товарно-денежных отношений росло стремление крестьян к уравниванию наделов путем частых переделов. В других уездах, имевших менее плодородные почвы, русские крестьяне устанавливали более длительные сроки переделов, пока полностью не окупались затраты на обработку земель, особенно значительные в первые годы. Нередко за это время крестьяне расширяли свой надел, расчищая землю от кустарника. Таким образом, продолжительные

сроки передела были выгодны крестьянам этих районов.

В отдельных селениях, где сроки между переделами были длительными, производились частичные переделы. По решению сельского схода общество отбирало часть надела у тех хозяйств, где произошло уменьшение состава семьи, и передавало в те хозяйства, где увеличилось количество членов. Частичные переделы устанавливали соответствие земельных участков с наличным составом отдельных семей и возникли в условиях ограниченного количества годных к хозяйственному освоению угодий. Например, в 1900-е годы в с. Сухой Фонтан, где срок передела был 12 лет, частичные переделы происходили через каждые три года³³.

Характерным для всех русских селений Закавказья, по сообщению И. Л. Сегалю, являлось то, что иногда переделы общинных земель совершались раньше установленного срока, например, в случае постоянных плохих урожаев в первые два—три года после передела: «...плохой урожай, повторяясь подряд два—три года, заметно отражается вредно на экономическом положении тех домохозяев, на долю которых выпали сравнительно недоброкачественные участки земли»³⁴.

Для передела земель сельский сход выбирал 8—10 крестьян—«дельщиков». Эти крестьяне пользовались большим уважением в общине. В одном из приговоров Никитинского сельского общества среди подписей односельчан были особо выделены «дельщики общественной земли»³⁵. Дельщики под наблюдением старшины составляли предварительный план передела земель: подсчитывали количество душ в селении, делили землю на участки, используя природные разделительные рубежи: овраги, дороги, ручьи. Вся пахотная земля в соответствии с ее качеством и расстоянием от селения делилась на несколько участков. Каждый из них делился на «пан», размер которых зависел от числа наделных единиц крестьянского хозяйства. Такая система распределения земель порождала раздробленность крестьянского надела и затрудняла уход за полями.

На время дележа крестьяне группировались партиями («десятки» в Новом Дилижане, «колы» в Михайловке) по 25—30 человек. В некоторых селениях

группы были большими: в Никитино—по 50 человек, в Михайловке—по 60 человек³⁶. Из группы выбирали старшего—уважаемого и опытного человека, и жеребьевкой определяли участок для каждой группы. Полученную по жребию землю делили между членами группы по числу паев—надельных единиц крестьянского хозяйства. Крестьяне каждой партии отправлялись в поле и с помощью веревки или шагами отмеряли участки земли по числу входящих в группу пайщиков.

Объединение в группы происходило по собственному желанию общинников. Крестьяне старались выбрать соседями по участку или родственников, или родных соседей, которые могли помочь и в пахоте, и в уборке урожая. С такими соседями можно было сообща очистить участок от камней, кустарника. Такие группы могли существовать продолжительное время и представляли собой небольшие коллективы, члены которых были связаны территориальной общностью наделов и отстаивали интересы своей группы.

Интересно, что общинные порядки эксплуатации земли сохранялись и у крестьян—жителей Воронцовки и Новомихайловки, которые были земельными собственниками. Воронцовские крестьяне первоначально арендовали земли у князей Орбеллани, а в 1870 г. они купили у них 7000 дес. пахотных и пастбищных земель и 1000 дес. леса, причем за все 8000 дес. с помощью казенной субсидии заплатили 56000 руб., т. е. по 7 руб. за десятину. В 1882 г. 59 семейств воронцовских крестьян купили у кн. Вахтанга Орбеллани еще 3311 дес. 650 кв. саж. сенокосных, пастбищных и пахотных земель, за которые заплатили 32980 руб. (по 16 руб. за дес.), а в конце 80-х годов воронцовцами было куплено еще 3000 дес.³⁷

Таким образом, в 90-е годы XIX в. вся собственная земля воронцовских крестьян делилась на три участка. В покупке первого участка принимали участие 196 хозяйств. Каждое хозяйство внесло деньги в зависимости от числа мужчин в семье. На душу мужского пола пришлось по 12 дес. Разное качество земли приводило к тому, что передел этого участка проводился через каждые два года, причем каждая семья получала то количество земли, которое приходилось ей при покупке. В

покупке двух других участков общей площадью 6622 дес. хозяйства участвовали по состоянию, в зависимости от экономических возможностей, от степени его зажиточности. Эти участки также поступали в передел, по которому хозяйства получали оплаченный при покупке надел. При распределении сообща купленных земель применялась жеребьевка³⁸.

Такое своеобразное владение собственными землями было вызвано тем, что землю покупал не каждый крестьянин отдельно, а все селение в целом. В данном случае община выступала как коллективный собственник. Такое пользование земель в Воронцовке препятствовало продаже участка его владельцем, но имели место случаи покупки земли родственниками или единовверцами, поскольку община строго подходила к приему новых членов в общину. По такому же принципу происходило распределение сообща купленных земель и в с. Новомихайловка.

В русских селениях Армении, кроме Воронцовки и Новомихайловки, сенокосные земли поступали в передел ежегодно, причем принималась во внимание урожайность участка, так что площади покосов могли быть различны, но количество сена, собираемого с них, было приблизительно одинаково. Поэтому к переделу сенокосов приступали в июле, когда наступало время косить траву. В 80-е годы XIX в. в Михайловке покосы делились на круги—«круговая десятина» (10000 кв. саж.), которые в свою очередь распределялись по числу душ мужского пола. Размеры участка устанавливали шагами или с помощью веревки. В других селениях Казахского уезда ежегодный дележ покосов производился только с помощью веревки, что было, по мнению А. Д. Ерицова, привнесено русскими переселенцами и воспринято армянами³⁹. Техника переделов покоса была такой же, как и пашни.

Как правило, каждое селение в пределах границ своих земель имело пастбище, пользоваться которым разрешалось только местным жителям. Община охраняла свои пастбища, не допуская, чтобы там пасся скот соседних деревень. Исключением был только тот случай, если соседнее селение арендовало это пастбище.

Деньги, вырученные от аренды, поступали в общинную кассу и должны были использоваться на общие нужды.

В Воронцовке пастбищные земли, как и пахотные, были куплены крестьянами сообща. Каждый крестьянин выпасал на пастбище определенное количество голов скота в зависимости от суммы денег, внесенных при покупке участка. Крестьянин, имевший 100 дес. собственной земли, мог выпастить на пастбище 48 голов крупного скота (три овцы считались за одну голову крупного скота). Если крестьянин имел много скота, а собственной земли недостаточно, то он вступал в соглашение с соседом, у которого, наоборот, земли было много, а скота мало, платил ему определенную сумму и выпускал свой скот на коллективное пастбище⁴⁰.

Усадебные и огородные земли считались также общинными, но были изъяты из общинного пользования и перешли в подворно-наследственное владение. На каждую усадьбу отводилась определенная мера земли: в Еленовке—10 саж. ширины и до 3-х длины, в Семёновке—на 69 хозяйств приходилось 130 кв. саж. усадебной земли⁴¹.

В Армении, сравнительно бедной лесами, последние находились или в частном владении, или из них были образованы казенные лесные дачи, откуда лес на хозяйственные нужды крестьяне получали за определенную плату.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩИННОЙ ЖИЗНИ

Сельская община представляла собой не только коллектив людей, связанных общностью территории поселения, она являлась и определенной формой социальной организации. Связанный общим землевладением и круговой порукой в выплате податей, крестьянский коллектив являлся, как правило, и самой мелкой самоуправляющейся единицей—«сельским обществом», «миром». Юридически каждая община могла совершенно самостоятельно решать свои внутренние дела, но практически вся деятельность общины находилась под пристальным вниманием уездного начальства. Надельное землевладение, писал В. И. Ленин, «отражает на себе вековую историю беспардонного вмешательства в

крестьянские поземельные отношения и центральной власти и местных властей»⁴².

Среди русских переселенцев Армении также было общинное самоуправление. Все важные вопросы общественной жизни решались сходом, во главе которого стоял старшина. Старшина возглавлял определенный управленческий аппарат общины. Кроме помощника—«кандидата», под началом старшины находились писарь, общественный сборщик податей и общественный рассыльный. Писарь вел книги решений сельского схода—мирских приговоров, расходные и приходные книги. Старшина и писарь получали ежегодное жалование из общественных денег.

Старшина выбирался на три года. Иногда срок полномочий старшины продлевали, в отдельных случаях сход мог сместить старшину до истечения срока. Старшина осуществлял исполнительную власть. В его обязанности входило наблюдение за нравственным поведением членов общины.

Обычно старшину выбирали из среды зажиточных сельчан и все решения сельского схода, как правило, принимались в их интересах. Это явление красноречиво охарактеризовано В. И. Лениным: «...Сила «экономически сильного» в том, между прочим, и состоит, что он держит в своих руках политическую власть. Без нее он не мог бы удержать своего экономического господства»⁴³.

В сектантских селениях Армении духовные наставники, нередко будучи весьма богатыми общинниками, подчиняли себе не только религиозную жизнь общины, но фактически подменяли в ней власть гражданскую, полицейскую. Так, в 1900-е годы в Воронцовке большим авторитетом на сельском сходе пользовался состоятельный крестьянин Степан Жабин. Он одновременно являлся «старшим» пресвитером, законоучителем и смотрителем местной двухклассной школы⁴⁴.

Правом решающего голоса на сходе пользовались главы хозяйств. Сход собирался не реже одного раза в месяц. Решения схода являлись действительными, если на нем присутствовало не менее 2/3 домохозяев.

Сельский сход занимался решением различных вопросов: приемом новых членов в общину, наделением

крестьян землей, установлением сроков передела земли, строительством дорог, сдачей в аренду земель, сбором денежных средств на общественные нужды, организацией хлебных магазинов, разрешением семейных споров, назначением опекунов над сиротами и т. д.

Сдача общинных земель в аренду происходила с ведома и разрешения общины. В мирском приговоре Никитинского сельского общества (1908 г.) сообщалось, что «по общему единогласию отдали с аукционного торга в аренду находящиеся свободными общественные наделы с пахотными и сенокосными паями... Внос денег в два раза—в январе и в начале кошения травы полностью и без отговору»⁴⁵.

Сельский сход отводил место под усадьбу—«поместье» отделившимся крестьянам, причем если это «поместье» в течение трех лет не застраивалось, то общество было вправе передать этот участок другому лицу.

Лица, формально числившиеся в селении, однако фактически имевшие занятия или промыслы в других местах, лишались наделов, но в случае возвращения их в селение общество обязано было немедленно наделить их землей⁴⁶.

Сельский сход обладал большой силой и порой выказывал «полное пренебрежение» к решениям вышестоящих органов, даже Эриванской казенной палаты, особенно когда вопрос касался земли и, следовательно, затрагивал интересы всех крестьян.

С 1907 г. в течение 5 лет добивался земельного надела крестьянин Е. Милосердов, переселившийся из с. Новониколаевка с семьей в 8 человек «как примак» к тестю в общество с. Сухой Фонтан. Лишь только после того, как в 1912 г. в Сенате была рассмотрена жалоба Е. Милосердова и дано указание на выделение ему земли, общество причислило крестьянина с семьей⁴⁷.

На сельском сходе решались вопросы о найме пастухов и полевых сторожей⁴⁸, внутренней охране имущества сельчан от возможных «разбойных нападений» извне. Все взрослые мужчины селения должны были по очереди вместе с пастухами выпасать скот⁴⁹.

В ведении сельского схода находилось содержание

сельских училищ. Например, в 1919 г. в с. Никитино на сходе были рассмотрены следующие вопросы: «1) обложение под содержание училища; 2) ремонт училища; 3) приобретение учебников и тетрадей; 4) о начале занятий; 5) о родительском совете». Вопрос о содержании училища был решен следующим образом: «все учащиеся, за исключением неимущих, должны быть обложены налогом по полпуда картофеля с каждого. Картофель должен быть собран членами родительского совета, продан, а вырученная сумма внесена в казначейство»⁵⁰. Ввиду большого количества учащихся сход решил пригласить в училище третьего учителя и содержать его на общественные средства.

На сельском сходе решался вопрос об опеке над детьми, оставшимися без родителей. Опекуна назначали над сиротами не только в том случае, если у детей не было родственников или вдова выходила замуж, но и тогда, когда дети оставались жить в большой семье с дедом, другими близкими родственниками. Глава семьи производил выдел имущества на покойного. Сельский старшина вместе с выборными учетчиками составлял опись имущества сирот, оставшихся после смерти отца, и сдавал его опекуну. Часто имущество продавали с торгов, а вырученные деньги выдавали крестьянам в виде ссуды, под проценты. Опекуном назначали «благонадежного» человека, который должен был в конце года давать сельскому сходу отчет в своих действиях по опеке над имуществом и по воспитанию сирот. В 1919 г. никитинский житель П. И. Аринин выделил из имущества часть «следующей умершему его сыну Василию, ныне преходящей его внукам, детям Василия». Семья была зажиточная, и трое детей-сирот получили две коровы, теленка, бычка, лошадь, повозку—«бричку» и ковер. Имущество было продано за 2493 руб., и деньги переданы опекуну—брату покойного. В случае необходимости ему предоставлялось право тратить деньги на сирот, но с непременным условием—предъявлять сельскому сходу оправдательные документы⁵¹.

Сельское общество следило за тем, чтобы сиротские деньги, отданные в ссуду, возвращались опекунам вовремя, в противном случае, по решению сельского схода, старшина принимал строгие меры. В 1890 г. в с. Ни-

китино крестьянин И. С. Чичев не вернул около 300 руб. сиротских денег и на часть его имущества (фургон с тремя лошадьми, двух коров, двух телок) был наложен секвестр. Это имущество было оставлено нерадивому должнику «для прокормления и содержания себя с его семейством, так и равно на уплату им вышеупомянутого его долга сиротских денег» и взята подписка, что «оное имущество он обязывается не продавать и не закладывать в другие руки без согласия на то общества»⁵².

Сельская община заботилась о внешнем виде, благоустройстве своего селения, и сельский сход выбирал 2—3 человек, которые должны были следить за чистотой в селении и применять «энергичные меры» к нерадивым хозяевам. Каждое утро после выгона скота в поле крестьяне должны были подмести улицу возле своих домов⁵³. По свидетельству современников, внешний вид русских поселений привлекал чистотой и аккуратностью⁵⁴.

Община располагала денежными средствами, которые складывались из арендной платы за общинные земли, из доходов за сдачу в наем помещений под магазины, лавки, платы с проживающих в селении иногородних торговцев, сапожников, различных пошлин и т. п. Например, в с. Никитино с торговцев «горячими напитками и мелочным товаром» за 1890 г. было получено 300 руб., в Привольном в 1890 г. община получила с владельца трактира—«духана» 1190 руб., с хозяина лавки—150 руб.⁵⁵. В православных селениях доходы общины пополнялись за счет устройства ярмарок в престольные праздники. Доходы общин составляли и штрафы за невыполнение общинниками решений сельского схода. В 1919 г. в Никитино сельский сход постановил: с общинника, уклонившегося от участия в охране скота, взыскивать штраф в размере 100 руб.⁵⁶.

В случае, если общественных денег не хватало, прибегали к дополнительным сборам, распределяя необходимую сумму по числу распаханых десятин или «по числу едоков», или по количеству скота, имевшегося в хозяйстве. Например, в 1908 г. в Никитино необходимые 446 руб. 40 коп. распределили следующим образом: «первую половину должны уплачивать с коли-

чества скота, имеющегося у каждого хозяина, полагая по 19 коп. за каждую скотину, а именно: с рогатого скота, баранов и лошадей без сосунов, а вторую половину по числу душ, по 31 коп. за душу, коним пользуется каждый домохозяин за исключением судебных душ..., а у кого скота нет, то с количества душ по 19 коп.»⁵⁷. Дополнительные доходы обществу составляли и внеочередные поставки проходящим войскам топлива, сена, штрафы за потраву полей.

Кроме вышеуказанного, общинный бюджет складывался и из продовольственных и сиротских денег. Для податных сословий, согласно циркуляру главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 5 декабря 1883 г., в 1884 г. были созданы хлебные магазины и продовольственный капитал, цель которых заключалась в избавлении сельского населения от последствий неурожаев, периодически имевших место в Закавказье. Хлебные магазины были созданы в каждом селении, куда от каждого хозяйства сдавалось по 32 пуда зерна в течение 16 лет. Несостоятельные крестьяне, чтобы выплатить взнос в хлебный магазин, обращались к зажиточным крестьянам. В продовольственный капитал поступало по 1 руб. 44 коп. в течение того же периода с каждого дыма. Поскольку Эриванская губерния производила небольшое количество зерна, хлебные магазины были постепенно упразднены и заменены «продовольственным капиталом». В декабре 1886 г. Совет главноначальствующего выработал правила устройства народного продовольствия на Кавказе, по которым для всего податного населения устанавливался один общий денежный сбор в размере 15 коп. с дыма в течение 10 лет для обращения 1/3 в общий продовольственный капитал империи, а остальные 2/3 — в губернский продовольственный капитал⁵⁸.

Сиротский капитал шел на малолетних сирот, находившихся под опекой до совершеннолетия.

Общинные деньги расходовались на разнообразные нужды. Вот, например, данные о расходовании 300 руб. общинных денег Никитинским сельским обществом за 1890 г.: старшине было выдано 30 руб. на поездку в г. Александрополь по делам общины, писарю — 160 руб.,

за наем квартиры под помещение сельского управления—20 руб., общественному рассыльному—30 руб., на покупку канцелярских товаров—25 руб., отопление, освещение—30 руб., наем лошадей—5 руб.⁵⁹

Сельская община отвечала круговой порукой за каждого из своих членов в исправном отбывании казенных, земских и общественных повинностей. Принятое в 1844 г. новое податное обложение устанавливало для государственных крестьян Эриванской губернии семь окладов, в зависимости от земельного обеспечения и плодородия почв. Этот порядок обложения сохранился в основном без изменений до начала XX в. За единицу обложения был принят «дым»—хозяйство. Подати и повинности государственных крестьян состояли из государственных (казенных) и общественных (мирских). К первой группе принадлежали подымная и поземельная подати, равно как и земский сбор, а ко второй—все прочие сборы, предназначенные для удовлетворения нужд сельских обществ.

Подымную подать, введенную в 1840-х гг., отбывало все трудовое сельское население. При установлении размеров подымной подати игнорировались не только степень земельной обеспеченности крестьян, но и почвенно-климатические и географические условия⁶⁰. Поземельная подать взималась только с тех государственных крестьян и их обществ, которые сверх отведенной общине земли пользовались дополнительными наделами из казенного фонда.

Земской сбор распадался на две части—на государственный и губернский. До 50-х годов XIX в. оклады земского сбора являлись постоянными. С середины XIX в. по решению администрации величина земского сбора стала изменяться. В 1850 г. подымный налог в Воскресенке составлял 3 руб., Никитино—4 руб., Еленовке, Константиновке—6 руб. серебром в год с дыма. Размер земской повинности достиг 3 руб. с семьи⁶¹.

Крестьяне отбывали земскую повинность не только деньгами, но и натурой. В отчете эриванского губернатора говорится, что с крестьян губернии в 1861 г. было взыскано деньгами 53379 руб. 14,5 коп. серебром; кроме того, те же крестьяне отбывали в 1861 г. земскую

повинность натурой: «Натуральные земские повинности в Эриванской губернии трех родов: 1) выставка карательных людей, называемых чапарами, для конвоирования почт и проезжающих по почтовым трактам, а также для охранения безопасности жителей от грабежа и разбоев, внутри уездов—по проселкам; 2) наряды рабочих для исправления дорог, мостов, мостиков, расчистки и исправления водопроводных канав; 3) выставка арб, лошадей и мулов для перевозки тяжестей присутственных мест, госпиталя, при переходе и возвращении оных с летнего пребывания»⁶². Наряды производились посредством уравнильных раскладок через уездных начальников и с утверждения губернского начальства.

В селениях, расположенных в лесных районах, для крестьян была введена лесная повинность—очистка леса от сучьяка, вырубка леса. За эти работы крестьяне получали бесплатно лес. Обычно выполнение натуральных повинностей происходило именно в самый разгар сельскохозяйственных работ. Тяжесть натуральных повинностей усиливалась в результате необычайного произвола со стороны сельской и уездной администрации.

Особенно тяжелой являлась подводная повинность. В первые годы жизни в Армении русские уклонялись от личного исполнения этой повинности. Они собирали деньги на наем подвод и рабочих для выполнения строительных работ. В 1851 г. вышло постановление эриванского губернатора с указанием, чтобы крестьяне отбывали эти повинности «в натуре каждый дым поочередно»⁶³. Жители селений Воронцовка, Привольное, Гергеры, Воскресенка, Никитино были обременены перевозом провiantа, дров, сена для воинских частей, расположенных по соседству с ними. Каждый общинник должен был участвовать в дорожных работах.

Введение в конце XIX в. подушного наделения земель вызвало замену подымной податной системы поземельным обложением. По закону от 12 июня 1900 г. отменялись подымная и поземельная подати, вместо них вводились государственная оброчная подать и государственный поземельный налог. Первой из них облагались казенные земли, находившиеся в постоянном пользовании поселян, а вторым—все прочие категории

земель (монастырские, частные и т. д.). Общие суммы государственной оброчной подати и поземельного налога устанавливались законодательным порядком на каждое трехлетие, начиная с 1 января 1901 г. для каждой губернии Закавказского края.

Изменению подвергались и порядки взимания земских сборов. Отныне их суммы должны были исчисляться не по количеству дымов, привлеченных к обложению, а по площади и производительности земель, имевшихся в их распоряжении⁶⁴.

Хотя равномерность в распределении налогов не была достигнута, но, тем не менее, новая податная система была более прогрессивной по сравнению с подымным порядком обложения, совершенно игнорировавшим материальные возможности крестьян.

Подушное наделение земель не обеспечивало нормального поступления налогов. Некоторые семьи, в которых было мало взрослых работников и большое количество едоков, становились недомщиками, и чтобы выйти из создавшегося положения, были вынуждены часть надела отдавать в аренду состоятельным односельчанам.

При существовавшей в общине круговой поруке мир в целом отвечал за исправность поступления платежей каждого общинника. Круговая порука была выгодна государству, так как она могла обеспечить и обеспечивала более или менее постоянное поступление доходов в казну. В платежах налогов круговая порука обуславливала такую паспортную систему, при которой выдача документов для временного выбытия из селения, чаще всего для ухода на заработки, зависела от согласия членов общества, имевшего право вызывать на место постоянного жительства любого своего однообщинника.

Роль общины как организации, связанной круговой порукой, явственно проявлялась во время переселения крестьян из одной деревни в другую, когда на переезд отдельной семьи община должна была дать свое согласие⁶⁵. Существовало даже положение, по которому крестьяне, желавшие переселиться на другое место жительства, должны были иметь два свидетельства: одно от общества, где они жили, дающего согласие на их

уход, другое—от общества, к которому они собирались прописаться, с согласием их принять.

3. ФОРМЫ ОБЩИННОЙ И СОСЕДСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

Для общинной организации русских крестьян Восточной Армении были характерны различные формы коллективного труда и взаимопомощи, применявшиеся при сельскохозяйственных и домашних работах, при отбывании мирских повинностей.

С хозяйственной и внутриобщинной жизнью крестьян был неразрывно связан обычай помочей, который включал в себя черты хозяйственно-трудового, бытового, праздничного характера⁶⁵.

Помочи представляли собой бесплатную помощь крестьян своему односельчанину в различных работах: доставке леса для построек, строительстве дома, пахоте, жатве, молотье, сенокосе, домашних делах⁶⁷.

Общинный характер помочей наиболее ярко проявился в помочах, которые организовывали по решению сельского схода, что было вызвано заботой общины о платежеспособности своих общинников. Помочи по решению схода являлись мерой исключительной и предоставлялись семьям, оставшимся без кормильца, многодетным, в которых не хватало рабочих рук, погорельцам. Обычно оказывали помощь в сельскохозяйственных работах, при строительстве дома. Общинники являлись на работы со своими орудиями труда, лошадьми. В данном виде помочи угощение не являлось обязательным, и каждый участник приносил еду с собой.

Общинный характер носили помочи, представлявшие поочередную помощь каждому из участников по определенному виду работ. При посадке, уборке картофеля с больших площадей несколько семей объединялись и по очереди выполняли эти работы в каждом хозяйстве. Но наиболее часто этот вид помочи встречался среди женской части общины при обработке льна, прядении, рубке капусты, солении гусей. Хозяйка дома приглашала сама или посылала кого-либо из детей к родственникам, соседям, подругам дочерей с приглашением прийти к ней в назначенный день на работу. Собиралось до 50 человек. Обычно этот состав работниц

сохранялся в течение всего периода работ. Продолжительность работы была постоянной—1 день. Время начала помочей определялось характером и количеством работы, которую предстояло выполнить. На рубку капусты, выбивание семечек, соленье гусей собирались чаще с утра или днем—женщины, девушки, парни. Работники приходили со своими сечками, ножами.

Для обработки льна, прядения собирались обычно к вечеру и работали всю ночь с перерывом на ужин, которым угощали хозяева. Иногда угощение устраивали после завершения работы. По окончании работ нередко устраивались танцы и игры. Следует отметить, что и во время работы часто звучали песни, шутки, затевались игры. Информаторы вспоминают о помочах как о веселом времяпрепровождении, сопровождаемом шутками, шалостями, песнями, которого с нетерпением ожидали крестьяне.

Поздним типом являлись помочи, устраиваемые по инициативе одного хозяина, который приглашал соседей, родственников на заготовку дров, строительство дома, иногда для завершения жатвы, молотбы. Подобные помочи мог организовать любой член общины, если его хозяйству требовалось больше, чем он имел, рабочей силы. Эти помочи, как отмечает М. М. Громыко, «с общиной как таковой не имеют прямой связи. Общинными они являются лишь генетически и по социально-психологической своей основе»⁶⁸. Обязательным в них являлось угощение работников со стороны хозяина. Экономически проведение помочей было выгодным, так как стоимость угощения никогда не превышала стоимости произведенной работы. Этот тип помочей уже в конце XIX в. сделался замаскированной формой эксплуатации рядовых общинников со стороны кулачества: под видом старого обычая зажиточные хозяйства пользовались почти даровым трудом своих односельчан. Богатый чаще нуждался в помочи и в значительно большем числе помощников, нежели бедный крестьянин, ибо у состоятельного крестьянина и земли, и построек было несравненно больше. Помимо этого, бедные члены общины, будучи в сильной экономической зависимости от зажиточных крестьян, не в состоя-

нии были отказаться от участия в помочах, иногда даже в ущерб своему хозяйству.

В целом можно отметить, что для всех типов помочей степень обязательности участия в работах была высокой в силу определенных этнических представлений и норм, сложившихся вокруг этого обычая и поддерживаемых общественным мнением общины.

Своеобразную форму приняли помочи у молокан с. Воронцовка, где крестьяне помогали бедным односельчанам не собственным участием в работах, а деньгами⁶⁹.

Другим видом коллективной работы являлась «супряга» — соединение рабочей силы, тяглового скота и инвентаря. Супряга особенно широко была распространена в XIX в., когда крестьяне пахали тяжелыми деревянными плугами, требовавшими большого количества тяглового скота: 4—5 пар волов, которые не всегда были в одном крестьянском хозяйстве. Кроме того, постепенный распад больших семей приводил к уменьшению числа рабочих рук в семье, что также вынуждало крестьян прибегать к супряге.

Супряга существовала только на время исполнения данной работы и после завершения пахоты распадалась. Обычно в супряги объединялись хозяйства примерно равного достатка, как родственники, так и соседи. Одни хозяева выставляли рабочий скот, другие — плуг, третьи участвовали своим трудом в качестве пахарей или погонщиков. Иногда состав супряги сохранялся в течение ряда лет. В Борчалинском уезде временами подобные товарищества, закончив пахоту своих наделных земель, нанимались на работу к состоятельным крестьянам и за вспашку десятины получали в среднем 8 руб. (1890-е годы)⁷⁰.

В среде русского крестьянства в системе расчета супряжников ярко прослеживались коллективистские тенденции, особенно усиливавшиеся в условиях иноэтнического окружения: «Если я не помогу соседу, то кто поможет!» Среди членов супряги некоторой привилегией пользовался лишь владелец плуга, надел которого пахали в первую очередь. За ремонт плуга, упряжи, подковку лошадей все участники супряги платили поровну.

В начале XX в. с широким распространением лег-

ких железных плугов необходимость в супряге уменьшилась.

В материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. имеются сведения, согласно которым отдельные хозяева сообща покупали дорогостоящие орудия—плуги, сеялки, жнейки и по очереди пользовались ими или производили полевые работы совместно: сначала у одного хозяина, затем у другого⁷¹.

В некоторых случаях отношения соседской взаимопомощи перерастали в арендные отношения. Например, крестьяне, не имевшие молотилок, брали их у зажиточных соседей за определенную плату⁷².

В начале XX в. среди русских крестьян Восточной Армении существовали разнообразные общества, товарищества, артели по переработке и сбыту молочных продуктов⁷³. Входившие в такие товарищества хозяйства все полученное от своих коров молоко относили по очереди к одной хозяйке, которая из этого молока изготовляла для себя сыр, масло и другие продукты. На следующий день все собранное молоко относилось к другой участнице товарищества и т. д.

С начала XX в. товарищества уступили место молочным артелям, где производство продуктов было поставлено на более высокий технический уровень. Члены артели, крестьяне одного селения, сообща покупали маслобойки, центрифуги, арендовали помещения, приглашали мастеров. Так, в 1909 г. был организован молочный завод в Воронцовке при участии 29 хозяйств, имевших в совокупности 350 дойных коров. В 1910 г. число членов увеличилось до 50 чел. с 750 коровами. В 1909 г. заводом было переработано 5500 ц молока, в 1914 г.—5970 ц. С 1913 г. молочные артели возникли в Александропольском уезде (селения Воскресенка, Никитино). В 1913 г. в Никитино число членов артели составляло 25 человек, в 1914 г.—75 человек при 110 хозяйствах в селе. В Воскресенке из 105 хозяйств 24 входили в состав артели⁷⁴.

Каждый день артельщики сдавали молоко с учетом его количества, ибо в зависимости от него они получали сыр, масло, с вычетом на аренду помещения, оплату мастеров, амортизацию оборудования. Существовал и другой способ получения доходов артельщиками. Мо-

лочные продукты продавались в Тифлисе, на местных рынках Дилижана, Каракилиса и на деньги, полученные от продажи продуктов, покупали мануфактурные товары и ими расплачивались с членами артели⁷⁵. Несмотря на внешнее равенство, в молочных артелях существовало право сильного, самого богатого. Фактически порядки в этих объединениях устанавливал «домовитый» хозяин. Артели были организованы на капиталистической основе, что свидетельствовало о разложении сельской общины.

4. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ

Сельская община русских крестьян Восточной Армении регулировала многие стороны не только хозяйственной, но и общественной и ритуально-обрядовой жизни⁷⁶. Большую роль играла сельская община и в проведении традиционных праздников, имевших важную социально-коммуникативную функцию. На сельских праздничных сборах происходил активный взаимобмен различной информацией, скреплялась идеологическая общность общины, прививались этические нормы и эстетические вкусы, создавалась атмосфера радости. Крестьянская традиционная психология не позволяла нарушать предписанные время и ход праздников, ибо с этим, якобы, связывалось благосостояние всего коллектива общины, обстоятельство, которое способствовало живучести многих обычаев и обрядов среди переселенцев Восточной Армении.

Следует отметить, что разнородность религиозных направлений наложила свой отпечаток на виды и характер празднеств.

Праздники, отмечаемые русскими переселенцами-сектантами, были немногочисленны, носили ярко выраженный религиозный характер. В такие дни собирались в молитвенных домах, где читали отрывки из священного писания, пели псалмы на мотивы русских старинных песен⁷⁷. По сравнению с русскими православного вероисповедания у сектантов наблюдалось резкое сокращение праздников в связи с отсутствием культа «святых угодников».

Праздники русских православных крестьян были

более ритуализированными. Хотя формально они были тесно связаны со святыми—официальным церковным месяцесловом, но фактически многие из них восходили к языческой древности. Календарные праздники охватывали весь трудовой год земледельца, но их общинный характер особенно ярко проступал в зимних и весенне-летних циклах, а также окказиональных обрядах, которые сохраняли многие традиционные черты.

У русских крестьян Борчалинского уезда праздничный календарь года начинался святками (25 декабря—6 января), которые завершали старый и начинали новый год. В этот период крестьяне производили особые обрядовые действия, различные гадания, возникшие на основе древнейших народных представлений и верований. В святочной обрядности русских Восточной Армении сохранились архаичные формы «исконно» святочных обрядовых действий.

Торжественные трапезы накануне рождества, новго года, на крещение, обставляемые различными обрядами и действиями, происходили в каждой крестьянской семье.

В святочные вечера излюбленной формой досуга молодежи являлись вечерки. Обычно собирались «гуртами»: 8—10 подружек с парнями у кого-нибудь дома. На таких вечерках время проводили в песнях, играх, плясках. Плясали под гармонику, но чаще всего просто под песню.

В святочные вечера, особенно под новый год, обязательными были гадания девушек, которые были распространены и в самой России⁷⁸. Наиболее распространенными формами гаданий являлись следующие: перебрасывание обуви через ворота, гадания, основанные на принципе счета по признаку парности-непарности (пересчитывали охапку дров, принесенных в темноте со двора, парное число поленьев сулило замужество в новом году), подслушивание у чужого окна, гадания на животных с целью узнать характер, имущественное состояние своего будущего мужа или свекрови (решающим здесь являлось поведение или внешний вид животного). Широко была распространена выпечка специальных соленых булочек, которые съедали на ночь, чтобы вызвать жажду и увидеть во сне того, кто при-

несет напиться воды, своего возможного будущего избранныка.

В некоторых селениях, например, в Новопокровке, Гергерах, под новый год разводили на улицах костры, сжигая собранную по дворам солому, хворост, щепки, — «старый год сжигали». Около костров собирались и дети, и молодежь, и взрослые. Ребятишки и молодые прыгали через огонь⁷⁹.

Общественный характер носили святочные обходы домов — колядование, или щедрование. Когда-то колядование являлось обходным магическим актом, направленным на обеспечение обильного урожая. В русских селениях Восточной Армении колядование совершалось в определенные дни — на рождество, в канун и в первый день нового года. В колядовании участвовали разные половозрастные группы, державшиеся изолированно: дети, молодежь, женщины⁸⁰.

Рождественское колядование начинали мальчики, причем первые посетители появлялись в домах очень рано (время исполнения подчеркивает архаичность обряда). Мальчики исполняли колядки подряд всем семьям села и входили в дома с палками в руках, не спрашивая разрешения у хозяек. Первых посетителей сажали на тулуп, вывернутый мехом наружу: «как первые мальчики зашли славить на рождество, сразу на шубу сажали, чтобы куры лучше неслись». Войдя в дом, мальчики исполняли песню, за что получали подарки. Исполняемые рождественские колядки представляли собой различные церковные праздничные песнопения и стихи, прославлявшие рождение Христа, в связи с чем и сам процесс обхода нередко называли «христославлением».

Вечером 25 декабря щедровать ходили девушки и женщины, по 5—10 человек. В некоторых селениях, например, в Новопокровке, в колядовании принимали участие и женщины 40—50 лет. В отличие от утренних посетителей девушки спрашивали разрешения колядовать. Изредка девушек приглашали в дом, но обычно они пели под окнами, что считается более архаичным признаком именно календарного обряда, а женщины исполняли песни в доме. Помню религиозных стихов, их репертуар включал колядки в вопросно-ответной

форме, величальные, а также игровые и лирические песни, исполняемые преимущественно женщинами по заказу хозяев. Для рождественских песен, исполняемых всеми группами колядовщиков на рождество, был характерен мотив об участии бога в полевых работах, в сочетании с благопожелательными формулами богатого урожая.

Аналогичные песни колядовщицы исполняли и во время новогодних обходов, совершаемых ими вечером 31 декабря.

В первый день нового года рано утром группы мальчиков начинали обходить дома. В каждом из них, достав из карманов зерно—пшеницу, овес, просо, они разбрасывали его по комнате, осыпая спящих. После ухода ребяташек зерна тщательно собирали и скармливали домашней птице, приписывая им магическую силу.

В отличие от песен, исполняемых колядовщиками на рождество и в канун нового года, которые можно назвать колядками условно, аграрно-магический смысл сохранили щедровки, исполнявшиеся мальчиками в первый день нового года. Разбрасывая зерно по комнате, мальчики приговаривали: «Сею-вею, посеваю, с новым годом поздравляю».

В поздравительных благопожелательных формулах—приговорах посыпальщиков отразилась народная трактовка новогоднего разбрасывания зерен, восходящая к имитации посева. Контакт с зерном людей и животных должен был принести людям здоровье, увеличение семейства, богатства и другие блага, содействовать здоровью и плодовитости скота: «зерно обладало свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее»⁸¹.

Еще в конце XIX в. среди русских переселенцев приход колядовщиков считался не только желательным, но и необходимым, поскольку действия, совершаемые ими, якобы были направлены на обеспечение урожая и благополучия хозяйства. Исследователи справедливо отмечали, что колядовщики выступают вершителями праздничных обрядов: «колядующие приходят в дом не скромными просителями-нищими, а коллективом людей, совершающих магический обряд, который дол-

жен был вызвать желаемое в грядущем»⁸². Особенно высоким был обрядово-правовой статус групп мальчиков, которые обходили дома рано утром.

К началу XX в. обряд колядования уже потерял во многом свое функциональное значение и скорее исполнялся по традиции, и не случайно, что на первый план отчетливо выступала развлекательная функция обряда.

Одним из самых веселых и любимых народом праздников была масленица, относившаяся к подвижной части праздничного календаря. Обычно масленица отмечалась в конце февраля—начале марта в ответственное для земледельца время: начиналась подготовка к весенним полевым работам, от которой во многом зависел успех будущего урожая, а следовательно и благополучие крестьянской семьи в целом. В связи с этим многие масленичные действия носили аграрно-магический характер и были направлены на повышение плодородия земли.

Наиболее яркой чертой масленицы русского православного населения Восточной Армении являлся обряд привязывания колодки. В первый день масленицы, в понедельник рано утром, 8—10 замужних женщины собирались вместе и веселой гурьбой отправлялись в дома, где была холостая молодежь. По дороге к ним присоединялись мужчины. Войдя в дом, женщины ловили парня, девушку или кого-либо из их родителей, чаще мать, и веревкой привязывали полено «дровенячку» к ноге матери или парня, девушки, пока те не откупались угощением или деньгами. Собрав в нескольких домах масло, сало, яйца, водку, деньги, компания шла к кому-нибудь домой и пировала до поздней ночи⁸³. Обряд этот был известен во всех русских селениях Борчалинского уезда, за исключением с. Привольное⁸⁴.

В обряде привязывания колодки участвовали многие общинники. В отдельных случаях численность одной группы достигала 20—30 человек, нередко таких групп было несколько в селений, т. е. в данном случае можно говорить о коллективных обрядовых обходах, которые совершались с разгулом, веселыми выходками, песнями, нередко допускалось вольное обращение участников друг с другом.

Несомненно, в обряде привязывания колодки идеал

плодородия увязывается с фактом продолжения человеческого рода. В. Я. Пропп писал, что «совершение брака, как это ни странно для современного мышления, считалось нужным в целях воздействовать на плодородие земли»⁸⁵. Молодые люди, достигшие брачного возраста, но не вступившие в брак, по представлениям, якобы могли оказать отрицательное влияние на плодородие в природе, а следовательно и на жизнь всего социального коллектива, который выказывал свое негативное отношение к этому явлению и предпринимал определенные обрядовые действия, чтобы оказать благотворное воздействие.

В русских селениях существовали и другие масленичные обряды. В селах Новопокровка, Привольное в один из последних дней масленицы наряжали парня (затыкали за пояс, шапку солому) и в таком виде водили по селу, затем уводили за село, где наряженного «разбирали», а солому сжигали⁸⁶. Это шествие воспринималось как забава, название же масленицы не фигурировало, возможно, было забыто. Но, несомненно, этот обычай следует рассматривать как видоизмененное нарядение масленицы. Если представление масленицы живым человеком выявлено нами лишь в некоторых русских селениях, то масленичные костры, также являвшиеся своеобразными проводами масленицы, жгли во многих славянских селениях: Гергерах, Николаевке, Джелал-оглы.

С четверга начиналась «широкая» масленица, разгул и веселье принимали еще большие размеры. В Привольном, Гергерах русских в этот день устраивали девичий праздник. Днем 5—7 подруг собирались у кого-нибудь дома, мылись в бане и угощались яичницей, блинами, ставили самовар⁸⁷. Девичий праздник является арханчим по происхождению и, очевидно, генетически восходит к какому-то специфическому обряду половозрастной группы девушек, относящемуся к древнейшей стадии общественной жизни славян.

Последние дни масленицы отличались хождением в гости, совместными трапезами, в которых участвовали родственники, соседи. Посидев за столом и проведя масленицу обильной едой и питьем, сельчане выходили на улицы и катались на лошадях.

Семейно-бытовая обрядность занимала немалое место в составе масленицы. По древним воззрениям молодожены должны были магически содействовать плодородию земли. Особенно отчетливо магия плодородия выступала в зарывании молодых в снег: полагали, что путем соприкосновения с землей молодых можно заставить ее лучше плодоносить⁸⁸.

Последний день масленицы назывался «прощеным». Соседи, родственники ходили друг к другу и просили прощение с тем, чтобы «не ссориться и не таить зла». Прощеное воскресенье дополняло другие многочисленные действия с целью очищения селений, людей и скота от злых духов.

С масленицей крестьяне прощались неохотно, наступал долгий семинедельный великий пост с отказом от скоромной пищи, с запретами на веселье, и молодежь звонко распевала в последние дни масленицы: «Эх, масленица, какая ты ладна, кабы тебе семь недель, а поста—одна».

Широко отмечалась русскими крестьянами и пасха, наступавшая через семь недель после масленицы. Несмотря на то, что пасха являлась главным церковным праздником православия, в ней содержался целый ряд древних языческих элементов. С воскресеньем были тесно связаны, как уже говорилось, магические обряды «первого дня»⁸⁹. Вся пасхальная неделя была наполнена развлечениями, играми, песнями—«в старое время Седьмица как один день»⁹⁰. В первый день пасхи пение песен было запрещено. Разодетая молодежь прогуливалась по улицам села, играла в различные игры. С понедельника начинались молодежные забавы. Любимым развлечением молодежи были качели. В каждом селении насчитывалось несколько качелей, которые ставились обычно на перекрестках улиц или за селом на горе. Например, в Привольном в 1920-е годы насчитывалось 3—4 качелей, одни из которых обязательно ставили у кладбища, а остальные—на улицах. В играх участвовала не только молодежь добрачного возраста, но и молодожены.

Любимой пасхальной забавой крестьян всех возрастов, но особенно молодежи, являлось катание яиц, которое продолжалось всю неделю. Повсеместно был

распространен обычай одаривать «крашенками» своих друзей, родственников. Катание яиц, а также широкое употребление их на пасху несомненно имело древнее магическое значение, которое уже в XIX в. было забыто и превратилось в забаву. Яйцо считалось символом плодородия, зародышем новой жизни.

Обязательным являлось поминовение умерших, генетически восходящее к культу предков. Посещение кладбища происходило в первый или второй день пасхи и носило массовый характер. На кладбище закусывали и оставляли на могилах освященные яйца, куски кулича, на крест клали яйцо⁹¹.

В конце весны—начале лета русские крестьяне отмечали троицу, русальную неделю и праздник Ивана Купалы.

Троица праздновалась на 50-й день после пасхи. Накануне троицы поминали покойных. Эта традиция древняя, но церковь старалась подчинить себе народный обряд, объявив троицкую субботу одной из «родительских», днем поминовения умерших. «В троицкую субботу по селам и погостам сходятся мужи и жены на жалыниках и плачутся по гробам с великим причитаньем»⁹².

Русские крестьяне после службы в церкви отправлялись на кладбище, где начиналась совместная трапеза родственников, близких соседей. Приносили с собой кутью, пироги с рисом или яблоками, яйца. На могилах оставляли горсть кутьи, кусок пирога, яйца. Культ умерших в известной мере ассоциировался с земледельческими интересами и стремлениями. Забота о посевах сочеталась у крестьян с действиями, направленными на умиловивление покойных, а также с тем, что покойных надо поддержать обрядовой едой, надо с ними сотрапезовать⁹³.

Весь праздник продолжался три дня—воскресенье, понедельник и вторник. Строго придерживались правила не работать в эти дни. До настоящего времени сохранился обычай украшать дома, дворы зеленью. В субботу молодежь отправлялась на луга, в лес и приносила ветки березы, чинары, осины, тополя, вороха травы, цветов. Ветки прикрепляли над окнами, воро-

тами, балконами; цветами, травой посыпали полы в комнатах, отчего воздух наполнялся свежим ароматом леса, луговых трав и цветов. По сведениям пожилых информаторов, в конце XIX в. во дворе ставили березку⁹⁴. В приношении деревца в селение, в украшении домов зеленью, цветами С. А. Токарев видит магическое назначение этих обрядов: «Составляя часть аграрного ритуала, эти обряды с весенней древесной зеленью выражают стремление взять силу плодородия у этой зелени и передать ее засеянному полям»⁹⁵. Троицкой траве приписывали особые свойства, после праздника ее хранили и осенью, когда скот переводили на стойловое содержание, эту траву скармливали животным, очевидно, в надежде благотворно воздействовать на здоровье, плодородие животных посредством контактной магии.

Троица являлась праздником молодежи. В воскресенье с утра молодежь собиралась по «кварталам» (например, с. Гергеры делилось на три части: верх, низ и околоток), или за селом на лугах, где пели, играли.

Обязательным для троицких обрядов являлась совместная трапеза сельской молодежи⁹⁶. Сходились все три дня троицы группами по очереди у кого-нибудь из подруг. Каждая участница трапезы должна была принести масло, не меньше 20 штук яиц, муку. Непременными блюдами являлись яичница, блины, вареная курица. После угощения молодежь выходила на улицу, где играли в горелки, мяч, лапту. Обязательным троицким развлечением было катание на качелях, начинавшееся на пасху. В первый или второй день троицы девушки плели венки в лесу или в поле, когда парней не было рядом. Считалось, что венок, как магический круг, заключающий в себе силы матери-земли, благотворно влияет на плодovitость женщины, и так же, как кольцо в святочных гаданиях, помогает при ворожбе узнать будущее.

Для гадания девушки пускали венки по реке со словами: «Плыви, плыви, моя роза, до моего прихода» или «Кто поймает мой веночек, тот и будет мой дружок». Примечали направление, в котором плывет брошенный в воде венок («туда и замуж выйдет девушка»), дальность расстояния. Если венок тонул, то вла-

делнице его предсказывалась смерть. Парни ловили венки. Смотрели: чей венок поймал, та и будет его девушкой. Дети ловили венки и рвали их. Обряд, имевший в прошлом глубокий магический смысл, превратился в развлечение для детей и молодежи⁹⁷.

После троицы начиналась неделя, носившая название русальной. Ее отмечали во всех русских православных селениях Восточной Армении. У крестьян были широко распространены псверья, связанные с русалками, а также обряд проводов русалки⁹⁸. Вероятно, с русалками был связан запрет купаться на русальной неделе.

Повсеместно бытовавший среди переселенцев обряд проводов русалки отмечался в последний день русальной недели—в воскресенье. Русалку могли изображать и женщины, и девушки, и парни. Наряжали русалку как можно непригляднее: лицо покрывали марлей или вымазывали сажей, на голову прикрепляли кусок овчины, шерстью наружу, одевали шляпу с пером. Если русалка была девушка, волосы распускали, из шерсти привязывали бороду. Руки также вымазывали сажей. Одевали русалку в «шаболы»—во все старое: рваные платья, юбки, шубу. Русалка шла во главе процессии, ее сопровождали два человека, переодетые барышней и кавалером, иногда с палками в руках, «чтобы не сбегала русалка». Следом за ними шла молодежь с песнями. Процессия несколько раз проходила по улицам села и возвращалась в тот дом, где наряжали русалку. Русалку «разбирали», и молодежь устраивала складчину. На все село наряжали 2—3 русалки: каждая часть деревни имела свою русалку⁹⁹.

По мнению исследователей, образ русалок генетически восходит к водяным женским божествам. Они появлялись на земле тогда, когда нужен был дождь, когда надо было благоприятствовать урожаю. Обряды с русалкой органически входили в весенний праздник растительности, завершали его. Вместе с троицей они составляли единый обрядовый комплекс. Обряд проводов русалок, хотя и был сильно трансформированным, все же сохранял до недавнего времени некоторые черты древних русалий: коллективный характер действия, ряжение, что встречалось и у южных великоросов.

24 июня, день Ивана Купалы, отмечался во всех русских селениях Восточной Армении. Одно из центральных мест занимали обычаи с огнем. Вечером во всех русских селениях, кроме с. Привольное, зажигали костры, у которых собирались молодежь, дети. В костре сжигали солому, кострику от конопли. Молодежь прыгала через костер со словами: «На Ивана, на Купалу хлеб сажала, а в Петровки я вынала»¹⁰⁰. В народном толковании прыжки через костер имели целью очистить людей от болезней, содействовать их благополучию.

К очистительным обрядам относилось и купание в этот праздник. Считалось, что в этот день—«от заутрени до обедни»—надо обязательно искупаться в реке, чтобы предохранить себя от болезни.

Среди переселенцев широко бытовала вера в чудодейственную силу «ивановской росы». Считалось, что она полезна для здоровья, и больные, и дети, молодежь бегали по утренней росе, умывались ею. По народным представлениям, определенные растения, сорванные в Иванов день, обладали чудесными свойствами, и женщины и дети ходили в этот день собирать лекарственные травы¹⁰¹.

Осенние обряды были менее распространены у переселенцев и не носили массового характера.

Роль общины как регулятора хозяйственной жизни всего населения отчетливо выступала в различных окказиональных обрядах, направленных на борьбу с такими явлениями природы, как град, засуха, что могло привести к гибели урожая и скота. Обычаи такого рода не были привязаны к каким-то определенным дням, а выполнялись по мере надобности. У русских переселенцев православного вероисповедения наиболее развитыми были обряды вызывания дождя, которые могут быть сгруппированы в несколько комплексов.

В православных селениях Лори широко были распространены ритуальные обходы полей и источников, сопровождаемые молебствиями о дожде¹⁰². Обходы совершались всей сельской общиной во главе со священником. Еще в конце XIX—начале XX вв. участие всех крестьян селения являлось неременным условием ритуального обхода. Тех, кто уклонялся от участия, сель-

ские власти могли подвергнуть штрафу. В назначенный день на дорогах даже устанавливали посты, крестьянам не разрешали уходить из селения. Процессия во главе со священником направлялась за село, и в поле, у источника или реки происходило моление. Трапезы в поле не устраивали.

Повсеместным среди переселенцев являлось поливание и обливание водой, в котором принимало участие почти все сельское население—женщины, мужчины, молодежь, дети, кроме стариков¹⁰³. Иногда девушку погружали в колоду с водой. В этих действиях центральное место занимала вода, связанная, очевидно, с имитативной магией.

Интересный арханчый обряд вызывания дождя бытовал в Привольном и отчасти в Новопокровке—вспашивание русла реки¹⁰⁴. В обряде принимали участие женщины-старухи или вдовы. Обряд совершали одетыми, имеется лишь единственное описание обряда, в котором одна из участниц—старуха исполняла обряд обнаженной. Действие происходило днем, но без присутствия посторонних лиц. Четыре-пять женщин возили соху или плуг по берегу и по воде, а в это время остальные участницы обряда обливались водой.

Обряд этот был широко известен народам Закавказья—армянам, грузинам, абхазам, но среди восточных славян его географическая локализация довольно узка—Полесье и Белоруссия, в частности Черниговская губерния¹⁰⁵, откуда были родом и некоторые переселенцы Восточной Армении.

Большое место в быту русских крестьян занимали престольные праздники, посвященные православным святым, в честь которых была построена та или иная церковь. Например, в с. Привольное престольный праздник приходился на Михайлов день (8 ноября по старому стилю), в с. Новопокровка—на Покров день (1 октября), в с. Джелал-оглы русские—на день святого Георгия (Егория) (23 апреля). Престольный праздник длился два дня. К престолу готовились заранее. Сельские власти покупали на общественные деньги мясо, водку, вино. Обычно значительный денежный взнос делали владельцы лавок и духанов, имевшихся в селении.

На престол съезжались вечером накануне праздника со всех русских селений не только родственники, но и знакомые. Утром служили молебен, после чего начиналось угощение на сельской площади, где накрывали столы с угощением—вареное мясо, куры, вино, водка. После всеобщего угощения гости расходились по домам где продолжалось веселье. На улицах начинались праздничные гуляния, игры, танцы¹⁰⁶.

Угощение как знакомых, так и малознакомых было общей нормой гостеприимства, и в дни престолов в селения приходили и жители близлежащих армянских и азербайджанских селений.

Уже в конце XIX—начале XX вв. престольные праздники в значительной мере утратили свое религиозное содержание и прежде всего служили поддержанию семейных и соседских связей.

5. ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БЫТ РУССКИХ КРЕСТЬЯН

В пореформенный период капитализм властно прокладывал себе дорогу в сельской местности, невзирая ни на какие общинные перегородки и сословную—общественную и хозяйственную—организацию крестьянства. Россия уже вступила в «...такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье, и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению»¹⁰⁷.

В конце XIX—начале XX вв. происходит проникновение капиталистических отношений во все сферы жизни населения Восточной Армении. Это касалось не только коренного населения, но и в еще большей степени русских крестьян. Спрос рынка на различные сельскохозяйственные продукты стимулировал развитие торгового земледелия. Рост городов, населения, развитие промышленности вызвали огромный спрос на хлеб. Сложились местные центры товарного производства пшеницы и ячменя. В Восточной Армении такими являлись районы Ширака и Лори. В Эриванской губернии производство товарного хлеба сосредоточива-

лось главным образом в предгорных районах, в частности в Александропольском и Новобаязетском уездах¹⁰⁸. В 1890-е годы крестьяне Борчалинского уезда вывозили на рынок за пределы уезда, по преимуществу в Тифлис, около 1/3 всего урожая пшеницы¹⁰⁹. Можно предположить, что доля русских крестьян в производстве товарного зерна была немалой.

Районами торгового животноводства в Эриванской губернии являлись Новобаязетский и Александропольский уезды, на которые приходилось больше половины рогатого скота губернии¹¹⁰.

Рост торгового земледелия неизменно был связан с усовершенствованием сельскохозяйственной техники. В конце XIX в. в русских селениях появляются и быстро распространяются улучшенные и усовершенствованные сельскохозяйственные машины. А. М. Аргутинский-Долгоруков писал в 1897 г. о крестьянах с. Воронцовка: «Обработка полей производится почти исключительно усовершенствованными орудиями. В то время как многие селения пашут еще старинными деревянными плугами, в Воронцовке до 160 плугов системы Гене, Говарда, Рансома, около 10 молотилок с конными приводами, масса куколеотборников и сортировок, сенокосилки, жатвенные машины и многое другое, чего прочим селениям не дожидаться и в десятки лет»¹¹¹.

Наряду с зажиточными крестьянами, владевшими различным сельскохозяйственным инвентарем, имелись и такие, у которых полностью отсутствовали важнейшие орудия производства. Об этом говорят данные крестьянских бюджетов. Так, в 1885 г. в Михайловке в хозяйстве Бабышова имелись различные сельскохозяйственные орудия: плуг «болгарский», плуг самодельный, пять молотильных досок, шесть борон с железными зубьями, один фургон, шесть повозок воловьих, а семья односельчанина М. Долматова не в состоянии была обработать свой земельный надел из-за отсутствия сельскохозяйственных орудий¹¹².

Состоятельные крестьяне стремились к расширению своих земельных наделов. В 1893 г. А. И. Масалкин отмечал, что среди русского населения Закавказья происходит постепенная концентрация земель в руках немногих зажиточных и влиятельных личностей, что ведет

к образованию класса малоземельных крестьян и батраков¹¹³. Чтобы приостановить этот процесс, характерный и для армянского крестьянства, власти запретили в 1893 г. продавать или закладывать свои наделы, а в 1898 г. сдавать наделы в аренду¹¹⁴, но эти меры не могли приостановить разложение общины. В конце XIX—начале XX вв. стали появляться случаи тайной продажи земли, как, например, в с. Кармалиновка. В 1895—1896 гг. в Эриванском, Эчмиадзинском и Шаруро-Даралагязском уездах Эриванской губернии было зафиксировано 28 случаев продажи надельной земли местными крестьянами¹¹⁵.

Богатые крестьяне приращивали свои земли путем аренды. В последней четверти XIX в. была широко распространена коллективная аренда земельных участков сельскими обществами. До 1884 г. большая часть казенных земель сдавалась в аренду с торгов, и зажиточные крестьяне получали в аренду лучшие и более удобные участки. Стремясь приостановить разложение общины, в 1884 г. власти приняли положение о предоставлении крестьянским обществам казенной земли в аренду без торгов. Несколько ранее, в 1881 г., разрешалось давать в аренду государственные земли крестьянским обществам даже в том случае, если они находились далеко от их места жительства. Вместо денежного залога общество могло представить приговор сельского схода¹¹⁶. При аренде земельного участка целым обществом плата за эксплуатацию распределялась в соответствии с площадью, занятой каждым хозяйством¹¹⁷.

Кроме аренды сельским обществом, существовал и такой вид коллективной аренды, как аренда отдельным товариществом. Обычно товарищество арендовало большие участки земли на длительное время. Следует отметить, что даже при коллективной аренде пастбищных земель доля состоятельных крестьян, владевших большим количеством скота, в пользовании этими пастбищами была значительной, и постепенно земли фактически концентрировались в руках зажиточных слоев.

Кроме коллективных форм, имела место и единоличная аренда. По статистическим материалам можно судить о распространении арендных отношений в Борчалинском уезде в 1890-е годы, но, к сожалению, нельзя

выяснить различия уровней хозяйственной деятельности групп крестьянства, так как сведения даны по общине в целом. В Воронцовке, Новомихайловке, Новоалександровке, Привольном аренда земля составляла от общей наделной площади соответственно 10,6%, 40%, 17,9% и 42%¹¹⁸. Причины аренды земель были различными. С одной стороны, существовала аренда из-за нужды, аренда-издольщина, являвшаяся переходной формой от феодальной к капиталистической аренде. С другой стороны, имела место капиталистическая аренда земли, когда землю арендовал зажиточный крестьянин или кулак и с помощью наемного труда извлекал из этого прибыль. Такая аренда носила предпринимательский характер. Среди русских крестьян Борчалинского уезда крестьяне с. Привольное, прибежавшие к аренде, имели наименьший земельный надел—на каждое хозяйство приходилось 6,85 дес. Для крестьян селений Воронцовка и Новомихайловка, собственников больших земельных площадей, аренда являлась средством обогащения: зерно, получаемое от эксплуатации собственных и арендуемых земель, крестьяне сбывали на местных рынках, стремясь получить большую прибыль.

Причины аренды покосных и пастбищных земель также были различными. Например, в с. Новая Александровка сенокосы составляли лишь 2,5% от площадей всех земельных участков, а количество скота было значительным—176,9 голов на 100 человек населения¹¹⁹. В то же время крестьяне Воронцовки славились хорошо поставленным товарным молочным хозяйством, приносившим им большие доходы. Собственные покосы, составлявшие более половины всех земель, были им недостаточны, поэтому они арендовали близлежащие земли у казны, частных лиц. В начале XX в. некоторые состоятельные воронцовские крестьяне создали крупные молочные хозяйства капиталистического типа, а недостаток пастбищ восполняли арендой земель в удельном имении царской семьи. Для зажиточных воронцовских крестьян аренда являлась источником обогащения. Они, увеличивая площадь сенокосных угодий путем аренды, ежегодно сбывали на находившихся за пределами Борчалинского уезда рынках около 100 тыс. пудов сена¹²⁰.

Сдача земли в аренду также происходила по разным мотивам. В. И. Ленин писал, что «...экономическое развитие России фактически вырывает крестьянство из этой средневековой обстановки,—с одной стороны, порождая сдачу наделов и забрасывание их, с другой стороны, созидая хозяйство будущих свободных фермеров... из кусочков самого различного землевладения, надельного собственного, надельного арендованного, купчего собственного, помещичьего арендованного, казенного арендованного и т. д.»¹²¹.

Основной причиной сдачи земель была экономическая несостоятельность хозяйства. Недостаточное количество, а часто и полное отсутствие тяглового скота, недостаток рабочих рук не позволяли бедным хозяйствам обрабатывать свои наделы. В сущности эти крестьяне не занимались самостоятельным земледелием и превратились в сельскохозяйственных пролетариев. «...Сдача крестьянами надельной земли,—указывал В. И. Ленин,—еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы»¹²².

Капиталистические отношения в русских селениях проявлялись в эксплуатации наемного труда. Состоятельные крестьяне пользовались наемным трудом русских, армян, принимавшим формы батрачества, отходничества. Широко использовался наемный труд в хозяйствах воронцовских крестьян. В конце XIX в. А. М. Аргутинский-Долгоруков писал о них: «Земледельцами воронцовские молokane могут быть названы только с натяжкой, так как полевыми работами они сами занимаются очень мало, предпочитая обращаться к наемному труду». Далее автор подчеркивал, что «...кулачество, явление еще пока здесь новое, с каждым годом получает заметное развитие»¹²³.

Определить удельный вес отдельных социальных групп сельского населения, образовавшихся в результате расслоения крестьянства, можно только на основании архивных материалов, так как в дореволюционных литературных источниках приводятся лишь общие данные по селениям в целом. В нашем распоряжении имеются архивные материалы 1917 г. о распределении средств

сельскохозяйственного производства по каждому крестьянскому двору по двум русским селениям Новобаязетского уезда—Семеновке и Еленовке. В этих селениях, расположенных на оживленной дороге, был сильно развит извоз, и в Семеновке в силу природных условий крестьяне уделяли земледелию меньше внимания, чем скотоводству, поэтому группировка дворов была произведена по степени обеспеченности крестьян рабочим скотом¹²⁴. Нами вычислено, что в с. Еленовка бедные, средние и зажиточные хозяйства составляли соответственно 35,4 %, 40,9 % и 23,7 %, а в Семеновке соответственно—39,1 %, 37,7 % и 23,2 %, т. е. соотношение их в селениях было приблизительно одинаковым.

Можно предположить, что в Борчалинском уезде, где крестьяне были лучше обеспечены плодородной землей, степень классового расслоения русского крестьянства была выше, чем в Новобаязетском уезде.

Наибольшего развития капиталистические отношения достигли в сектантских селениях Восточной Армении, особенно в Воронцовке и Новомихайловке Борчалинского уезда. Аналогичная картина была характерна для сектантских общин не только Закавказья, но и других регионов Российской империи. В экономическом развитии Южной Украины конца XVIII—первой половины XIX вв. сектантские общины были одним из очагов развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве южных окраин дореформенного периода¹²⁵. В хозяйственном освоении дальневосточных окраин, особенно в Приамурье, также была значительна роль русских сектантов¹²⁶.

Большее экономическое развитие сектантских общин имело объективные причины. Не следует забывать, что в переселенческом потоке участвовали не только бедные, но и состоятельные крестьяне, которые на новом месте поселения могли найти широкие возможности для приложения своих капиталов. Накоплению капитала и развитию буржуазных отношений в значительной мере способствовали социально-экономические привилегии, предоставлявшиеся переселенцам.

Определенную роль сыграли и культовые особенности религии молокан. У сектантов наблюдалось резкое сокращение праздников. Молокане отвергали пра-

вославленное понимание постов и толковали их как воздержание от всякого зла: от курения, пьянства, мирских развлечений и др., что помогало экономично и рационально использовать имеющиеся средства. Учение молокан требовало не только трезвости, но и заботы о семейном благосостоянии, огромного труда. Обогащение, по мнению молокан, являлось признаком божьего расположения. Существовавшие в сектантских общинах острые внутренние противоречия несколько смягчала и регулировала религиозная община за счет общественных фондов, благотворительности¹²⁷.

Однако это не могло остановить процесса классового расслоения в деревне, а лишь придавало ему внешне завуалированную форму. Земля и орудия производства все более концентрировались в руках наиболее богатых крестьян за счет обезземеливания и разорения бедняков. Таким образом, в конце XIX—начале XX вв. развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, в той или иной степени характерное для всех русских селений Восточной Армении, привело к разложению общины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение Закавказья к России в первой трети XIX в. поставило перед царским правительством задачу освоения вновь присоединенных земель, включение их в экономическую систему Российской империи, уже ставшей на путь капиталистического развития. В экономической политике царизма Закавказье рассматривалось как колониальная окраина, хозяйственное освоение которой предусматривало также переселение русских крестьян из центральных губерний России.

Попытка решить этот вопрос путем создания военных поселений не оправдала себя, и правительство перешло к организованному переселению русских крестьян с наделением их землей из государственного фонда.

Главный поток переселенцев составляли государственные крестьяне из аграрно перенаселенных губерний. Среди них преобладали сектанты, охотно переселявшиеся в Закавказье не только в надежде избежать притеснений со стороны официальной церкви и государства, но и развить с целью обогащения предпринимательскую деятельность, особенно поощряемую их вероучением.

Царское правительство проводило двойственную политику по отношению к переселенцам-сектантам. С одной стороны, оно было заинтересовано в их водворении во вновь присоединенном крае, что выражалось в наделении их большими площадями земельных угодий (по 25—30 дес. на семью), значительно превышавшими земельные наделы на их прежнем месте жительства, в предоставлении им льготы в уплате налогов в первые годы поселения, в разрешении заниматься торговлей и промыслами. С другой стороны, оно не отказалось от своей политики преследования сектантов и строго следило, чтобы они не распространяли своей «ереси».

Будучи выходцами из центральных и южных губерний Европейской России, переселенцы принесли с собой в новый край привычные способы ведения сельского хозяйства, свою традиционную бытовую культуру. Поэтому не случайно, что русские селились преимущественно в горных районах с прохладным климатом, достаточно хорошо обеспеченных водными источниками и лесом. Осев в наиболее удобных местах, русские все же оказались в непривычных для них природных условиях и вынуждены были адаптироваться к этим условиям.

Адаптация касалась прежде всего главных занятий переселенцев—земледелия и скотоводства. Им пришлось приспособлять свой привычный сельскохозяйственный инвентарь, тяговую силу и земледельческие навыки к местным условиям полеводства, при этом они заимствовали у местного армянского населения некоторые сельскохозяйственные орудия и навыки работы этими орудиями. Новые климатические условия заставили русских пересмотреть обычный набор сельскохозяйственных культур и оставить только те, которые отличались сравнительно высокой урожайностью и находили сбыт на местных рынках.

Развивавшиеся в Армении товарно-денежные отношения глубоко проникли в земледелие русских переселенцев, постепенно направляя его на путь капиталистического развития.

В Восточной Армении русские крестьяне продолжали заниматься скотоводством в такой же степени, сохраняя поголовье скота по видам животных в той же пропорции, как и в местах прежнего расселения; только в немногих зажиточных хозяйствах этот род занятий получил товарное направление. В культуре ведения скотоводства, в сфере обработки некоторых скотоводческих продуктов переселенцы заимствовали ряд традиционных армянских элементов.

В свою очередь, вступая в хозяйственные экономические связи, русские оказывали влияние на армянских крестьян. В области сельского хозяйства с русскими переселенцами связано распространение в крае более совершенных орудий (железных плугов и борон), рас-

ширение посадок картофеля и появление улучшенных пород скота.

В Армении переселенцы сохранили традиционные промыслы. Русские крестьяне славились как искусные мастера по обработке дерева. Этот традиционный вид занятий они превратили в кустарный промысел и снабжали местные рынки разнообразными деревянными изделиями.

Большое значение в развитии этнокультурных контактов имели отхожие промыслы, особенно извозный, которым русские занимались в очень широких размерах, пока в конце XIX века не были проведены железные дороги. Подряжаясь на перевозку грузов на дальние расстояния, русские крестьяне попадали в различные уголки Закавказья и за его пределы, по основные их маршруты пролегали по территории Армении. В других видах отхода русские также постоянно контактировали с армянами.

Бытовая сторона контактов не получила развития. Это объясняется конфессиональной разобщенностью пришлого и коренного населения, которая усугублялась еще тем, что русские сектанты-молokane отличались под влиянием религии большой замкнутостью в быту и фанатичной нетерпимостью к иноверцам, даже в рамках христианства, что несколько сдерживало развитие широких межэтнических отношений.

Проводя землеустройство русских крестьян-переселенцев в Армении, царское правительство наделило их землей на правах общинного землевладения с периодическими переделами земли и с обязательной круговой порукой в несении государственных повинностей, т. е. переселенцы с самого начала были организованы в соседские общины, каждая из которых объединяла жителей одного селения. Как и на прежних местах обитания, они были поставлены в жесткие рамки общинного землевладения и наделного землепользования.

Такая система землевладения и землепользования в условиях складывавшихся капиталистических отношений тормозила, с одной стороны, развитие производительных сил, сковывала предпринимательство крестьян, но с другой—не могла задержать имущественного рас-

слоения деревни. Эти хорошо видно при сравнении социально-экономического развития русских селений с общинным землевладением и селений Воронцовка и Новомихайловка Борчалинского уезда, крестьяне которых имели землю в частной собственности и вели свое хозяйство на капиталистических началах с применением сельскохозяйственных машин и других прогрессивных приемов в земледелии и скотоводстве.

Сельская община русских крестьян Армении на протяжении всего пореформенного периода испытывала воздействие капитализма, выражавшееся в широко развитой аренде земли, приводившей к концентрации ее в руках зажиточных крестьян и кулачества, всячески повышавших товарность своего хозяйства, в обезземеливании бедноты и росте отходничества.

Ритуально-обрядовая жизнь переселенцев во многом носила сельско-общинный характер.

Общинный быт в русских сектантских селениях, которых было большинство, отличался значительным своеобразием по сравнению с общинным бытом приверженцев официального православия. Семейная жизнь, взаимоотношения с односельчанами, праздники, развлечения, связанные с проведением досуга,—все строго регламентировалось религией. Праздники и воскресные дни отмечались также в рамках общины и сопровождались строго предписанными религией действиями. Религиозные общины жили по своим внутренним законам. Единственно, во что не вмещивалась религиозная община и всегда поощряла—это частное предпринимательство. Личное обогащение считалось богоугодным делом, поэтому среди молокан очень широко были распространены отходничество и другие виды занятий, порожденные развивавшимися капиталистическими отношениями.

Русские крестьяне, переселившись в Армению и осев довольно компактно в ее северных районах, образовали своеобразную микрообщность русского этноса. Этому процессу, помимо своеобразия природных условий и иноэтнической среды, приводивших к изменениям в хозяйственной деятельности и материальной культуре, содействовала также конфессиональная обособленность русских переселенцев, способствовавшая сохранению

целого ряда самобытных черт в культуре. В то же время, как показало исследование хозяйственного и общественного быта русских крестьян Восточной Армении, отдельные явления их культурного облика сложились здесь в условиях сравнительно широких межэтнических и хозяйственно-культурных контактов с окружающим армянским населением.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 *Максимов С.* Очерк русских переселений в последние полтора века.—Морской сборник, 1861, т. IV; *Бороздин К. А.* Переселенцы в Закавказье.—Русский вестник, 1891, т. 215.
- 2 *Буятов С.* Заработки русских поселенцев Борчалинского уезда.—Кавказское сельское хозяйство, 1898, № 237, с. 475—476; *его же*, Быт русских крестьян Лорийского участка Борчалинского уезда Тифлисской губернии.—Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 31, Тифлис, 1902, и др.
- 3 Кавказский календарь на 1858, Тифлис, 1857; Кавказский календарь на 1865, Тифлис, 1864.
- 4 Кавказское сельское хозяйство, 1894, № 14; 1896, №№ 123, 138, 140; 1899, № 265 и др.
- 5 Памятная книжка Эриванской губернии на 1892 г., Эривань, 1892; Памятная книжка Эриванской губернии на 1904 г., Эривань, 1903, и др.
- 6 Сельскохозяйственный обзор по Закавказью за 1910 г., Тифлис, 1911; Сельскохозяйственный обзор по Закавказью за 1912 г., Тифлис, 1913.
- 7 *Вышинский.* Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа, Тифлис, 1908.
- 8 Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. I—VII, Тифлис, 1885—1887.
- 9 Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. I—V, Тифлис, 1887—1888.
- 10 Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе, т. I—IV, Тифлис, 1887—1899.
- 11 *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Борчалинский уезд в экономическом и коммерческом отношениях, Тифлис, 1897.

- 12 Козлова К. И. Изменения в религиозной жизни и деятельности молоканских общин.—Вопр. научного атеизма, вып. 2, 1966; *ее же*, Из опыта изучения молокан Армении.—Конкретные исследования современных религиозных верований, М., 1967; Малахова И. А. Духовные христиане, М., 1970.
- 13 Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX—1917 г.), М., 1965; *его же*, Религиозное сектантство в прошлом и настоящем, М., 1973.
- 14 Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1799.
- 15 Айтян А. Х. Русские переселенцы в Восточной Армении. Автореф. канд. дис., Ереван, 1975.
- 16 Исмаил-заде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX—начало XX вв.), М., 1982.
- 17 Полн. собр. законов Российской империи, собр. II, т. 1—55, СПб., 1825—1884; Собр. постановлений по части раскола. СПб., 1875; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. I—XII, Тифлис, 1864—1904; Варадинов Н. История Министерства внутренних дел, т. 8, СПб., 1863.
- 18 Полевые этнографические материалы, собранные автором в 1972—1983 гг. Архив отдела этнографии Института археологии и этнографии АН АрмССР.

Г л а в а I

- 1 Вопрос о присоединении Восточной Армении к России исследован во многих работах советских историков, например: Григорян Э. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в., М., 1959; Парсамян В. А. Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение (к 150-летию), Ереван, 1978; Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение (сб. статей), Ереван, 1978; Навеким вместе (к 150-летию вхождения Восточной Армении в состав России), Ереван, 1978.
- 2 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.
- 3 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.
- 4 Там же, т. 4, с. 86.
- 5 В 1828 г. Восточная Армения вошла в состав Российской империи как Армянская область, включавшая в себя Эриванский, Нахичеванский уезды и Ордубадский округ. Впоследствии в результате целого ряда административных реформ территория Восточной Армении оказалась разделенной на три губернии.

Большая часть Восточной Армении—Эриванский, Нахичеванский, Александропольский, Новобаязетский и Ордубадский уезды—вошла в состав Эриванской губернии. Северные районы были включены в Тифлисскую губернию, а южные и северо-восточные—в Елисаветпольскую губернию. В основном это административное деление сохранилось до 1917 г. В 1878 г. в состав Восточной Армении вошел новый административный район—Карсская область, экономически тесно связанная с Восточной Арменией.

- 6 *Тен К. П.* Русское население Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX—начале XX вв.—История СССР, 1970, № 4, с. 143—153; *Заседателява Л. Б.* Терские казаки, М., 1974, с. 188—217.
- 7 *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. 3, вып. 5, СПб., 1887, с. 2.
- 8 *Исмаил-заде Д. Н.* Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX—начало XX вв.), с. 35.
- 9 *Михайлов Б. Ф.* Некоторые особенности языка русских военных поселян Тифлисской губернии.—Сб. отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. т. 89, № 2, 1911, с. 1.
- 10 ЦГВИА СССР, ф. 731, д. 1.
- 11 Военная энциклопедия, т. 6, СПб., 1912, с. 611.
- 12 *Бунятов Г. С.* Быт русских крестьян Лорийского участка Борчалинского уезда.—Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 31, Тифлис, 1902, с. 102.
- 13 ЦГИА СССР, ф. 240, оп. 2, д. 193, л. 101, оп. 1, д. 1372, л. 65—67 об.
- 14 *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда Тифлисской губернии. МИЭБГКЗК, т. VII, Тифлис, 1887, с. 392.
- 15 ЦГВИА СССР, ф. 731, д. 10; Полевые материалы, 1973, II-21, 45; III-68, 94.
- 16 *Максимов С.* Очерк русских переселенцев в последние полтора века, с. 226.
- 17 Там же, с. 229.
- 18 ЦГИА АрмССР, ф. 93, оп. 1, д. 123, л. 641; ЦГИА СССР, ф. 240, оп. 2, д. 28.
- 19 *Бороздин К. А.* Переселенцы в Закавказье, с. 135.
- 20 Там же.
- 21 ЦГВИА СССР, ф. 731, д. 14, л. 15; д. 1, л. 4.
- 22 Там же, д. 36, л. 50 об; д. 40, л. 8.

- 23 ЦГВИА СССР, ф. 731, д. 9, л. 22.
- 24 Там же.
- 25 Там же, д. 5, л. 16—17.
- 26 Там же, д. 34.
- 27 АКАК, т. XII, ч. II, с. 1349.
- 28 ЦГВИА СССР, ф. 737, д. 44, л. 16. ПСЗ, собр. II, т. 32, № 32068.
В 1858 г. председатель тифлисской палаты государственных имуществ А. М. Фадеев составил проект свода постановлений для управления бывшими военными поселенцами. По этому проекту делами бывших военных поселенцев должно было ведать сельское управление и управляющий поселениями (офицер корпуса лесничих). Бывшие военные поселенцы пользовались льготами в течение 16 лет: в первые 8 лет полностью освобождались от податей и денежных повинностей, а в течение последующих 8 лет—облагались повинностями в половинном размере. Каждое поселение, насчитывавшее не менее 250 душ обоего пола, должно было заботиться об устройстве своей церкви (ЦГИА СССР, ф. 240, оп. 2, д. 318).
- 29 Ковальченко И. Д. Хозяйство барщинных крестьян в Рязанской и Тамбовской губерниях.—Исторические записки, т. 56. М., 1956, с. 182.
- 30 Дубасов И. Тамбовский край в конце XVIII и в начале XIX столетия.—Ист. вестник, 1884, т. 17, август, с. 320.
- 31 Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сб. док., под ред. А. В. Предтеченского, М., 1961, с. 659.
- 32 Гриценко Н. П. Усиление феодальной эксплуатации удельных крестьян в условиях кризиса крепостного строя.—Ист. зап. т. 58, М., 1957, с. 187.
- 33 Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 188—216.
- 34 ПСЗ, т. II, № 1406.
- 35 История СССР, первая серия, т. IV. М., 1967, с. 245.
- 36 Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 656.
- 37 Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Н. Киселева, т. 2, М., 1958, с. 199.
- 38 Дружинин Н. М., Федоров В. А. Крестьянское движение в России в XIX в.—История СССР, 1977, № 4, с. 110; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 579—580, 732 и др.
- 39 Бонч-Бруевич В. Д. Сектанство и старообрядчество в первой половине XIX в. Избр. соч., т. I, М., 1959, с. 295.
- 40 Эти постановления, подписанные монархом и имевшие силу закона, были обнародованы только в 1875 г. в специальном из-

дании «Собрание постановлений по части раскола», в которое вошло 755 документов. В. Д. Бонч-Бруевич приводит интересную таблицу изданий этих постановлений по годам правлений императоров. С 1730 г. до правления Александра I было принято 12 таких постановлений, при Александре I—59. Высшего накала борьба против сектантства достигла в царствование Николая I, издавшего 495 таких постановлений о преследовании сектантов. С 1855 г. по 1873 г. Александр II издал 189 постановлений. (Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч., с. 304).

41. ПСЗ, т. 11, № 11184.
42. Собр. постановлений по части раскола, с. 124.
43. Там же, с. 106.
44. Там же, с. 149.
45. Там же, с. 190.
46. Там же, с. 157.
47. Там же.
48. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете, кн. II, М., 1864, с. 16.
49. Собр. постановлений по части раскола, с. 140—141.
50. ПСЗ, т. V, № 4010; Варадинов Н. История Министерства внутренних дел, кн. VIII, с. 230; Собр. постановлений по части раскола, с. 104—105.
51. В документах «раскольниками» называли как сектантов, так и старообрядцев.
52. ПСЗ, т. V, № 4010. Собр. постановлений по части раскола, с. 104—105.
53. Собр. постановлений по части раскола, с. 114.
54. Там же, с. 114—115, 132.
55. ЦГИА СССР, ф. 4, оп. 2, д. 140.
56. Там же. Постоянные неурожан явились причиной того, что крестьяне села Базарчай перебрались в Джебранльский уезд Елисаветпольской губернии, основав с. Карабулаг. Вторично русское население появилось в с. Базарчай в 1880 г., переселившись из с. Баллу-Кая Джеванширского уезда (Сегаль И. Л. Русские переселенцы в Елисаветпольской губернии.—Кавказ, 1890, № 40).
57. Собр. постановлений по части раскола, с. 190.
58. Там же, с. 182.
59. Там же, с. 200.
60. Там же, с. 233—234.

- 61 *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел, кн. VIII, с. 496.
- 62 Исторические сведения о молоканской секте.—Православный собеседник, кн. 3, Казань, 1853, с. 301.
- 63 ЦГИА СССР, ф. 388, оп. 30, ед. хр. 149, л. 30 об. Цит. по книге: *Клибанов А. Н.* Народная социальная утопия в России... с. 149.
- 64 ЦГИА СССР, ф. 388, оп. 30, ед. хр. 149, л. 20—20 об. Цит. по кн.: *Клибанов А. Н.* Народная социальная утопия в России... с. 149.
- 65 *Бороздин К. А.* Переселенцы в Закавказье, с. 119.
- 66 ПСЗ, т. II, № 9653.
- 67 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 359, л. 76.
- 68 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 317; ЦГИА ГССР, ф. 239, оп. I, д. 39.
- 69 Собр. постановлений по части раскола, с. 328—333; ЦГИА ГССР, ф. 4, оп. 2, д. 140.
- 70 ЦГИА ГССР, ф. 4, оп. 2, д. 140, л. 240.
- 71 Там же, л. 252.
- 72 *Исмаил-Заде Д. Н.* Русское крестьянство в Закавказье, с. 41.
- 73 ЦГИА ГССР, ф. 245, оп. I, д. 303, л. 7.
- 74 АКАК, т. XII, док. 22, с. 16.
- 75 *Клибанов А. Н.* История религиозного сектантства в России, с. 160.
- 76 Первопоселенцы с. Александровки были русскими, но уже в 1880-е годы большинство жителей этого селения—около 87%—составляла мордва (ЦГИА АрмССР, ф. 93, оп. I, д. 211).
- 77 Определение времени основания населенных пунктов проводилось на основании литературных и архивных источников.
- 78 АКАК, т. X, док. 97, с. 119—120.
- 79 Собр. постановлений по части раскола, с. 376—377.
- 80 АКАК, т. X, док. 99, с. 124; Собр. постановлений по части раскола, с. 359.
- 81 ПСЗ, т. 23, № 22806.
- 82 Собр. постановлений по части раскола, с. 449.
- 83 ЦГИА ГССР, ф. 222, д. 12.
- 84 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 359, л. 5.
- 85 ЦГИА ГССР, ф. 222, д. 12, л. 17.
- 86 Там же, д. 5, л. 21.
- 87 Там же, л. 38—41.
- 88 Там же, л. 49 об.—50.
- 89 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 359, л. 5 об.

- 90 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 359, л. 7.
- 91 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. т. 16, с. 406.
- 92 *Масалкин А. И.* К истории закавказских сектантов.—Кавказ, 1893, № 33.
- 93 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 329, л. 304; ЦГИА ГССР, ф. 222, оп. 1, д. 12, л. 7.
- 94 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 359, л. 23 об.
- 95 Цит. по кн.: *Туманян О. Е.* Экономическое развитие Армении, ч. 1, Ереван, 1954, с. 42.
- 96 АКАК, т. XII, Тифлис, 1885, с. 12.
- 97 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 359, л. 129—130.
- 98 ПСЗ, т. 24, № 23753.
- 99 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 359, л. 5.
- 100 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 378, л. 21—24; д. 368, лл. 2—4; ЦГИА ГССР, ф. 239, оп. 1, д. 3, л. 90 об.
- 101 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 403.
- 102 *Адоиц М. А.* Экономическое развитие Восточной Армении в конце XIX в. Ереван, 1957, с. 502.
- 103 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 363—367.
- 104 Там же.
- 105 В 1832 г. появился правительственный указ, которым разрешалось «желающим людям свободного состояния» и крестьянам селиться на северо-западном берегу Черного моря, в том числе в крепости Анапа (ПСЗ, т. VII, № 5275). Поселенцы освобождались от податей и повинностей. Чтение указа, распространявшегося рукописным путем среди крестьян, фантастические рассказы об Анапе как крае изобилия и воли вызвали широкий приток сюда крестьян из различных губерний, в том числе из Тамбовской, Воронежской, Саратовской. Но, очевидно, надежды крестьян на лучшую жизнь в Анапе не оправдались, и многие из них в поисках лучшего отправились в Закавказье (*Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. XVII—XIX вв., М., 1967, с. 310).
- 106 *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России... с. 149.
- 107 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 363.
- 108 Полевые материалы, 1973, I, лл. II, 39; III, лл. I, 10 и др.
- 109 Краткие упоминания об имевших место переселениях крестьян из Саратовской и Оренбургской губерний мы находим в работах: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России... с. 159; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды, с. 305.

- 110 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 363.
- 111 *Сегаль И. Л.* Русские поселяне Елизаветпольской губернии.— Кавказ, 1890, № 40.
- 112 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, дд. 364—365.
- 113 *Дингельштедт Н. А.* Закавказские религиозные сектанты в их семейном и религиозном быту, СПб., 1885, с. 135.
- 114 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 366.
- 115 Там же, д. 367.
- 116 *Тошьян С. Б.* Русские говоры в Армянской ССР (говоры русских переселенцев—молокан Степанаванского района Армянской ССР). Канд. дис., М., 1952 (хранится в МГУ, в научной библиотеке им. А. Горького).
- 117 Подсчеты сделаны автором на основании архивных документов: ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 363—367.
- 118 *Исмаил-Заде Д. И.* Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX—начало XX вв.), с. 284.
- 119 *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России, с. 147.
- 120 *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем, с. 108.
- 121 *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России, с. 148.
- 122 ЦГИА ГССР, ф. 239, д. 631, л. I об; *Е. Р.* Русские рационалисты.—Вестник Европы, 1881, кн. 7, с. 292.
- 123 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 2621, л. 28.
- 124 Там же, д. 2161; там же, ф. 125, оп. I, д. 68, л. 86.
- 125 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 325.
- 126 ЦГИА ГССР, ф. 239, д. 806 л. 31 об.
- 127 Там же, ф. 240, оп. 2, д. 193, л. 100.
- 128 *Бунятов Г. С.* Быт русских крестьян Лорийского участка Борчалинского уезда Тифлисской губернии, с. 103; Полевые материалы, 1973, I, л. 70.

Глава II

- 1 Полевые материалы, 1973, III, л. 69.
- 2 *Заваров С.* Опыт исследования сельского хозяйства хлебородного района Эриванской губернии и Карсской области, Тифлис, 1899, с. 162.
- 3 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 141, 148, 767.
- 4 Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 29.
- 5 *Заваров С.* Указ. соч., с. 155.

- 6 Полевые материалы, 1974. I, л. 31.
- 7 *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Борчалинский уезд в экономическом и коммерческом отношениях, с. 112.
- 8 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 707 (подсчеты произведены автором).
- 9 *Вермишев Х. А.* Земледелие у государственных крестьян Закавказского края, СМИБГКЗК, т. IV, ч. I, Тифлис, 1883, с. 178.
- 10 *Заваров С.* Указ. соч., с. 163; ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 46, л. 16; д. 51, л. 3, 58. Армянские названия сортов пшеницы сообщены нам доктором исторических наук В. А. Бдяном.
- 11 *Заваров С.* Указ. соч., с. 164; Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 40—41.
- 12 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 46, л. 136; д. 51, л. 58; Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 40—41.
- 13 *Колосов С.* Русские сектанты в Эриванской губернии.—Памятная книжка Эриванской губернии на 1902 г., Эривань, 1901, с. 81, 153.
- 14 *Мочалов В. Д.* Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в., М., 1958, с. 149.
- 15 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51, лл. 3, 58; Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 41.
- 16 *Спасский Н.* Сельскохозяйственные статистические сведения об Эриванской губернии за 1870 г.—Сб. сведений о Кавказе, т. II, Тифлис, 1872, с. 173; Памятная книжка Эриванской губернии на 1902 г., с. 100; *Мочалов В. Д.* Указ. соч., с. 152.
- 17 *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Указ. соч., с. 113.
- 18 *Бунятов С.* Хозяйственный быт русских поселенцев Борчалинского уезда Тифлисской губернии.—КСХ, 1896, № 122, с. 2096; ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 388—390 (подсчеты площадей, занятых этой культурой, произведены автором).
- 19 *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губернии.—МИЭБГКЗК, т. II, Тифлис, 1886, с. 154.
- 20 *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Указ. соч., с. 93.
- 21 *Бунятов С.* Указ. соч., с. 2096; ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51, л. 3.
- 22 КСХ, 1899, № 265, с. 91.
- 23 *Спасский Н.* Указ. соч., с. 175.
- 24 *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 34.

- 25 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 1034, л. 2.
- 26 Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Сост. Вышинский, Тифлис, 1908, с. 70; Колосов С. Указ., соч., с. 151.
- 27 Тагадянц М. Путешествие по Армении. Калькутта, 1847, с. 78 (на арм. яз.).
- 28 ЦГВИА СССР, ф. 731, д. 12, л. 12 об.
- 29 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 152.
- 30 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51, л. 58; Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 31; Бунятов С. Картофель в хозяйстве Борчалинского уезда.—КСХ, 1897, № 191, с. 566.
- 31 Мочалов В. Д. Указ. соч., с. 134.
- 32 Заваров С. Указ. соч., с. 168.
- 33 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51 (подсчеты произведены автором).
- 34 Полевые материалы, 1972, I, л. 39, 82.
- 35 Мелик-Саркисянц С. А. 93-й год в Борчалинском уезде.—Сб. Императорского Кавказского общ-ва сельского хоз-ва, Тифлис, 1894, с. 653.
- 36 Бунятов С. Хозяйственный быт русских поселенцев Борчалинского уезда Тифлисской губернии, с. 2096; ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51, л. 61.
- 37 Полевые материалы, 1972, I, л. 42; 1974, I, л. 25 об.
- 38 Полевые материалы, 1973. IV, с. 37.
- 39 Бунятов С. Хозяйственный быт русских поселенцев..., с. 2096.
- 40 Полевые материалы, АОЭ, № 118, л. 22; № 152, л. 46.
- 41 Памятная книжка Эриванской губернии на 1902 г., с. 56.
- 42 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 155.
- 43 Там же.
- 44 Полевые материалы, АОЭ, № 118, л. 19; № 152, л. 8.
- 45 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда..., с. 480; Бунятов С. Хозяйственный быт русских поселенцев..., с. 2095; Полевые материалы, АОЭ, № 118, л. 19; № 152, л. 46.
- 46 ЦГВИА СССР, ф. 731, д. 12, л. 12 об.
- 47 Мелик-Саркисянц С. А. Указ. соч., с. 653.
- 48 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда..., с. 487.
- 49 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 37.
- 50 Петрович П. Закавказье в сельскохозяйственном отношении за

- 1912 г.—Сельскохозяйственный обзор по Закавказью, Тифлис, 1913, с. 139; *Бунятов С.* Хозяйственный быт русских поселенцев..., с. 2095.
- 51 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 707.
- 52 Полевые материалы, 1973, II, л. 23, 47, 72; III, л. 69; АОЭ, № 152, л. 27, 42 и др.
- 53 *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 158.
- 54 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51; Полевые материалы, 1973, IV, л. 42.
- 55 *Вермишев Х. А.* Указ. соч., с. 557; ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 46; Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 28.
- 56 *Вермишев Х. А.* Указ. соч., с. 557; ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 68.
- 57 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 46.
- 58 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51, л. 60; д. 707, л. 4; Полевые материалы, АОЭ, № 118, л. 42; № 152, л. 2—3.
- 59 *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Указ. соч., с. 100; ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 50, 51, 707; Полевые материалы, АОЭ, № 118, л. 19; № 152, л. 37 и др.
- 60 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 707, л. 5 об.
- 61 Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 8.
- 62 *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 157; *Вермишев Х. А.* Указ. соч., с. 264; Полевые материалы, АОЭ, № 118, л. 20; № 152, л. 8.
- 63 Полевые материалы, АОЭ, № 118, л. 20; № 152, л. 8, 11.
- 64 Полевые материалы, 1975, I, л. 39.
- 65 Полевые материалы, АОЭ, № 114, л. 26, 28; № 115, л. 75; № 116, л. 8, 30, 45; № 119, л. 24, и др.
- 66 Полевые материалы, 1972, I, л. 41; 1973, I, л. 22; 1975, I, л. 1, 3; АОЭ, № 152, л. 42.
- 67 Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 31.
- 68 Полевые материалы, АОЭ, № 120, л. 14.
- 69 Полевые материалы, 1973, I, л. 40, 76; II, л. 27, 71; 1974, I, л. 34.
- 70 *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда..., с. 481; *Бунятов С.* Хозяйственный быт русских поселенцев..., с. 2095.
- 71 Полевые материалы, 1973, II, л. 27; III, л. 57, 72; АОЭ, № 114, л. 46; № 115, л. 26; № 119, л. 5, 12.
- 72 Полевые материалы, 1974, I, л. 34.

- 73 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 170.
- 74 Полевые материалы, 1975, I, л. 41.
- 75 Тошьян С. Б. Русские говоры в Армянской ССР..., с. 132.
- 76 Тошьян С. Б. Указ. соч., с. 129.
- 77 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 170; Полевые материалы, 1975, I, л. 9; АОЭ, № 119, л. 4.
- 78 Вермишев Х. А. Указ. соч., с. 344; Полевые материалы, 1973, I, л. 74, 76; II, л. 85; АОЭ, № 118, л. 48; № 152, л. 36 и др.
- 79 Заваров С. Указ. соч., с. 211.
- 80 Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 42.
- 81 Чижикова Л. Н. Жилище русских.—Матерьяльная культура компактных этнических групп на Украине, М., 1972, с. 72.
- 82 Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа, с. 29.
- 83 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. I, д. 707.
- 84 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 737.
- 85 ЦГИА ГССР, ф. 4, оп. 2, д. 140 (подсчеты произведены автором).
- 86 В 1840-е годы в Тамбовской губернии на 100 чел. населения приходилось 81,2 гол. в переводе на крупный скот, в Воронежской—80,4, Черниговской—51 (на 1850-е годы), Полтавской—60,7, Харьковской—71,1, Саратовской—103, Оренбургской—147,8 (в последних двух губерниях скотоводство являлось развитой отраслью хозяйства). см.: Ковальченко Н. Д. К истории скотоводства в Европейской России в XIX в.—Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, IV, М., 1960, с. 181—183.
- 87 ЦГИА ГССР, ф. 4, оп. 2, д. 140 (подсчеты произведены автором).
- 88 Приводимые здесь и ниже данные, относящиеся к 1885 г., подсчитаны автором на основе сведений, содержащихся в СМИБГКЗК. См. также табл. № 2 «Состояние скотоводства в русских селениях Восточной Армении к 1885 г.».
- 89 ЦГИА ГССР, ф. 4, оп. 2, д. 140; ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51, л. 63 об.
- 90 ЦГИА ГССР, ф. 240, оп. 2, л. 193, л. 109—110.
- 91 Сб. стат. сведений по Саратовской губернии, т. II, Саратов, 1884, с. 62.
- 92 Сб. стат. сведений по Тамбовской губернии, т. I, Тамбов, 1880, с. 7; т. 3, Тамбов, 1882, с. 97; т. 12, Тамбов, 1886, с. 117.

- 93 Калантар А. А. Состояние скотоводства на Кавказе.— МУКЛЗПИСК, т. 2, Тифлис, 1890, с. 93, 98.
- 94 Калантар А. А. Указ. соч., с. 109; Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 26.
- 95 Мкртумян Ю. И. Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX—начало XX вв.).—Армянская этнография и фольклор, т. 6, Ереван, 1974, с. 17.
- 96 Памятная книжка Эриванской губернии на 1904 г., Эривань, 1903, III отд., с. 2.
- 97 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 185.
- 98 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51 (подсчеты произведены автором).
- 99 ЦГИА ГССР, ф. 240, оп. 2, д. 148.
- 100 Там же, д. 193, л. 109—110.
- 101 Калантар А. А. Указ. соч., с. 93; Полевые материалы, АОЭ, № 120, л. 69; № 152, л. 26.
- 102 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 51, л. 9.
- 103 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 707.
- 104 Там же, д. 51, л. 64 об.
- 105 Заваров С. Указ. соч., с. 277.
- 106 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. I, д. 389, л. 16; Полевые материалы, 1973, II, л. 24.
- 107 ЦГИА ГССР, ф. 240, оп. 2, д. 148; Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 319.
- 108 Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа, с. 109; Бунятов Г. С. Быт русских крестьян Лорийского участка..., с. 127.
- 109 Калантар А. А. Указ. соч., с. 85.
- 110 Тамашев А. З. Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем, Ереван, 1947, с. 102.
- 111 Памятная книжка Эриванской губернии на 1904 г., III отд., с. 2.
- 112 Андроников И. З. Скотоводство в Закавказском крае.— СМИБГКЗК, т. V, ч. I, Тифлис, 1888, с. 192.
- 113 Полевые материалы, 1973, II, л. 25; АОЭ, № 152, л. 29.
- 114 Калантар А. А. Указ. соч., с. 2.
- 115 Там же, с. 86, 109.
- 116 Там же, с. 93.
- 117 Полевые материалы, 1975, I, л. 15, 23, 26, 32, 39; АОЭ, № 119, л. 48 об; № 152, л. 29.
- 118 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 281, 290.

- 119 *Калантар А. А.* Указ. соч., с. 122.
- 120 *Петрозич П.* Указ. соч., с. 52.
- 121 *Калантар А. А.* Указ. соч., с. 86, 110, 122.
- 122 Полевые материалы, 1973, II, л. 29; АОЭ, № 115, л. 28.
- 123 *Мкртумян Ю. И.* Указ. соч., с. 66.
- 124 Полевые материалы, АОЭ, № 114, л. 2, 6; № 115, л. 30, 33, 75; № 119, л. 35; № 120, л. 4.
- 125 Полевые материалы, АОЭ, № 115, л. 52; № 120, л. 69.
- 126 Полевые материалы, АОЭ, № 115, л. 63; № 119, л. 25; № 120, л. 3, 12.
- 127 Полевые материалы, 1975, II, л. 15, 23, 26, 32, 39; АОЭ, № 119, л. 48 об.
- 128 Полевые материалы, 1975, I, л. 30, 33, 41, 42, 46.
- 129 *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX вв., М.—Л., 1957, с. 63; Полевые материалы, 1975, I, л. 24—31.
- 130 *Тамашев А. З.* Указ. соч., с. 58.
- 131 *Шавров Н. Н.* Очерк пчеловодства в Закавказье.—СМИЭБГКЗК, т. IV, ч. 2, с. 260.
- 132 ЦГИА ГССР, ф. 240, оп. 2, д. 148, л. 15 об; оп. 1, д. 1372, л. 6 об.—7.
- 133 *Шавров Н. Н.* Указ. соч., с. 204; *Бунятов С.* Пчеловодство русских переселенцев Борчалинского уезда.—КСХ, 1896, № 138, с. 2356.
- 134 Народы Европейской части СССР, т. I, М., 1964, с. 190.
- 135 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 8, 22, 42, 62.
- 136 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 51, л. 9 об, 64 об.
- 137 *Бунятов С.* Предсказатели погоды у простого народа.—КСХ, 1896, № 150, с. 2607.
- 138 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 56.
- 139 *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 194.
- 140 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 5897, л. 7—11; д. 5971, л. 9.
- 141 *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Указ. соч., с. 40.
- 142 *Бунятов С.* Пчеловодство русских переселенцев Борчалинского уезда, с. 2357.
- 143 *Бунятов С.* Из Лорийского участка.—КСХ, 1897, № 184, с. 462; Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 9.
- 144 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 81, 91.
- 145 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 22.
- 146 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 91.

- 147 Сагатов М. Экономические очерки озера Севан, Эривань, 1872.
с. 78.
- 148 Там же, с. 82.
- 149 Там же, с. 83.
- 150 Там же.
- 151 Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 20; № 153, л. 25, 62.
- 152 Бунятов С. Из Лорийской степи.—КСХ, 1897, № 181, с. 414.
- 153 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.
- 154 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 359, л. 5.
- 155 ЦГИА ГССР, ф. 240, оп. 2, д. 318, л. 33..
- 156 ЦГИА ГССР, ф. 240, оп. 2, д. 148, л. 15 об; оп. 1, д. 1372.
- 157 Бунятов С. Заработки русских поселенцев Борчалинского уезда.—КСХ, 1898, № 237, с. 475—476.
- 158 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 272.
- 159 Бунятов С. Заработки русских поселенцев..., с. 475.
- 160 Там же, с. 475—476; Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 11.
- 161 Бунятов С. Заработки русских поселенцев., с. 475—476.
- 162 Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850, с. 114.
- 163 Бунятов С. Заработки русских поселенцев..., с. 475.
- 164 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 13—14, 40—42.
- 165 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 39—40.
- 166 Бунятов С. Заработки русских поселенцев..., с. 475.
- 167 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 51, л. 63 об.
- 168 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 18, 19.
- 169 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 18, 19—21.
- 170 Бунятов С. Заработки русских поселенцев..., с. 475.
- 171 Пиралое А. С. Краткий очерк кустарной промышленности Кавказа.—Кавказский календарь на 1901 г., Тифлис, 1900, с. 56.
- 172 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 86.
- 173 Полевые материалы. 1972, I, л. 20, 21; 1973, I, л. 30; IV, л. 30.
68, 69.
- 174 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 91.
- 175 Полевые материалы, АОЭ, № 152, л. 20.
- 176 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 576.
- 177 Там же, с. 289.
- 178 Полевые материалы. 1973, I, л. 21, 36; 1974, I, л. 19.
- 179 Бунятов С. Покупка в рассрочку.—КСХ, 1898, № 214, с. 110.
- 180 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 378, л. 125 об.
- 181 Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа, с. 84—85.
- 182 Вермишев Х. А. Указ. соч., с. 336.
- 183 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 707, 737.

- 184 Там же. ф. 133, оп. 1, д. 4339, л. 6—6 об.
- 185 Памятная книжка Эриванской губернии на 1908 г., Эривань, 1907, с. 9; Памятная книжка Эриванской губернии на 1912 г., Эривань, 1911, с. 12.
- 186 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 141, л. 102.
- 187 Памятная книжка Эриванской губернии на 1902 г., с. 31.

Глава III

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 423.
- 2 ЦГИА ГССР, ф. 222, д. 12, л. 7; ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 359, л. 86, 150.
- 3 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 1173, л. 53.
- 4 Там же, д. 359, л. 110.
- 5 Там же, ф. 125, оп. 1, д. 148, л. 7; д. 737, л. 14; Полевые материалы, 1974, I, л. 30—31. Наличие местной географической терминологии, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что до прихода русских крестьян эти земли находились во владении местных жителей.
- 6 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 737, л. 14.
- 7 Там же, ф. 130, оп. 1, д. 247, л. 21.
- 8 Там же, ф. 140, д. 2, л. 22 об.—23.
- 9 Там же, ф. 133, оп. 1, д. 3707.
- 10 Там же, л. 2621.
- 11 Там же, ф. 125, оп. 1, д. 141, л. 92; д. 148, л. 7; д. 737, л. 14.
- 12 Там же, ф. 133, оп. 1, д. 782, л. 14.
- 13 Там же, ф. 140, д. 5, л. 6 об.
- 14 Там же, ф. 133, оп. 1, д. 329, л. 357 об.
- 15 Там же, ф. 133, оп. 1, д. 1016, л. 1.
- 16 Там же, ф. 133, оп. 1, д. 3123, л. 24 (подсчеты произведены автором)..
- 17 Памятная книжка Каресской области на 1906 г., Тифлис, 1905, раздел IV, вед. 1; Памятная книжка и адрес календарь Каресской области на 1902 г., Тифлис, 1902, с. 15.
- 18 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 70.
- 19 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда..., с. 504—513; Зелинский С. П. Экономический быт государственных крестьян в Бамбакском участке и в северной части Шорагяльского участка Александропольского уезда Эриванской губернии.—МИЭБГКЗК. т. III, с. 476—481 (подсчеты произведены автором).

- 20 Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Парникова А. С. Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX—нач. XX вв.).—Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР, М., 1960, с. 180.
- 21 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 359, л. 78 об.
- 22 Там же, л. 78.
- 23 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда..., с. 431.
- 24 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 82.
- 25 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 90—91.
- 26 Амбарян А. С. Развитие капиталистических отношений в армянской деревне (1860—1920), Ереван, 1959, с. 104.
- 27 ЦГИА ГССР, ф. 12, оп. 10, д. 2010, л. 42—42 об.
- 28 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 46, л. 134; д. 50, л. 122 об.; д. 141, л. 95; д. 148, л. 9; д. 737, л. 6.
- 29 Полевые материалы, 1972, I, л. 41 об; АОЭ, № 152, л. 16; № 118, л. 18.
- 30 Полевые материалы, АОЭ, № 153, л. 27, 42.
- 31 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 81; Полевые материалы. 1973, II, л. 23, 47.
- 32 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 737, л. 56; д. 148, л. 9; д. 141, л. 95.
- 33 ЦГИА АрмССР, ф. 113, оп. 1, д. 207, л. 12.
- 34 Сегаль И. Л. Крестьянское землевладение в Закавказье, Тифлис, 1912, с. 32.
- 35 ЦГИА АрмССР, ф. 140, д. 1, л. 4.
- 36 Полевые материалы, 1974, I, л. 33 об; 1973, III, л. 94; IV, л. 41, 59.
- 37 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда..., с. 473.
- 38 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 78—79.
- 39 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 95.
- 40 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 79.
- 41 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 141, 737.
- 42 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 406.
- 43 Там же, т. I, с. 265.
- 44 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 257, л. 14; Полевые материалы, 1973, III, л. 1.
- 45 ЦГИА АрмССР, ф. 140, д. 2, л. 1.

46 Там же, ф. 113, оп. 1, д. 207, л. 12.

47 Там же, л. 9.

48 «Мирский приговор. 1890 года апреля 27 дня. Мы, нижеподписавшиеся, общество жителей с. Никитино Александропольского уезда Эриванской губернии, будучи сего числа на сельском сходе и по предварительному совещанию, с общего нашего согласия наняли в полевые сторожа в нынешнем году жителя селения Рандамал Новобаязетского уезда Аракела Ованесова, сроком с 2-го мая по 15-е сентября 1890 года за 32 рубля за все оное время для охранения наших общественных сенокосных, пастбищных, посевных и огородных мест, каковые деньги должны быть собраны по тридцать копеек с каждой пользующейся нашей земельной души и уплачены ему, загоищику Ованесову, в два срока, то есть 12 руб. в начале его означенной службы и остальные 20 руб. по окончании таковой им. Кроме этого, ежели он, Ованесов, выгонит с потравы без общества, то плата остается вся в пользу его, ежели же кто-нибудь ему в помощь помимо назначения нашего общества, то деньги все должны разделиться между собою по равной части; взыскание же платы мы определяем со скотины, баранов и с лошади — с каждой головы по пяти копеек и с пары гусей пять копеек; ежели же он, Ованесов, захватит кого-либо на секретной самовольной потраве ночью или днем в заповедных местах, на картофельных выгонах, в хлебах и в хлебных скирдах, то хозяева скотины, лошадей и баранов должны ему заплатить за каждую штуку в первый раз от 20 копеек до 1 рубля, а во второй раз от рубля до трех рублей и еще хозяину стоимость за потравленное по оценке добросовестных понятых, а ежели он, полевой сторож Ованесов, не доглядит и будет сделана потрава на вышеуказанных местах названным предметам и не укажет виновных, то он, Ованесов, за свое недосмотрение и оплошность отвечает потерпевшим хозяевам и обществу стоимостью потравленного по оценке добросовестных понятых и по определению общества. Ежели кто-либо из наших односельцев и временно у нас проживающих окажет сопротивление полевому сторожу Ованесову во время захвата и выгона и нанесет ему обиду на словах или действием, то виновный в этом подвергается штрафу в пользу его, Ованесова, три рубля и, смотря по вине, ответственности по закону. За исполнение в точности сего приговора обязан строго наблюдать наш общественный старшина... Подписи». (ЦГИА АрмССР, ф. 140, д. 1, л. 6 об—7 об.).

- 49 Там же, ф. 140, д. 8, л. 50—51.
- 50 Там же, л. 71—77.
- 51 Там же, л. 50—53.
- 52 Там же, д. 1, л. 5.
- 53 Там же, ф. 140, д. 2, л. 10 об; Полевые материалы, АОЭ, № 152 л. 34.
- 54 *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Указ. соч., с. 38.
- 55 *Ерицов А. Д.* Экономический быт государственных крестьян Борчалинского уезда..., с. 501; ЦГИА АрмССР, ф. 140, д. 1, л. 16.
- 56 ЦГИА АрмССР, ф. 140, д. 8, л. 70.
- 57 Там же, д. 1, л. 11; д. 2, л. 17.
- 58 *Баликян О.* Обзор документальных материалов фонда: «Эриванское губернское правление» (ф. 94).—Вестник архивов Армении, 1971, № 4, с. 140.
- 59 ЦГИА АрмССР, ф. 140, д. 1, л. 16.
- 60 Размеры налогов устанавливали, не учитывая экономического развития данного уезда. В отчете о деятельности Управления государственных имуществ за 1885—1886 гг. указывалось: «При сравнении податных тягостей сплошь и рядом оказывается, что две почти смежные деревни, находящиеся в совершенно одинаковых условиях земельного довольствия, обложены разными размерами подымной подати, не говоря уже о тех неправильностях, что нередко деревни с лучшими землями и в большем количестве платят менее других деревень, поставленных в несравненно худшие условия» (ЦГИА СССР, ф. 244, оп. 1, д. 44, л. 12 об., 13).
- 61 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 366.
- 62 Цит. по: *Ханларян Л. А.* К характеристике армянской деревни дореформенного периода.—Исторические записки, т. 58, М., 1956, с. 171.
- 63 ЦГИА АрмССР, ф. 133, оп. 1, д. 378, л. 29.
- 64 *Антелава И. Г.* Государственные крестьяне Грузии в XIX в., т. II, Тбилиси, 1962, с. 180—181, 183.
- 65 ЦГИА АрмССР, ф. 140, д. 1, л. 1; д. 2, л. 22 об., 23.
- 66 Исследование помочей у русских крестьян в XIX в. дано в статье: *Громыко М. М.* Обычай помочей у русских крестьян в XIX в. (к проблеме комплексного исследования трудовых традиций).—СЭ, 1981, № 4—5
- 67 Полевые материалы, 1973, II, л. 41; III, л. 24; IV, л. 43; 1974, I, л. 14; АОЭ, № 116, л. 54; № 153, л. 28.
- 68 *Громыко М. М.* Указ. соч.—СЭ, 1981, № 4, с. 38.

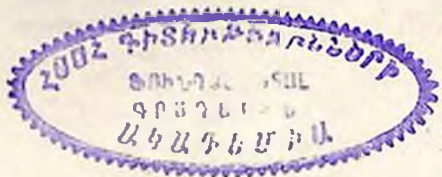
- 69 *Аргутинский-Долгоруков А. М.* Указ. соч., с. 107.
- 70 Там же, с. 100.
- 71 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 737.
- 72 Полевые материалы, 1973, III, л. 57.
- 73 Там же, I, л. 56; IV, л. 43 и др.
- 74 *Тамашев А. З.* Указ. соч., с. 126—127.
- 75 Полевые материалы, 1973, I, л. 49, 55.
- 76 В данном разделе автор дает краткую характеристику наиболее значимых праздников русского православного крестьянства Восточной Армении, в которых находит отражение общественный быт. Всестороннее исследование календарной обрядности— тема отдельного исследования.
- 77 *Дингельштедт Н. А.* Указ. соч., с. 29—31; *Хаханов А. Молокане и баптисты Закавказья.*—ЭО, 1901, № 1, с. 45; Полевые материалы, АОЭ, № 116, л. 80—81, 88; № 118, л. 5, 23, 37, 68 и др.
- 78 Полевые материалы, АОЭ, № 115, л. 70—71; № 116, л. 50—51; 1973, II, л. 65.
- 79 Там же, АОЭ, № 115, л. 58; № 116, л. 54.
- 80 Там же, АОЭ, № 114, л. 42; № 115, л. 7, 13, 66; № 116, л. 43; № 119, л. 23, 43; № 153, л. 12.
- 81 *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования), Л., 1963. с. 29.
- 82 *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, с. 126.
- 83 Полевые материалы, № 115, л. 4, 72; № 116, л. 46; № 119, л. 16; № 118, л. 30 и др.
- 84 *Малинка А. Н.* Этнографические мелочи из местечка Веркиевки Нежинского уезда Черниговской губернии.—ЭО, 1898, № 1, с. 159.
- 85 *Пропп В. Я.* Указ. соч., с. 53—54.
- 86 Полевые материалы, АОЭ, № 120, л. 16.
- 87 Там же, № 119, л. 31, 39; № 120, л. 16; № 153, л. 6, 11 и др.
- 88 Там же, № 115, л. 2, 17, 72 и др.
- 89 Там же, № 114, л. 10; № 115, л. 18; № 116, л. 31.
- 90 Там же, № 115, л. 53, 63; № 120, л. 11.
- 91 Там же, № 115, л. 55; № 153, л. 11 и др.
- 92 Стоглав. Казань, 1912, с. 89—90.
- 93 *Пропп В. Я.* Указ. соч., с. 22—23.
- 94 Полевые материалы, АОЭ, № 114, л. 8, 16, 19; № 115, л. 2; № 116, л. 10 и др.

- 95 Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов..., М., 1957, с. 62—63.
- 96 Полевые материалы, АОЭ, № 119, л. 9, 11, 15, 21; № 115, л. 76; № 116, л. 46, 51.
- 97 Там же, № 114, л. 12, 15, 32; № 119, л. 32.
- 98 Там же, № 114, л. 23—24; № 120, л. 16.
- 99 Там же, № 114, л. 11, 24, 30; № 116, л. 14, 19, 51; № 120, л. 2, 16.
- 100 Там же, № 115, л. 16, 58; № 116, л. 5; № 119, л. 27; № 120, л. 17.
- 101 Там же, № 115, л. 58; № 116, л. 51, 60; № 119, л. 17.
- 102 Там же, № 115, л. 25; № 119, л. 10 и др.
- 103 Там же, № 120, л. 15, 71 и др.
- 104 Там же, 1975, I, л. 28, 45; АОЭ, № 119, л. 42; № 120, л. 15.
- 105 Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству.— Славянский и балканский фольклор, М., 1958, с. 122.
- 106 Полевые материалы, АОЭ, № 114, л. 17, 29, № 116, л. 42—43, № 120, л. 3.
- 107 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 21.
- 108 Амбарян А. С. Указ. соч., с. 67.
- 109 Мочалов В. Д. Указ. соч., с. 149.
- 110 Адонц М. А. Указ. соч., с. 382.
- 111 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 99—100.
- 112 Ерицов А. Д. Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда..., с. 221.
- 113 Масалкин А. И. К истории закавказских сектантов.—Кавказ, 1893, № 333.
- 114 Амбарян А. С. Указ. соч., с. 113.
- 115 Там же, с. 114.
- 116 Сб. правительственных распоряжений и решений по устройству быта крестьян и поселян Кавказского края 1880—1883 гг. (сост. А. Н. Кучаев), Тифлис, 1883, с. 81.
- 117 Марков Ф. Т. Казенные оброчные статьи и свободные земли в Закавказье.—СМИЭБГКЗК, т. V, ч. 2, Тифлис, 1888, с. 260.
- 118 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 281—290 (подсчеты произведены автором).
- 119 Там же (подсчеты произведены автором).
- 120 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 114.
- 121 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 406.
- 122 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 90—91.
- 123 Аргутинский-Долгоруков А. М. Указ. соч., с. 39.
- 124 ЦГИА АрмССР, ф. 125, оп. 1, д. 707, 737. Необходимо иметь

в виду, что данные относятся ко времени первой мировой войны, когда из-за недостатка рабочих рук большие земельные площади оставались необработанными, что вызвало уменьшение сельскохозяйственного производства, а следовательно и ухудшение положения в деревне. Однако анализ архивных материалов дает некоторое представление о степени имущественной дифференциации русских крестьян Восточной Армении.

Крестьяне безлошадные, однолошадные, имеющие двух быков, отнесены к беднейшим, с двумя-четырьмя лошадьми—к средней и с пятью и более—к зажиточной группе. Учтена и обеспеченность крестьян молочным скотом: например, хозяйства, имевшие 2—4 лошадей, но 5 и более коров, относились к зажиточным, а однолошадные с двумя и более коровами—к средним хозяйствам. Такая группировка дворов предложена в работе: *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVII—первой половине XIX вв.—История СССР, 1966, № 4, с. 57.

- 125 *Коцевский А. С.* Участие крестьян-сектантов в заселении и хозяйственном освоении южной Украины (вторая половина XVIII—первая половина XIX вв.).—Тез. докл. и сообщ. XI симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, М., 1969, с. 98.
- 126 *Балалаева Н. М.* О переселении молокан в Амурскую область.—Ученые зап. Кhabаровского гос. пед. ин-та (сер. ист.), т. 26, Хабаровск, 1968, с. 37.
- 127 *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. с. 113.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	—Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
АОЭ	—Архив отдела этнографии Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.
КСХ	—Кавказское сельское хозяйство.
МИЭБГКЗК	—Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края.
МУКЛЗПИСК	—Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе.
ПСЗ	—Полное собрание законов Российской империи.
СМИЭБГКЗК	—Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края.
СЭ	—Советская этнография.
ЦГВИА СССР	—Центральный государственный военно-исторический архив СССР.
ЦГИА АрмССР	—Центральный государственный исторический архив Армянской ССР.
ЦГИА ГССР	—Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.
ЭО	—Этнографическое обозрение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава I. Из истории появления русского населения в Восточной Армении</i>	12
1. Военные поселения	13
2. Сектантские поселения	18
<i>Глава II. Хозяйственный быт русских переселенцев</i>	
1. Культура земледелия	40
2. Скотоводческая культура	65
3. Подсобные хозяйственные занятия	85
4. Ремесла и промыслы	92
<i>Глава III. Общественный быт русских крестьян Восточной Армении</i>	
1. Формы землевладения и землепользования	107
2. Организация общинной жизни	119
3. Формы общинной и соседской взаимопомощи	123
4. Общественные праздники	132
5. Проникновение капиталистических отношений в быт русских крестьян	144
<i>Заключение</i>	151
<i>Примечания</i>	156
<i>Список сокращений</i>	178

ДОЛЖЕНКО ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ РУССКИХ
КРЕСТЬЯН ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
(КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX ВВ.)

Редактор издательства *Р. А. Багдасарян*
Художник *Ю. А. Аракелян*
Художественный редактор *Г. Н. Горцакалян*
Технический редактор *А. М. Манучарян*
Корректор *С. Г. Пироева*

ИБ № 986

Сдано в набор 11.03. 1985 г. Подписано к печати 16.09. 1985 г.
ВФ 07559. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Шрифт «литературный»,
высокая печать. Печ. л. 11,25, усл. печ. л. 9,45. Учетно-изд. л. 9,15
9,45 кр. от. Тираж 1600. Зак. № 204. Изд. № 6403. Цена 1 р. 35 к.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24 г.

Типография Издательства АН Арм. ССР, 378310, г. Эчмиадзин

ԳԱՆ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0139472

1 р. 35 коп.

